

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Воронежский государственный университет

Ювяскюльский университет (Финляндия)

РУССКОЕ И ФИНСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Выпуск 2

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2001

ББК 81.2 Рус я43+81.2 Фин я43

Р 88

Редакционная коллегия: проф. **И. А. Стернин**, доктор **Н. Турунен**, проф. **И. П. Лысакова**, проф. **В. Б. Кашкин**, проф. **Л. И. Харченкова**

Научный редактор выпуска проф. **И. П. Лысакова**

Р 88 Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. — 161 с.

ISBN 5—8064—0377—7

Данный сборник подготовлен учеными РГПУ им. А.И. Герцена (СПб), Воронежского университета и университета Ювяскюля в рамках совместного научного проекта «Коммуникативное поведение русских и финнов (сопоставительный анализ)». Тема исследования утверждена Академией наук Финляндии (сектор исследования культуры и общества, тема № 463318 — International communication. Communicative behavior) 15 февраля 1999 г.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей финского и русского языков, деловых людей, бизнесменов, переводчиков, работников совместных русско-финских предприятий.

Р—4602000000—10

ББК 81.2 Рус я43+81.2 Фин я43

ISBN 5—8064—0377—7

© Коллектив авторов, 2001

© Издательство РГПУ

им. А. И. Герцена, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Исследования	
<i>И. Пеппонен, Р. Руохомяки, И. А. Стернин.</i> Стереотипы с двух точек зрения (Финский взгляд на русские стереотипные представления о финнах)	6
<i>И. А. Стернин.</i> Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование)	9
<i>И. А. Стернин.</i> Модель русского невербального коммуникативного поведения	14
<i>Лийс Кеэрберг (Эстония)</i> Что меня удивляет в коммуникативном поведении русских	26
<i>Н. А. Козельская.</i> Русские клиенты глазами финских работников сферы обслуживания	30
<i>Йоханна Туорила, М. А. Стернина.</i> Стереотипы в межкультурной коммуникации: представления финских чиновников о русских	32
<i>И. А. Стернин.</i> Контрастивное исследование физического контакта и дистанции в русском коммуникативном поведении	39
<i>К. М. Шилихина.</i> Общение пожилых людей с незнакомыми молодыми людьми в русской коммуникативной культуре	44
<i>Е. А. Попова.</i> Авось в русском сознании	47
<i>В. Б. Кашкин, С. Пёйхёнен.</i> Так что же в имени твоём... (Асимметричный дуализм личного имени)	54
<i>М. Ю. Дьякова.</i> Финны через призму этнопсихологии	70
<i>Э. Э. Алёшина.</i> Русские и финны глазами друг друга	76
<i>О. Л. Кузнецова, Н. Турунен, Л. И. Харченкова.</i> Этнические константы и аксиологические предпочтения русских и финнов (по материалам опроса)	89
<i>О. Л. Кузнецова, Л. И. Харченкова.</i> Этические нормы русских и финнов в пословицах и поговорках	99
<i>О. Л. Кузнецова, Н. Турунен.</i> Критические ситуации в стране изучаемого языка (русско-финские параллели)	103
<i>Н. Турунен, Л. И. Харченкова.</i> Опыт выявления лакун при изучении русского языка в финской аудитории	107
<i>Марья Кюнкяйниеми.</i> Стереотипы в формировании культурной картины мира учащегося в обучении русскому языку как иностранному	111
<i>Л. Сретенская, Н. Турунен.</i> Из опыта работы с финскими студентами	120
<i>О. Л. Кузнецова.</i> Мимика и жесты (русско-финские соответствия)	122
<i>Л. И. Харченкова.</i> Изучение невербальной коммуникации русских и финнов	127
<i>Санна Исканус.</i> Языковая идентификация и языковые контакты русскоязычных учащихся-иммигрантов в Финляндии	130

<i>Е. С. Роговер. Из истории русско-финских литературных отношений</i> (Проблема национального характера и поведения).....	139
---	-----

Заметки о финском общении

<i>С. Короткова. Русские о финнах</i>	152
<i>С. Гаврилович. Финские впечатления</i>	156
Русские анекдоты о финнах	158

Публикации кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена (проблемы коммуникативного поведения, этнической ментальности и национально ориентированной методики обучения РКИ)	159
--	-----

Данный сборник подготовлен учеными РГПУ им. Герцена (СПб), Воронежского университета и университета Ювяскюля в рамках совместного научного проекта «Коммуникативное поведение русских и финнов (сопоставительный анализ)». Тема исследования утверждена Академией наук Финляндии (сектор исследования культуры и общества, тема № 463318 — International communication. Communicative behavior) 15 февраля 1999 г.

Проект, в рамках которого сотрудничают российские и финские ученые, предполагает решение следующих задач:

- разработку комплексной модели описания национального коммуникативного поведения;
- проведение последовательного описания коммуникативного поведения финнов и русских по разработанной модели;
- выявление сходных и идиоэтнических черт коммуникативного поведения двух народов;
- подготовку материалов для введения в практику преподавания русского и финского языков как иностранных учебного курса «Русское коммуникативное поведение» (для финнов) и «Финское коммуникативное поведение» (для русских);
- публикацию серии сборников по проблеме сопоставления русского и финского коммуникативного поведения;
- подготовку обобщающей монографии «Русское и финское коммуникативное поведение (сопоставительное описание)».

Данный выпуск сборника — второй из запланированной серии. Он включает результаты исследований, полученные в течение второй половины 2000 — первой половины 2001 г. Следующий, третий выпуск сборника выйдет в Ювяскюля.

Авторы сборника заинтересованы в расширении круга исследователей русского и финского коммуникативного поведения и приглашают к сотрудничеству всех заинтересованных лиц.

И. Пеппонен, Р. Руохомяки, И. А. Стернин

СТЕРЕОТИПЫ С ДВУХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ (Финский взгляд на русские стереотипные представления о финнах)

В первом выпуске исследований по проблеме контрастивного описания русского и финского коммуникативного поведения опубликованы результаты экспериментального исследования русских стереотипов в отношении финнов, проведенные в Воронеже с 34 информантами [1]. Этот материал был проанализирован финскими студентами, которые высказали свое отношение к ним, оценку и предложили некоторые объяснения результатов, полученных российским автором названной статьи. Эти комментарии представляют интерес как для русских, так и для финнов, поскольку представляют собой своеобразную верификацию полученных результатов с точки зрения финских автостереотипов. Остановимся на наиболее важных комментариях финнов, которые дополняют или корректируют «русский взгляд» на финнов.

Основные выводы финских исследователей таковы.

1. Воронежские информанты имеют мало контактов с финнами и сведения о Финляндии до них не доходят.

2. Представления воронежцев о внешности типичного финна свидетельствуют об отождествлении ими типичного финна с типичным скандинавом (высокие, крепкие, мало жестикулируют, с голубыми глазами).

3. Русские информанты описывают финнов как элегантных и подтянутых, что может быть применено к финнам скорее в смысле характера, нежели в смысле внешности.

4. Описание характера финна (спокойные, недостаточно открытые, медлительные, флегматичные) соответствует действительности, но является общескандинавской чертой.

5. Мнение о финнах как скептических, холодных, глуповатых и простоватых сформировано, видимо, под влиянием такой яркой черты финского поведения как спокойствие. Русские говорят много, оживленно и считают эти качества признаками сообразительности. Финны, по данным Р. Льюиса, сами определяют себя как честных, застенчивых, сдержанных и

медлительных [2]. Налицо значительное сходство в представлениях о характере финнов у финнов и русских.

6. При ответе на вопрос «типичный финн — что делает» русские информанты дают очень «активный» портрет финна: строит дом, учится, торгует, занимается производством, работает на компьютере, проводит время с семьей, занимается спортом, ходит в баню, разговаривает по телефону, отдыхает и ведет судно. Однако многие воронежские информанты дали реакцию «рыбак», по-видимому, отождествляя финнов с другими скандинавами и особенно норвежцами, которые славятся как рыбаки. Упоминание работы на компьютере и разговора по телефону (очевидно, мобильному) — свидетельство знакомства русских информантов с финскими высокими технологиями.

7. Характеризуя речь финнов, русские информанты отмечают, что финны говорят медленно, спокойно, без жестов и только по делу. Данный стереотип о финнах является типичным для многих народов.

8. Мнения русских о финском языке содержат интересные детали — например, что в финском языке ударение на первом слоге, что финны говорят нараспев и финский язык красив, поскольку в нем много гласных. Это тоже достаточно распространенное в мире мнение о русском языке.

9. Мимика финнов, по мнению русских информантов, сдержанная, спокойная, ее практически нет, выражение лица серьезное и невозмутимое. Финны действительно используют мимику в минимальной степени, поскольку в финской культуре воспитание и образование сдерживают жестикуляцию, избыточную мимику и спонтанное выражение радости, любви, грусти, разочарования и других чувств. Строгий контроль финна за мимикой приводит к тому, что иностранцы просто не замечают мимики финна.

Обобщая результаты анализа русских материалов, финские исследователи приходят к следующим выводам.

Типичный стереотип финна в представлении воронежцев таков: финн — высокий крепкий блондин с голубыми глазами, по характеру спокойный, не открытый, медлительный, но уравновешенный и доброжелательный, много работает и имеет много хобби, говорит спокойно, медленно, без жестикуляции и мимики и только по делу, лицо спокойное, серьезное или улыбающееся, маловыразительное.

Данные стереотипы в основном совпадают с представлениями финнов о самих себе.

Таковы финские комментарии результатов российского эксперимента. А теперь некоторые комментарии российского исследователя к комментариям финнов.

1. Самый важный вывод, который можно сделать — это вывод о том, что *русские стереотипные представления о финнах*, как подтверждают сами финны, *в основном верны* (за исключением признака «ловит рыбу»), хотя, разумеется, реального контакта у воронежцев с финнами практически нет. Из 34 русских информантов — участников эксперимента лишь один был туристом в Финляндии, а двое видели финнов в Санкт-Петербурге, остальные контакта с финнами не имели. Таким образом, стереотип финна в русском сознании всецело обусловлен культурой, он достаточно устойчив, архетипичен в русском национальном сознании.

2. Необходимо отметить, что *русский стереотип финна исключительно положителен*, в то время как аналогичный стереотип русского в сознании финна во многом негативен [3]. Интересно, что, например, двое русских информантов, лично встречавшихся с финнами в Санкт-Петербурге, отмечали, что все время наблюдали сильно пьяных финнов, которые вели себя очень развязно, но это никак не отразилось на ответах этих информантов на вопросы анкеты — они, как и все остальные, охарактеризовали финнов положительно.

Данный факт свидетельствует о том, что русские, несмотря на известные исторические факты (например, войну), сохраняют устойчивый положительный стереотип своего соседа, финский же стереотип русского человека нуждается в этнокультурной коррекции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стернин И. А.* Финны в восприятии русских (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. — Воронеж, 2000. С. 38—42.

2. *Lewis R. Meko erilaisia? Suomalainen kansainvälisissä liikenneuovotteluissa.* Keuruu. Ottava, 1993.

3. *Турунен Н.* Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. — Воронеж, 2000. С. 35.

И. А. Стернин

РУССКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ИДЕАЛ (экспериментальное исследование)

Под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в сознании народа. Коммуникативный идеал является существенной составляющей нацио-

нального менталитета, а также неотъемлемой частью национального коммуникативного поведения.

Коммуникативный идеал может быть представлен не только в сознании народа, но и в сознании части этнического коллектива, объединенной каким-либо социальным, возрастным, профессиональным, гендерным признаком. В таком случае речь будет идти о групповом коммуникативном идеале, что также представляет интерес для исследования.

В данной статье мы представим результаты начальной стадии экспериментального исследования русского коммуникативного идеала. Эти результаты позволяют выявить основные, наиболее яркие составляющие русского коммуникативного идеала, а также позволяют проверить и откорректировать методику проведения эксперимента.

В исследовании была применена методика направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым предъявлялась инструкция следующего содержания:

«Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем представления разных людей об идеальном собеседнике. Просим вас письменно ответить на следующий вопрос:

Идеальный собеседник — какой?

- 1.
- 2.
- 3.
- 4
- 5.

Время ответа на вопросы не ограничивается. Спасибо!»

Испытуемыми были студенты воронежских вузов, учителя Воронежа и Воронежской области, проживающие в городе, селе и райцентрах, а также участники региональной научной конференции по культуре речи (Екатеринбург).

Таким образом, контингент испытуемых — это образованные люди. Опрошено 103 человека, из них 29 мужчин, 74 женщины, 31 человек в возрасте 20—30 лет, 63 человека в возрасте 31—50 лет, 19 человек старше 50 лет. Городских жителей из опрошенных было 74, сельских — 25, 4 проживали в райцентрах.

Эксперимент показал, что опрашиваемые не испытывают трудностей в ответах на поставленный вопрос, что свидетельствует о том, что коммуникативный идеал находится у русского человека в активной зоне языкового сознания (под языковым сознанием мы понимаем структуру мышления, отвечающие за язык и коммуникацию на нем).

Некоторые затруднения вызывала необходимость дать *пять* реакций, но в течение 3-4 минут большинство испытуемых справлялись с заданием.

В ответах испытуемых встречались признаки, которые в смысловом отношении фактически дублировали друг друга (типа *умный* и *эрудированный*, *образованный* и *много знает* и под., но они тоже обрабатывались и учитывались при подсчете, так как рассматривались как дополняющие, уточняющие друг друга. Некоторые испытуемые давали больше пяти реакций. В результате дублирования некоторых признаков (один и тот же признак назывался испытуемыми два или даже три раза различными словами, все из которых учитывались) число зафиксированных реакций в одном случае (признак *умеет слушать*) даже оказалось больше, чем число испытуемых (111 при числе опрошенных 103), что свидетельствует о важности этого признака в языковом сознании опрошенных. Всего было получено 130 разных реакций.

При обработке результатов эксперимента близкие реакции объединялись по смысловому признаку в одну, а частотность давших эти реакции суммировалась; в качестве метаязыкового обозначения группы сходных реакций выбиралась, если это было возможно, наиболее частотная в эксперименте либо использовалось перечисление нескольких наиболее частотных реакций.

Приведем результаты эксперимента. Приводятся реакции с указанием количества упоминаний данного признака во всем массиве ответов испытуемых, указаны реакции, встретившиеся не менее 5 раз:

- Умеет слушать (111)
- Умный, образованный, компетентный, эрудированный (103)
- Веселый, с чувством юмора, оптимист (56)
- Вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, не грубый, тактичный (43)
- Культурно, красиво говорит, грамотный, хороший русский язык (41)
- Понимающий, способный понять (28)
- Дружелюбный, доброжелательный (27)
- Общительный, легкий в общении (22)
- Умеет не спорить, соглашаться, ищет консенсус, не навязывает свою точку зрения (15)
- Интересный, с разносторонними интересами (12)
- Откровенный, открытый, искренний (12)
- Спокойный, сдержанный (12)
- Умеет дать совет (7)
- Физически опрятный, аккуратный, приятно одет (7)
- Интеллигентный (7)
- Умеет убедить, владеет способами доказательства (6)

Анализ данного перечня показывает, что подавляющее большинство признаков коммуникативного идеала, выделенных испытуемыми, отражает идеализированное представление о *толерантном собеседнике*.

Напрямую это представление отражают признаки *умеет слушать, вежливый, воспитанный, с хорошими манерами, тактичный, не грубый, культурно говорит, понимающий, способный понять, дружелюбный, доброжелательный, умеет не спорить, соглашаться, ищет консенсус, не навязывает свою точку зрения, спокойный, сдержанный, интеллигентный*;

косвенно — *общительный, легкий в общении, откровенный, открытый, искренний, веселый, с чувством юмора, оптимист*.

Из ядерных признаков коммуникативного идеала, в общей сумме составивших в эксперименте массив объемом 499 признаков, 243 признака прямо отражают представление о толерантности собеседника (49%), а 90 — косвенно (18%). Таким образом, фактор толерантности составляет почти половину всех выделенных признаков, а с косвенными признаками — 67%, т. е. почти две трети.

Из оставшихся факторов отметим фактор интеллекта (21%), фактор качества речи (8%), фактор широты интересов (2,5%), фактор коммуникативной эффективности — *умеет дать совет, умеет убедить, владеет способами доказательства* (2,5%).

Можно сделать и предварительные выводы о групповых коммуникативных идеалах опрошенной аудитории.

Сопоставим данные в отдельных группах испытуемых по наиболее частотным для данной группы признакам:

Мужчины (29 чел.)	Женщины (74 чел.)
Умный — 22	Умеет слушать — 91
Умеет слушать — 20	Умный — 81
Умеет хорошо говорить — 11	Веселый, остроумный — 51
Понимающий, умеет сочувствовать — 6	Дружелюбный, доброжелательный — 25
Общительный, легкий в общении — 5	Понимающий, умеет сочувствовать — 22
Веселый, остроумный - 5	Общительный, легкий в общении — 17
Много знает, разносторонний — 4	Откровенный, искренний — 11
	Спокойный, сдержанный, не кричит — 10
	Много знает, разносторонний — 8

20—30 лет (21 чел.)	31—50 лет (63 чел.)	Свыше 50 лет (19 чел.)
Веселый, остроумный — 34	Умеет слушать — 73	Умеет слушать — 26
Умеет слушать — 21	Умный — 68	Умный — 13
Умный — 15	Хорошая речь, красиво говорит, грамотный — 26	Понимающий, умеет сочувствовать — 7

Дружелюбный, доброжелательный — 5	Вежливый, тактичный, не грубый, культурный, хорошо воспитан — 24	Веселый, остроумный — 5
Умеет не спорить, ищет консенсус, умеет соглашаться — 5	Дружелюбный, доброжелательный — 21	Дружелюбный, доброжелательный — 4
	Веселый, остроумный — 17	Откровенный, открытый, искренний — 4
	Приятно одет, внешне аккуратный — 11	Культурный, воспитанный, хорошие манеры — 4
	Внимательный — 9	Умеет дать совет — 3
	Спокойный, сдержанный — 7	Умеет поддержать разговор — 3
		Общительный — 3

Город (74 чел)	Райцентр (4 чел.)	Село (25 чел.)
Умеет слушать — 105	Умеет слушать — 4	Умеет слушать — 23
Умный — 82	Умный — 4	Умный — 9
Веселый, остроумный — 44	Веселый, остроумный — 4	Веселый, остроумный — 8
Хорошо знает русский язык, красиво говорит — 33	Хороший литературный язык, грамотный — 3	Понимающий, умеет сочувствовать — 7
Общительный, простой в общении — 23		Хороший русский язык, умеет красиво говорить — 7
Дружелюбный, доброжелательный — 19		Дружелюбный, доброжелательный — 6
Понимающий, умеет сочувствовать — 16		Откровенный, искренний — 6
Хорошо воспитан, культурный — 11		Культурный, хорошо воспитан — 4
Спокойный, сдержанный — 9		Умеет дать совет — 3
Разносторонний, много знает — 8		
Вежливый, тактичный, не грубый — 8		
Умеет дать совет — 7		

Групповые коммуникативные идеалы, как видно из таблиц, демонстрируют как сходства, так и различия, что свидетельствует о необходимости их дальнейшего изучения.

Подводя общий итог, можно сказать, что налицо толерантность как ведущая черта русского коммуникативного идеала. Русское коммуникативное сознание ищет идеал в толерантном собеседнике, в таком, который

выполнял бы роль внимательного, вежливого слушателя. Это, по-видимому, обусловлено такими национальными чертами русского коммуникативного поведения как высокая общительность, высокая коммуникативная активность русского человека, бескомпромиссность в споре, эмоциональность и искренность, стремление увеличить свой речевой вклад, завладеть коммуникативным вниманием, коммуникативный центризм русского человека.

Данные эксперимента, несмотря на их предварительный и ограниченный характер, свидетельствуют, что русское сознание готово к восприятию идеи толерантности.

И. А. Стернин

МОДЕЛЬ РУССКОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Систематическое описание невербального коммуникативного поведения (НКП) любого народа представляет собой, видимо, дело будущего.

Для такого описания необходимы:

1. Четкие теоретические представления о невербальном КП, его структуре, видах;
2. Модель системного описания НКП народа.

Мы предложим первое приближение к такому описанию, кратко рассмотрев теоретические проблемы описания невербального коммуникативного поведения и предложив вариант модели такого описания.

При описании невербального коммуникативного поведения мы имеем дело с многочисленными *невербальными сигналами* — данный термин предлагается оставить в качестве родового для всех значимых в смысловом отношении невербальных проявлений, участвующих в процессе человеческого общения. Невербальные сигналы — материальные, чувственно воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закрепленный данной культурой смысл.

Среди невербальных сигналов целесообразно различать *симп-томы, символы и знаки (собственно невербальные сигналы)*.

Симп-томы — невербальные явления (движения, действия), осуществляемые бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние участника общения. Симп-томы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симп-том страха, радости, удовольствия, задумчивости и т. д.).

Символы представляют собой проявление так называемого социального символизма — символического значения, приписываемого социумом определенным предметам, действиям. Социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, но они несут коммуникативно релевантную информацию, включаясь тем самым опосредованно в процесс обмена информацией между людьми. Примеры невербальных символов: иномарка, норковая шуба, собственная вилла — зажиточность, короткая стрижка — символ «крутизны» и т. д. Социальные невербальные символы имеют ярко выраженную национальную специфику.

Знаки или собственно невербальные сигналы — преимущественно сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, относительно стандартное значение.

Невербальные знаки включают:

- *знаки языка телодвижений* (взгляд, мимика, поза, стойка, движение, походка, осанка, посадка, физический контакт, манипуляции с предметами);
- *знаки организации пространства общения (проксеимические знаки);*
- *знаки молчания.*

Многие невербальные явления могут иметь как знаковую, так и симптоматическую функции, а также могут играть и определенную символическую роль в общении, поэтому четко разграничить невербальные сигналы далеко не всегда удастся. Однако, как правило, тот или иной сигнал имеет основную функцию, и по этой функции его можно классифицировать. Если невербальный сигнал чаще продуцируется сознательно, он относится к знакам (собственно сигналам), если чаще бессознательно — к симптомам. Тем не менее, в ряде случаев разграничение оказывается условным.

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют жесты — значимые движения тела, которые подразделяются на следующие разряды.

Номинативные — их функция заменять или дополнять вербальные средства, дополнять или дублировать их. Они используются автономно или вместе с вербальными средствами. К номинативным относится и большой разряд изобразительных жестов — их особенность в том, что они передают чувственный образ предмета, действия. Часто изобразительный образ лежит в основе соответствующего фразеологизма или описательного оборота.

Эмоционально-оценочные — выражающие оценку чего-либо в ходе общения (собеседника, его действий, слов, окружающих предметов, событий, третьих лиц.

Указательные жесты — выделяют предмет, ориентируют собеседника в пространстве.

Риторические жесты — жесты, которые имеют усилительный характер, усиливают выражаемое содержание, акцентируют или усиливают отдельные части высказывания, текста в целом. Риторические жесты могут подчеркивать ритмический рисунок высказывания, подчеркивать коммуникативно значимое членение речи.

Игровые — шуточные, используемые для игры, развлечения.

Вспомогательные — жесты, используемые преимущественно в качестве физической помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации.

Магические — жесты, используемые в суеверных, магических целях.

Все эти типы невербальных сигналов должны найти отражение в модели описания коммуникативного поведения. Кроме того, релевантным оказывается также описание *невербальных сигналов уважения и неуважения*, что очень существенно для межкультурной коммуникации.

Предлагаемая модель системного описания невербального коммуникативного поведения народа состоит из трех разделов и включает дифференцированное описание трех групп невербальных сигналов:

1. Невербальных знаков.
2. Невербальных симптомов.
3. Невербальных символов.

Отдельные невербальные симптомы, сигналы и символы представляют собой коммуникативные признаки, т. е. элементы системы невербальных коммуникативных средств того или иного народа.

Предлагаемая модель основана на эмпирическом описании русского невербального коммуникативного поведения и выступает в качестве базы для сравнения русских невербальных коммуникативных признаков с коммуникативными признаками невербального поведения других народов.

***Модель описания
невербального коммуникативного поведения
(на основе описания русского коммуникативного поведения)***

1. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Язык телодвижений

- Взгляд.
- Мимика.
- Позы.
- Осанка.

- Стойка.
- Походка, движение в ходе общения.
- Физический контакт в ходе общения, его виды, функции, допустимость.

- Манипуляции с предметами, значение, допустимость.

- Риторическое поведение.

- Жесты.

а) Номинативные жесты

Просьба, побуждение:

- Проходите.
- Садитесь.
- Пойдем.
- Закурить.
- Дайте спичку, зажигалку.
- Дайте немного.
- Дайте прикурить.
- Дайте слово, дайте сказать.
- Иди сюда.
- Вон отсюда.
- Подвезите.
- Давайте поаплодируем.
- Пора начинать.
- Бис.
- Прекращайте выступление.
- Встаньте.
- Молчите
- Выпьем
- Скорее заканчивай, закругляйся.
- Хватит, довольно, прекращай, стоп.
- Давай, давай.
- Нужен собутыльник.
- Позвони мне.
- Напиши мне.
- Заканчивай.
- Не торопись.
- Не волнуйся.
- Тише.
- Делим поровну.
- Повтори громче, повтори еще раз.

- Ну, давай.
- Иди сюда.
- Остановись, дай отдохнуть.
- Не волнуйся, не торопись.
- Говори быстрее.
- Молчи, секрет.
- Давай, давай, иди ко мне.
- Дай.
- Вон он! Вот он!
- Прости.
- Пошли, пошли пешком, пора уходить.
- Пойдем выйдем.
- Приглашаю.
- Прими участие, поддержи.
- Умоляю.
- Очень прошу.
- Защити меня.
- Прости.
- Умоляю.
- Прошу внимания.
- Тишина. Внимание!
- Господи помоги.
- Давай, начинай.
- Разговор окончен, пора уходить.
- Регламент истек.
- Пройдемся вместе.
- Бросьте мне мяч.
- Держи голову выше.
- Подумай хорошенько.
- Стоп!
- Деньги давай!

Запрет.

Приветствие.

Прощание.

Вопросительные:

- Который час?
- Я? Мне? Меня?
- Ну что?
- Там, у себя?

- Я за вами?
- Вы туда?
- Закурить есть?
- Можно войти?

Утешение, сочувствие, подбадривание.

Победа.

Знакомство.

Благодарность.

Окончательное решение.

Завершение разговора.

Отрицание, несогласие, отказ.

Согласие, подтверждение.

Привлечение внимания.

Угроза, предупреждение.

Изобразительные:

- Похудел.
- Поправился, растолстел.
- Болтун.
- Пьяница.
- Чуть-чуть, немного.
- Сыпать.
- Лопух, растяпа.
- Ненормальный.
- Мозги набекрень.
- С приветом.
- Цифры (изображение).
- Ссора, плохие отношения.
- Сыт по горло.
- Военный, милиция, КГБ (погоны).
- Беременная.
- Тюрьма, тюрьма светит.
- Меня убьют, уволят, подвергнут гонениям.
- Надо, пора спать.
- Размер в высоту.
- Разделим пополам.
- Все было на грани.
- Там, наверху.
- Новый русский, тупой.
- Замотался.

- Болит.
- Тошнит.
- Полетели.
- Напиши.
- Позвони.
- Ширина.
- Очень высокий.
- Пошли пешком.
- Винтовая лестницы.
- Рябь, зыбь, неровный.
- Хаос.
- Большие глаза.
- Плохо слышу.
- Голова болит, устал.
- Красивая женщина.
- Большой бюст.
- Крепко держать в руках.
- Зазнался.
- Тайна.
- Между нами.
- Деньги нужны.
- Небольшой размер.
- Контур.
- Это одно, а это другое.
- Сила, силач.
- Фотографирую.
- Узкоглазый.
- Плач.
- Поесть.
- Скука.
- Голова кругом идет, плохо соображаю.
- Жара.
- Черт.
- Красавец-мужчина.
- Самоубийство.
- Грудной ребенок.
- Скромность, скромный.
- Нет денег.
- Точка.

- Женат, замужем.

Холодно.

Глупый, ненормальный.

Умный.

Сомнение.

Давным-давно.

Признание вины.

Вопрос (я спрашиваю).

Понимание.

Поздравление.

Готовность исполнить приказание.

Сдаюсь.

Уважение, почтение.

Крайняя необходимость.

Заискивание.

Клянусь.

Кокетство, заигрывание.

Вступление в контакт, желание вступить.

Договорились.

Воля, решительность.

Догадка, идея, вспомнил.

Железный человек, железная воля.

Примирение.

Незаметное наказание.

Разрешение что-либо сделать.

Защита.

Ты виноват.

Фотография, сфотографировать.

б) Эмоционально-оценочные жесты

Одобрение, положительная оценка.

Неодобрение, негативная оценка.

Ласка, дружелюбие, доброжелательность.

Недружелюбие, недоброжелательность.

Дразнящие.

Оскорбительные.

в) Указательные жесты

г) Риторические жесты

д) Игровые:

- Рожки при фотографировании.
- Безделье.

- «Нос».
- «Сдаюсь».
- Угадай, кто я.
- Покорность.
- Поздравляю с днем рождения.
- «Ладушки».
- Игра в ладошки.

е) Вспомогательные:

- Взять под руку.
- Предложить руку.
- Подать руку при выходе.
- Подать пальто.
- «Козырек» против солнца.
- Рукой голову подпереть от усталости.
- Рука к уху —лучше слышать.
- Сужение глаз — =всматриваться.
- Пальцевый счет.
- Вождение за руку.
- Припоминание.
- Защита головы руками.
- Внимательно следить («бинокль», «подзорная труба»).
- Громче («рупор»).

ж) Магические:

- Креститься.
- «Держать палец».
- Скрестить пальцы.
- Будет — не будет.
- Стук по дереву.
- Имитация плевка через левое плечо.
- Не звенеть ключами.
- Не свистеть.
- Посидеть перед дорогой.

Сигналы расположения

- Дистанция общения.
- Выбор места общения.
- Вертикальное расположение относительно собеседника.
- Горизонтальное расположение относительно собеседника.

Молчание в общении

- Степень допустимости молчания.
- Функции молчания в общении.

Уважение и неуважение

- Уважение, вежливость, культурность.
- Неуважение, невежливость, некультурность.

2. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СИМПТОМЫ

Радость, удовольствие, удовлетворение, восхищение, восторг.

Горе, отчаяние, досада.

Безразличие, отсутствие интереса.

Упрямство.

Усталость.

Хитрость.

Правдивость, искренность.

Растерянность.

Смирение, покорность.

Смущение.

Недоверие.

Настороженность, раздражение.

Возмущение, непонимание.

Непринужденность.

Обида.

Облегчение.

Удивление, недоумение.

Растерянность, страх, отчаяние.

Зазнайство.

Сомнение, неуверенность.

Интерес, любопытство.

Сожаление.

Задумчивость, сосредоточенность.

Стеснительность, неуверенность.

Сожаление.

Задумчивость, сосредоточенность.

Стеснительность, неуверенность.

Стыд.
Бахвальство, зазнайство.
Грусть, печаль.
Беспомощность, бессилие, безнадежность.
Внимание.
Раздумье, сосредоточенность.
Припоминание.
Затруднение в выражении мысли.
Недовольство.
Плохое самочувствие.
Неуверенность.
Влюбленность, интерес.
Страх, смущение.
Осознание ошибки.
Нетерпение.
Покой.
Волнение, нервозность.

3. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ

Высокий социальный статус.
Низкий социальный статус.
Зажиточность.
Бедность.
Деловой преуспевающий человек.
Солидность.
Почет, уважение.
Интеллигентность, образованность.
Артистическая профессия.
Художник.
Спортсмен.
Бандит, мафиози.
Новый русский.
Молодежность.
Демократизм, неформальность.
Женственность.
Неженственность.
Уют, отдых, удобство.
Дружелюбие.
Мужское поведение, настоящий мужчина.
Практичность.
Траур, похороны.

Свадьба.
Здоровье.
Удача, счастье.
Неудача, несчастье.
Провинциальность.
Городской житель.
Легкое поведение.
Замужняя женщина.
Разведенная женщина.
Незамужняя женщина.
Женатый мужчина.
Разведенный мужчина.
Неженатый мужчина.
Гомосексуалист.
Гостеприимство.
Негостеприимство.
Аккуратность, гигиена.
Неаккуратность, негигиеничность.
Начальник.
Маленький человек, подчиненный.
Ссора.
Отношения между людьми противоположного пола.
К нам торопятся гости.
Неприлично.
Смешно.
Красиво.
Некрасиво.
Приятно, неприятно.
Феминизм.
Принадлежность к группе.
Неприкосновенность частной жизни.
Подарки.
Праздник.
Несчастье, горе.
Приятно, хорошо.
Средства выражения символов:

- Символика одежды.
- Символика цветов.
- Символика цветовых оттенков.
- Символика цифр и чисел.
- Символика подарков.

- Символика посещения общественных мест.
- Символика еды, угощения.
- Символика украшений.
- Символика размещения в пространстве.
- Символика передвижения, используемых средств передвижения.
- Символика местонахождения человека, помещений.
- Символика покупок.
- Символика предметов быта.
- Символика физических действий.
- Символика времени осуществления действия.
- Символика запахов.
- Символика манеры речи.
- Символика денег, материальных затрат.
- Символика внешности.
- Символика прически.
- Символика предметов собственности.

Данная модель, базирующаяся на описании специфики русского невербального коммуникативного поведения, может послужить основой контрастивного описания невербального коммуникативного поведения любой лингвокультурной общности, при этом каждое последующее описание будет расширять и дополнять данную модель.

Лийс Кеэрберг (Эстония)

ЧТО МЕНЯ УДИВЛЯЕТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ РУССКИХ

Автор, Л. Кеэрберг, студентка Тартусского университета, изучающая русский язык, прошла в 1999—2000 уч. г. семестровое включенное обучение на филологическом факультете Воронежского университета. Она прослушала спецкурс «Русское коммуникативное поведение» профессора И. А. Стернина и подготовила реферат о различиях русского и эстонского коммуникативного поведения. Этот материал будет интересен не только русским и эстонцам, но и финнам.

Мне хотелось бы обратить внимание на те черты русского коммуникативного поведения, которые меня больше всего удивляют. Среди них есть такие качества, которые я считаю положительными и которым я искренне завидую, и такие, которые так сильно отличаются от моего родного

эстонского коммуникативного поведения, что я с ними никак не могу смириться.

Во-первых, конечно, удивляет беспредельная готовность к общению. Русские любят много говорить. Поражает (в положительном смысле) то, что русские могут обсуждать серьезные темы долгие часы, и кажется, что они даже совсем не устают. Эстонцы, наоборот, малоговорящий народ. У нас это просто не принято. Эстоцы, конечно, общаются друг с другом, но они более замкнутые, стеснительные. К долгим разговорам эстонцы не привыкли, а на тех, кто «много говорит», эстонцы смотрят косо. В эстонском языке много поговорок, выражающих неодобрение по отношению к болтунам — *говорить — серебро, молчать — золото; закрой рот, сердце простудишь* и др. Возможно, это потому, что в Эстонии, где жили в основном крестьяне, а образованные люди появились только в XIX в., ценились люди с практическим умом, люди практического труда.

Удивляет также русское гостеприимство. Русские демонстрируют бескорыстную добродетельность, желание, чтобы люди вокруг тебя чувствовали себя уютно, хорошо — в ответ русский человек ждет только такого же хорошего отношения. Эти качества в нынешнем мире редко встречаются. Иногда я даже думаю, что русские чрезмерно гостеприимны — они могут отдать все, остаться совсем без денег, без еды, только чтобы человек рядом был счастлив.

Думаю, что это важная часть русской философии жизни — жизнь мгновенная, ею надо наслаждаться, не надо думать о том, что будет завтра, поскольку надо использовать сегодняшний день. С одной стороны, это проявление сердечности русского народа, с другой — отражение некоторой трагичности русской жизни: отсутствие частной собственности, отношение ко всему материальному как к чему-то не очень важному для жизни. К этой проблеме русские и эстонцы относятся по-разному. Эстонцы старались как можно больше трудиться, сберегать деньги, мало тратили, стремились к богатству. Русские нашли другое решение, которое мне больше нравится, хотя экономить в далекой перспективе оказывается более выгодно.

Удивляет в России культура *обращения* — *молодой человек, женщина, мужчина, девушка*, особенно последнее обращение, поскольку это выражение используют часто и при обращении к совсем не молодым людям. В эстонском языке обращение типа *женщина* звучало бы грубо, во всяком случае — холодно.

Необычна эмоциональность русского общения. С одной стороны, это положительная черта — в том смысле, что русский человек привык высказывать свое мнение, выражать свое отношение и чувство, не накапливает в душе чрезмерное напряжение. С другой стороны, решения, принятые в

эмоциональном состоянии, не всегда могут соответствовать реальной ситуации. Они могут дать кратковременный эффект, но последствия такого решения могут в перспективе оказаться противоположными желанию человека. Эстонцы, в сравнении с русскими, малоэмоциональный народ. Эстонцы даже считают, что слишком высокая эмоциональность — это проявление слабости человека. Особенно это касается мужчин, но и женщины-эстонки тоже редко показывают свои эмоции.

Удивляет то, что русские редко говорят спокойным голосом, обычно слышны высокие, часто нервные интонации, даже в деловом общении.

Иногда удивляет отсутствие у русских чувства меры — в разговоре, при вручении подарков. Мне кажется, что в русской коммуникативной среде слова как бы потеряли для меня свою ценность — их вокруг так много! И подарки, ежедневные дарения — тоже, именно потому, что это делается так часто. Эстонцы редко дарят что-нибудь, и когда они вручают подарок, он действительно имеет высокую ценность — не в материальном, а в моральном смысле, причем и для того, кто дарит, и для того, кому дарят. Это остается в памяти надолго. А в России не успеваешь даже искренне обрадоваться, когда тебе что-нибудь дарят....

Удивляет то, что русские все делают вместе. У русских как будто отсутствует отдельный, свой личный мир, свои мечты, предпочтения и т. д. В этом смысле эстонцы очень сильно отличаются от русских. Я не скажу, что русский стиль общения, русский стиль жизни в этом смысле мне не нравится, что я считаю его плохим — нет, такого нет. Просто наша природа другая — эстонцу нужно быть одному. Иногда он страдает от этого, не с кем разделить чувства, мысли, но для этого есть хорошие друзья, к которым можно обратиться. С незнакомыми людьми мы, эстонцы, не общаемся, это считается вмешательством во «внутренние дела» чужого человека. Если обращаться — только с конкретным вопросом, а просто так заговорить — не принято.

Удивляет «бесконечность» русского языка, русской речи. Слова как будто не имеют конца, предложения — начала. Они как бы появляются не знаю откуда и плывут, плывут, плывут — как большая-большая река, не имеющая начала и конца. Может, поэтому русские люди так много и говорят, что у них такой «плывучий» язык? Может, от этого и коллективность, поскольку язык не позволяет расстаться?

Удивляет, что люди на улицах не смотрят в глаза друг другу, как бы прячут свои глаза. Я, правда, знаю, почему это так — это от сложного духовного состояния общества. У нас тоже так было. Надеюсь, что это временное явление, все пройдет.

Удивляет, что к пьяным людям не относятся плохо, негативно. Это, видимо, тоже отражение трагизма общественного состояния. С другой

стороны, это человечно. Ну что с ними ругаться, они и без этого несчастны. У нас пьяных мало, а если они появляются, люди звонят, приезжают специальные мужчины и забирают их в специальные камеры, где они трезвеют. Отношение к пьяным у нас нехорошее, на них смотрят с презрением в душе, их не считают полноценными людьми.

Удивляет отзывчивость русских людей. Например, я ехала на трамвае и не знала точно, когда мне выходить. Спрашиваю у водителя (женщины). Она уточняет улицу, на которую мне нужно: «Точно вам на Краснозвездную, а не на Краснознаменную? Вы уверены?» И потом сказала: «Вам еще долго ехать». Когда мы подъехали к моей остановке — я ее уже узнала — она специально подошла ко мне, чтобы сказать, что это моя остановка и мне выходить. Но подходить ко мне совсем не надо было — я ей уже глазами показала, что я узнала свою остановку, но она все равно подошла. У нас такого не бывает. Водитель, конечно, ответит, если ты спросишь, но такого отзывчивого отношения не будет.

Удивляет, что почти незнакомых людей приглашают в гости. Незнакомых в нашем, эстонском смысле, покольку у нас знакомство продолжается долго, нужно много встреч, чтобы действительно стать хорошими знакомыми.

В Эстонии почти немыслима ситуация, когда ты в каком-нибудь кафе сидишь у общего стола (если нет свободных мест) с незнакомым человеком, еще реже возникает с ним разговор, и тем более — что в результате ты его приглашаешь в гости или он тебя. Это просто немыслимо, это поражает. Для эстонца дом — его крепость, он открыт далеко не для всех, тем более он закрыт для незнакомых людей. Приглашают к себе иногда на день рождения или в связи с какими-либо другими важными событиями, которые надо отметить. Моложежь, конечно, чаще ходит друг к другу в гости, но, тем не менее, эстонцы предпочитают проводить время в кафе, гулять и т. д., т. е. находиться вместе вне дома.

Есть еще очень много того, что удивляет в России. В России каждый день узнаешь что-нибудь новое, это и интересно.

Н. А. Козельская

РУССКИЕ КЛИЕНТЫ ГЛАЗАМИ ФИНСКИХ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Под руководством доктора Н. Турунен в университете Ювяскюля студентами было выполнено исследование, посвященное анализу отноше-

ния финских работников сферы обслуживания к русским клиентам и русскому языку. Оно представляет интерес для российского исследователя, вводя в научный обиход конкретные факты о восприятии финнами русских клиентов в условиях делового общения. Приведем наиболее интересные факты и выводы из этой работы, представляющие интерес для российских исследователей.

Отношение к русским клиентам и русскому языку было исследовано путем анкетирования работников сферы обслуживания (114 человек) и студентов (28 человек) профессионального института Ювяскюля. Анкеты составлены преподавателем русского языка Анне Кутунен.

85% опрошенных работников — женщины в возрасте 30—40 лет. Большая часть закончила училище, 5% имеет высшее образование, 7% процентов изучали русский язык.

На основании опроса можно сделать следующие выводы.

На представление о русском клиенте в значительной степени влияют негативные стереотипы прошлого и предубеждения против русских в целом, сформированные годами русификации, русофобства во время войн и т. п.. В Финляндии все еще чуждаются русских, их поведения, внешности. С русским народом у финнов издавна связывалось проявление коварства. Согласно исследованию Райттила, опубликованному в 90-х гг., финны никогда не освободятся от страха перед русскими и подозрительного отношения к ним.

Неудивительно поэтому, что русского клиента оценивают как приятного — 50% информантов, вежливого — 30%, не очень честного — подавляющее большинство. Любопытно, что, чем реже работники встречают русских, тем положительнее к ним относятся. Другими словами, коммуникативные ожидания не подтверждаются практикой общения и взаимодействия. Вместе с тем личное знакомство и длительное пребывание в России положительно влияет на отношение финнов к русским. Об этом свидетельствуют прежде всего студенты.

Позитивное начало в отношении к русским клиентам диктуется, главным образом, экономическими причинами. Так, благожелательную оценку клиентам из России дают работники магазинов одежды и гостиниц, где русские тратят много денег на покупки и услуги. Отрицательное мнение о русских покупателях у служащих ювелирных магазинов.

Существенной причиной негативного впечатления о русских являются такие коммуникативные барьеры, как незнание обеими сторонами языка, различия в речевой культуре и коммуникативном поведении. Последнее проявляется в непонятном для финнов стремлении русских говорить много, без пауз, повторять одно и то же, сопровождать речь активной мимикой и жестами. С точки зрения финнов русские редко и недружелюбно

отвечают на приветствия, при встрече, деловом разговоре не смотрят в глаза — и это плохо.

Что касается русского языка, то финны признают, что отсутствие языка общения — это проблема для сферы обслуживания. Однако настоящего интереса к изучению русского языка нет. Русский язык воспринимается как экзотический, трудный в произношении, «страшный» в правописании. Вместе с тем есть положительное отношение к ограниченному владению русским языком на уровне этикетных фраз, числительных и т. п.. Употребление русского языка признается эффективным средством привлечения клиентов. Русских приятно удивляет обслуживание на родном языке.

По данным опроса, изучение русского языка и культуры не является гарантом улучшения отношения к русским, но, конечно, способствует расшатыванию негативных стереотипов и повышению толерантности к поведению соседей.

Йоханна Туорила, М. А. Стернина

СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФИНСКИХ ЧИНОВНИКОВ О РУССКИХ

Данное исследование проведено с помощью опроса. Мы опросили чиновников маленькой общины об их отношении к русским. Выборка состоит из 35 человек, из которых 20 мужчин и 15 женщин. Большинство отвечающих были в возрасте от 46 до 55 лет. Большинство из респондентов работают более чем 20 лет.

На вопрос «Имеете ли Вы контакты с русскими?» ответы распределились следующим образом:

	Мужчины	Женщины
1. В рамках работы	8	9
2. Социальные контакты: друг, знакомая, родственник	2	2
3. Случайные контакты	5	2
4. Никаких контактов	8	5
5. (Открытый вопрос) Каким-то другим образом?		

В этом разделе было только три ответа и они касались туризма.

На вопрос «Как долго продолжались дружба/знакомство?» получено всего 11 ответов, из которых 7 — ответы мужчин и 4 — женщин. Только у

одного мужчины контакты продолжались много недель, а контакты остальных респондентов продолжались недолго.

Вопрос о пребывании в России дал следующие результаты:

	Мужчины	Женщины
1. В рамках работы	1	0
2. В рамках отпуска	6	8

На вопрос «Каков типичный русский внешне?» ответы таковы:

Ответы мужчин:

кожаное пальто	4
неопрятный	3
хорошо одеты и у них красивый макияж	2
меховая шапка	1
заурядность	1
разбойнический	1
пьяный	1
румяный	1
дородный	1
бедный	1
несовременная одежда, человек живущий в 40—50-х гг.	1
беззастенчивый	1
замусоленный	1
дряхлый	1
пахнущий махоркой	1

Ответы женщин:

неопрятный	3
сильно накрашены	2
преувеличенный стиль одежды	2
нечистоплотный	1
бедный	1
кожаное пальто	1
меховая шапка	1
человек живущий в 50-х гг.	1
несовременная одежда	1
серьезный, невыразительный	1

красивый макияж	1
стильная и красивая одежда	1

Основные черты русского характера, по мнению финнов, таковы:

Ответы мужчин:

сдержанный	6
нерасторопный, ленивый	6
льстивый	6
нечестный	5
аферист	5
коварный	5
темпераментный	3
непредсказуемый	3
смелый	3
дерзкий	3
услужливый	3
внимательный	3
дружественный	3
беззаботный	3
непосредственный	3
говорит громко	3
жесткий	2
кичливый	2
суровый	2
охотник	2
жадный	2
меланхолический	2
загадочный	2
артистичный	2
мечтательный	2
чувствительный	2
угрюмый	2
веселый	2
простой	2
любящий	1
аморальный	1
пьяница	1
неопрятный	1

Ответы женщин:

дружественный	7
ненадежный	7
жадный	5
ленивый	4
равнодушный	4
плохой организатор	4
задушевный	2
услужливый	2
гостеприимный	2
веселый	2
живой	2
осмотрительный	2
изобретательный	2
ловкий	2
бедный	2
настойчивый	1
дерзкий	1
грубый	1
спесивый	1
говорит громко	1
разговорчивый	1
недоверчивый	1
консервативный	1
богатый	1
покорный	1
неопрятный	1

На вопрос «Изменилось ли ваше мнение по отношению к русским после личного знакомства с ними? В позитивную сторону или в негативную?» было получено 27 ответов.

Большинство из отвечающих отметили, что их отношение к русским не изменилось после контактов или встречи. Длительные контакты были вообще только у четырех респондентов, и после этих контактов у одного из опрошенных отношения изменились в позитивную сторону, у одного — в негативную, а в двух случаях изменения не было зафиксировано.

Был также задан вопрос «Какую разницу Вы видите между русской и финской культурами?». Ставилась задача выяснить, что финны думают о себе, т. е. выявить финский автостереотип в оппозиции стереотипному представлению о русских.

Ответы мужчин:

- Представители этих культур относятся к работе по-разному.
- Русская культура более традиционная, чем финская культура.
- В России больше уважают старинные ценности.
- Россия малоразвитая и реакционная страна по сравнению с Финляндией.
- Русские более аморальные, чем финны.
- Русские не такие честные, как финны.
- В русской культуре все люди одинаковые.
- Русская культура не такая коммерческая и западная.

Ответы женщин:

- Русская культура веселее и русские более общительные и живые люди, чем финны.
- Русским лучше удалось сохранить свои традиции.
- Русская культура более красивая и печать истории сохранила лучше.
- В России красивое искусство.
- В Финляндии более высокий уровень просвещения, чем в России.
- Финны более неподкупные и надежные, чем русские.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

Внешность.

Женские оценки внешности русских были в целом негативными, но не в такой степени, как ответы мужчин. Налицо противоречия в мнениях респондентов: с одной стороны, отмечается, что одежда русских «преувеличенная» и макияж слишком сильный; с другой стороны, многие ответили, что у русских женщин стильная, красивая одежда и макияж. По-видимому, оказывает влияние источник сведений: видели ли финны русских по телевизору в советское время или сейчас на улицах Петербурга.

В целом, стереотипное представление финна о русском таково: русские одеваются в кожаное пальто и меховую шапку. Русские женщины одеваются элегантно, красиво и у них красивый макияж, но многие русские, тем не менее, одеваются несовременно. Часто русских видели неопрятными, бедными и нечистоплотными по внешнему виду.

Контакты.

Финны имеют контакты с русскими преимущественно во время работы или не имеют никаких контактов. Опрос показал, что контакты женщин более длительные, чем контакты мужчин; из четырех женщин три имели контакты, продолжавшиеся много лет и только у одной был кратковременный контакт.

Пребывание в России.

Только половина из респондентов бывали в России, причем только один — в рамках работы, другие — в период отпуска.

Интересно, что во время отпуска контактов с русскими у респондентов было явно меньше, чем самих случаев пребывания в России. По-видимому, финнам не очень легко вступать в контакты с русскими, отдыхая в России. Только трое из опрошенных упомянули, что у них были контакты с русскими в рамках отпуска. Вообще же большинство контактов с русскими финские служащие имели в Финляндии в рамках работы.

Характер.

Стереотипное представление финнов о русском характере наиболее противоречиво. Интересно, что и мужчины, и женщины видят русских *ленивыми, нерасторопными, нечестными, жадными* и в то же время *задушевыми, услужливыми, дружественными, внимательными, гостеприимными*.

Применительно к коммуникативному поведению отмечают такие признаки как *сдержанный*, с одной стороны, и *громко говорит, веселый, живой, простой* — с другой.

Мужчины видят русских сдержанными, с одной стороны, и темпераментными, артистичными, мечтательными, с другой. Женщины практически по всем вопросам демонстрируют более позитивное представление о русских, и более противоречивые характеристики. Учитывая, что, как показал опрос, финские женщины имеют больше контактов с русскими и эти контакты обычно длительнее, чем у мужчин, можно предположить, что женщины, с одной стороны, более объективны, а с другой стороны, противоречивость их мнений отражает известную противоречивость русского характера и поведения.

Личное знакомство и стереотипы.

Личное знакомство с русскими выявлено у немногих финнов, но у тех, у которых такое знакомство есть, эти знакомства на стереотипные представления о русских практически не влияют.

Таким образом, стереотипы финнов в отношении русских довольно устойчивы и практически не подвержены изменению вследствие личных контактов, хотя некоторая динамика в сторону положительных изменений в результате проведенного опроса прослеживается.

Полученные результаты согласуются с данными исследований, показывающих, что стереотипы не изменяются в условиях отпуска и даже во время длительного контакта, например, когда люди уже долго живут как соседи. Чтобы представления изменились, необходимо общаться с представителями разных культур (Salo — Lee 1996,19).

Разница между культурами.

Анализ ответов показал, что респонденты — мужчины считают, что разница между русской и финской культурами весьма значительна, особенно в отношении к работе, у женщин же эта мысль выражена гораздо менее явно. Финские женщины считают, что русские уважают старинные ценности, хранят свои традиции, и что русская культура не такая западная и коммерческая.

Мужской финский автостеротип: финны живут в довольно развитой культуре, и вообще все хорошо в Финляндии; финны кажутся себе открытыми, моральными, честными, деятельными и сдержанными людьми. Был только один негативный ответ о финской культуре, согласно которому финская культура определялась как более коммерческая и западная, чем русская.

Женщинам финны кажутся неподкупными и надежными людьми, живущими в просвещенной стране.

Положительный автостереотип финнов формулируется в противопоставлении стереотипному представлению о русских, которое носит преимущественно негативный характер. Последнее обстоятельство объясняется историческими условиями, с одной стороны, устойчивостью стереотипов вообще, с другой, а также тем, что русские традиционно находятся под пристальным вниманием финнов, относящихся к ним настороженно и недоверчиво. Преодоление этих стереотипов — дело будущего.

Примечание

Halinoja R. Malmberg R. Salo—Lee, 1996. Meja muut. Kulttuurienvälinen viestinta. Gummerus Kirjapaino Oy, Jyväskylä.

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТАКТА И ДИСТАНЦИИ В РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Дистанция общения и допустимость физического контакта в общении — яркие черты коммуникативного поведения, в которых наглядно проявляется заметная национальная специфика. Оба параметра коммуникативного поведения целесообразно рассматривать и описывать вместе, поскольку они очень тесно взаимосвязаны.

Национальная специфика физического контакта людей разных национальностей проявляется в самых разных ситуациях.

Особенности физического контакта в русском общении проявляются в ряде аспектов.

Л. Броснахан приводит данные по физическим контактам представителей разных народов в ресторане: пуэрториканцы — 180 прикосновений в час, французы — 110, англичане — 0. По его мнению, русские находятся посередине между французами и пуэрториканцами [2. С. 11].

Можно отметить специфику русского рукопожатия — в России это жест в основном мужской или официальный. В целом русское рукопожатие более длительное и дружеское. В неофициальном мужском общении длительность рукопожатия пропорциональна теплоте отношений.

Для западноевропейцев русские *много целуются и обнимаются*. А. А. Акишина отмечает, что это же констатируют представители Индии, Китая, Индокитая, а вот для испанцев и итальянцев — *мало*. У русских возможен поцелуй между мужчинами.

Русские при объятьях часто добавляют поцелуй. При этом русские сравнительно мало целуются и обнимаются, демонстрируя любовные отношения — это не принято. Поцелуй принят при приветствии, прощании, поздравлении близких людей.

У русских можно брать за руку лиц своего пола.

Русские много шлепают детей — и по голове, и по лицу, и по задку. Долго водят детей за руку. Долго гладят и ласкают детей, даже тинэйдже-ров.

Русские любят ходить под руку. Под руку многие гуляют, в том числе и женщины-подруги. Мужчины тоже могут ходить под руку, особенно разновозрастные, это не является демонстрацией гомосексуальных отношений, как на Западе.

Если человека берут под локоть, это обычно означает физическую помощь ему, стремление руководить его движением. Если его берут под

руку или предлагают ему руку, это рассматривается и как помощь, и как вежливость, уважение.

По сравнению с западными традициями, русские при ходьбе располагаются, ходят очень близко друг к другу. Русские при ходьбе, езде в транспорте, сидении в общественном месте не боятся прикосновения корпусом, даже к лицам противоположного пола. Вынужденное прикосновение корпусом мужчины к женщине не рассматривается как приставание к ней и не является таковым.

Русские очень терпеливы к давке, толпе, скученности, не избегают очередей и толп [2. С. 110]. Хотя в толпе русские обычно смотрят в пространство, они могут продолжать личное общение.

В условиях давки и вынужденных толчков и прикосновений русские не извиняются и не ждут извинений. Л. Броснахан считает, что это обусловлено мыслью: «Я в рамках своего тела, а не "за"».

В русской педагогической традиции можно дотрагиваться до учащихся.

В разговоре можно дотрагиваться до собеседника — до его руки, плеча. Это означает стремление поддержать контакт, доброжелательность. Мужчины-друзья могут в разговоре хлопать друг друга по плечу, по колену. В русском межличностном, дружеском общении можно в определенных рамках дотрагиваться до лиц противоположного пола — это рассматривается как доброжелательность, расположение, дружелюбие.

Проходя через толпу, русские не используют руки, не дотрагиваются до плеч, рук соседей, побуждая пропустить их (так делают англичане) — это считается неприлично. Принято прокладывать себе дорогу выдвинутым вперед плечом, вербально сопровождая движение просьбой пропустить. Русские, особенно женщины, очень не любят, когда их трогают незнакомые, особенно в толпе. Особенно неприятны для женщин прикосновения незнакомых к плечу.

В переполненной комнате русский, если для него слишком многолюдно, замыкается в себе (англичане это считают оскорблением, отказом от общения), но не может уйти в другую комнату, как это делают англичане — у русских это считается оскорблением, отказом от общения.

Русские собираются в толпы, «счастливы толпятся» (Л. Броснахан), чтобы поглядеть на любое развлечение, причем особенно любят собираться там, где играет музыка. В поездах и на кораблях англичан музыка раздражает, а русским нравится, так как дает ощущение праздника.

Русские предпринимают попытку избежать столкновения с идущим навстречу при ходьбе за 1,5—2 метра (англичане — за 3—4 метра).

Для русского общения в целом характерна короткая дистанция, которая с точки зрения европейских норм рассматривается даже как сверхкороткая.

А. А. Акишина так характеризует дистанцию русского общения: официальная — длина двух рук для рукопожатия, дружеская — длина двух согнутых в локте рук [1. С. 144]

При рукопожатии нейтральная дистанция — 1-1,5 шага, подчеркнуто официальная — больше двух шагов, 0,5 шага — дружеская [1. С. 79].

Л. Броснахан [2. С. 21] отмечает, что дистанция между мужчинами и женщинами у русских короче, чем у англичан, и все виды коммуникативных дистанций тоже. Он приводит такие сравнительные данные по коммуникативным дистанциям русских и англичан:

интимная:	англ. — 10—45 см, рус. — 10—18 см, до 25 см — в общественном месте;
персональная:	англ. — 45—120 см, рус. — 15—25 см;
социальная:	англ. — 1—4 м, рус. 30 см — 2 м, причем можно ее нарушать (вмешиваться в разговор) без извинений
публичная:	англ. — с 3,5 м, рус. — с 2,5 м.

Л. Броснахан отмечает: «русское осознание себя, как представляется, имеет границы, совпадающие с границами тела, в то время как у англичан оно распространяется сантиметров на 10 за пределами его тела» [2. С. 11]

Барбара Монахан отмечает, что у русских «дистанция в 6—10 дюймов (15—24 см — И. С.) рассматривается как нормальная и естественная между стоящими мужчинами или женщинами» [3. С. 76].

Русские, спрашивая дорогу, могут подойти к незнакомому человеку очень близко, ближе 25 см (англичане считают, что русские женщины в таком случае заигрывают с ними). За столом русский может положить свою ногу под стул соседа, а голову придвинуть на интимную для европейца дистанцию. Длинная русская очередь может сворачиваться кольцами и люди стоят очень близко друг к другу.

У русских нет правила *не дышать на собеседника*, как у англичан, т. е. держаться на дистанции, которая исключала бы восприятие запаха собеседника. Интересны сравнительные наблюдения над дистанцией общения разных народов. В ноябре 1999 г. нами был проведен эксперимент по определению стандартной коммуникативной дистанции для ряда ситуаций установления контакта в разных коммуникативных культурах. Русско-финская часть эксперимента опубликована в первом выпуске сборника

«Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение» (Воронеж, 2000, с. 43—44).

Эксперимент проводился следующим образом.

Испытуемым (9 финских, 8 датских, 6 немецких и 9 русских студентов) предлагалось представить себя в ситуации вступления в общение:

1. Со знакомым, например реальным товарищем по группе;

Инструкция: «Подойдите на комфортное для вас расстояние и вступите в разговор с....» (реального вступления в разговор не требовалось).

2 С незнакомым на улице;

Инструкция: «Подойдите на комфортное для вас расстояние и вступите в разговор с....» (реального вступления в разговор не требовалось).

3. С сидящим на стуле незнакомым (реального вступления в разговор не требовалось);

Инструкция: «Вам надо поговорить с сидящим на стуле перед вами незнакомым человеком. Возьмите стул и сядьте перед ним на комфортном для вас расстоянии» (реального вступления в разговор не требовалось).

4. С подходящим к испытуемому незнакомцем (по существу — вариант второго эксперимента, но с измененной инструкцией):

«К вам подходит для разговора незнакомый человек. Остановите его на расстоянии, которое вы считаете для себя комфортным». Реального вступления в разговор не требовалось.

5. С сидящим незнакомым:

«Возьмите стул и сядьте напротив незнакомого на комфортном расстоянии». Реального вступления в разговор не требовалось.

6. С человеком, стоящим впереди в очереди:

«Подойдите и встаньте в очередь на комфортном расстоянии». Реального вступления в разговор не требовалось.

Результаты эксперимента (средние величины):

Задание	Финны	Датчане	Немцы	Русские
Подойти к знакомому	73 см	103 см	63 см	74 см
Подойти к незнакомому	112 см	110 см	93 м	70 см
Остановить приближающегося незнакомца	90 см	119 см	90 см	87 см
Сесть напротив незнакомого	107 см	133 см	100 см	92 см
Сесть рядом	—	37 см	48 см	25 см
Встать в очередь	—	40 см	39 см	20 см

Таким образом, русские ближе других подходят к незнакомым, ближе других подпускают незнакомых к себе, ближе других садятся напротив незнакомых, ближе других садятся рядом с незнакомым и ближе других подходят друг к другу в очереди.

Результаты эксперимента, несмотря на небольшое число испытуемых, показывают, что русская коммуникативная дистанция в большинстве случаев оказывается заметно короче, чем дистанция других европейских народов, а допустимость физического контакта заметно выше, чем у этих народов. Это позволяет определить русскую коммуникативную культуру как контактную.

Примечания

1. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. — М.: Русский язык, 1991.
2. Brosnahan Leger. Russian and English nonverbal communication. — Ї., 1998. 117 ñ.
3. Monahan Barbara. A dictionary of Russian Gesture. Tenaflly, 1983. 185 p.

К. М. Шилихина

ОБЩЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С НЕЗНАКОМЫМИ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ В РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

В данной статье нам хотелось бы остановиться на особенностях общения пожилых людей с более молодыми собеседниками в тех ситуациях, когда коммуниканты не знакомы друг с другом. Интерес к теме продиктован тем, что в российской коммуникативной культуре данная ситуация обладает рядом особенностей, отсутствующих в других культурах.

Общеизвестно, что выбор речевых средств осуществляется участниками общения исходя из конкретных условий общения. Также не секрет, что для каждой коммуникативной культуры существуют некоторые типичные ситуации общения и, соответственно, более или менее типичные речевые средства реализации коммуникативной интенции в данных ситуациях — носитель опирается на некоторые нормы и стандарты общения.

Приоритетность того или иного компонента коммуникативной ситуации может выступать как проявление собой национально-культурной специфики употребления различных средств речевого воздействия. Например, если в одной коммуникативной культуре при прочих равных условиях решающим фактором при выборе языковых средств будет степень знакомства между участниками общения, то в другой культуре домини-

нирывать может то обстоятельство, что один из коммуникантов гораздо старше собеседника, а степень их знакомства оказывается при этом нерелевантной.

Это приводит к тому, что, говоря языком лингвистической прагматики, существуют речевые акты, условия использования которых неодинаковы в различных коммуникативных культурах. Примером такого речевого акта для русской коммуникативной культуры является совет.

Наличие высказываний — советов в различных культурах ни у кого не вызывает сомнений. С помощью совета говорящий стремится изменить поведение адресата, при этом действие, к которому побуждается адресат, является для него выгодным. Кроме того, адресат вправе решать, совершать или не совершать данное действие.

Приведенная прагматическая характеристика совета не несет информации об условиях успешного использования совета в повседневном общении в конкретной коммуникативной культуре. Она и не может включать в себя такую информацию, поскольку типичные ситуации, в которых носители различных культур могут использовать совет, могут быть совершенно различными.

Укажем некоторые наиболее типичные для западных культур компоненты ситуации использования речевого акта совета: один из коммуникантов обладает более высоким социальным статусом, либо участники общения имеют равные статусы. Кроме того, совет используется в ситуациях, когда собеседники хорошо знакомы друг с другом.

В рассматриваемой нами ситуации в российской коммуникативной культуре возраст рассматривается коммуникантами как приоритетный компонент, поскольку он предполагает наличие/отсутствие значительного жизненного опыта. Сами пожилые люди исходят из пресуппозиции о том, что накопленный ими жизненный опыт должен быть передан молодежи. Желание молодежи перенимать этот опыт, степень знакомства коммуникантов друг с другом значения при этом не имеют.

Для вступления в контакт в исследуемой ситуации пожилому русскому человеку обычно не требуется каких-либо особых контактоустанавливающих фраз. Началом диалога служит сам совет или любое другое высказывание, направленное на изменение поведения собеседника.

Чаще других объектами советов становятся молодые матери с детьми в общественных местах. Пожилые люди охотно дают советы по вопросам правильного обращения с малышом, выбора детской одежды в зависимости от погоды:

В «Детском мире» мать подбирает девочке сапоги. Подходит незнакомая пожилая женщина:

– *Эти сапоги ей малы. Я вот хожу, для своей внучки выбираю, а она у меня такая же вот, так я думаю, они ей малы будут.*

Если более молодой собеседник отказывается от совета, возникает конфликтная ситуация, поскольку русский человек считает, что в любой ситуации совет должен быть принят с благодарностью:

- *Ты бы ребенка-то застегнула.*
- *Спасибо, я сама как-нибудь разберусь.*
- *Как это сама! Ей советуют, а она еще и хамит! (устная речь, пожилая женщина — молодой матери с ребенком)*

В данной ситуации инициатор совета отвергает возможность принятия решения адресатом совета. Таким образом, в данной ситуации совет приобретает черты *приказа*, т. е. такого побуждения к действию, при котором у адресата не остается права на самостоятельное принятие решения.

Очевидно, что подобное стремление давать советы незнакомому собеседнику объясняется коммуникативными традициями, сложившимися в российской культуре: сюда можно отнести и высокую контактность, и высокую эмоциональность, и стремление к коммуникативной доминантности, и ярко выраженное желание корректировать поведение собеседника [1].

Другим эффективным способом коррекции поведения незнакомого более молодого собеседника у русских пожилых людей выступают угрозы и предупреждения. Угрозы могут быть направлены как в адрес капризничającego ребенка, так и в адрес его родителей. Приведем пример: маленькая девочка устала идти пешком по снегу, капризничает и уселась в снег на остановке маршрутного такси в знак протеста. Мать убеждает ребенка встать со снега. В это время мимо проходит пожилая женщина:

- *Ты что ж это ребенка в снег посадила, мамаша!*
- *Никто ее в снег не сажал.*
- *Подними ее сейчас же!*
- *Извините, мы как-нибудь сами разберемся.*
- *(Кричит) Ты что, не видишь, что я — учительница?*
- *Нет, не вижу.*
- *(Кричит) Я сейчас милицию позову, пусть они у тебя ребенка заберут и родительских прав лишат! (устная речь)*

Схожая ситуация складывается в общении стариков с маленькими незнакомыми детьми, которые капризничают в общественных местах, на улице. Пожилые люди вмешиваются в диалог родителей с плачущим или кричащим ребенком, предлагая забрать малыша с собой или отвести ребенка к сказочному существу (бабай, Кашей, баба-яга и др. нечисть, а также в милицию):

- *Вот будешь плакать — я тебя с собой заберу! (устная речь)*

– *Что ж ты такой капризный! Будешь так капризничать, мама отдаст тебя бабаю!* (устная речь)

Фактически говорящий использует угрозу для коррекции поведения малыша, и в большинстве ситуаций цель не достигается, поскольку от испуга и обиды ребенок начинает кричать еще громче.

С точки зрения представителей иной коммуникативной культуры (например, американской или европейской) использование угрозы в адрес незнакомого ребенка, тем более в присутствии его родителей, может показаться по меньшей мере странным.

Следует отметить, что коррекция поведения ребенка — не единственный повод для вступления в контакт с малышами. Представители старшего поколения, особенно женщины, любят общаться с незнакомыми маленькими детьми. Они привлекают внимание детей фразами типа: «*Ой, кто это такой маленький тут к нам пришел!*», стремятся угостить малыша чем-нибудь сладким, а если родители просят ничего ребенку не давать (например, у малыша аллергия), то нередко обижаются, несмотря на объяснения.

Зачем незнакомые пожилые люди, вступая в общение с молодыми людьми или маленькими детьми, используют советы, угрозы? Во-первых, пожилые люди традиционно стремятся привести поведение окружающих в соответствие с нормами, а названные речевые акты являются кратчайшим путем достижения коммуникативной цели. Во-вторых, вероятной причиной может быть желание открыто продемонстрировать свою доминантную позицию в данной ситуации общения, подчеркнуть свой опыт, возраст, знания, право на авторитетное суждение.

Сложившиеся в российской коммуникативной культуре традиции дают возможность представителям старшего поколения открыто воздействовать на поведение более молодых собеседников, хотя последние часто склонны воспринимать высказывания стариков как коммуникативное давление.

Примечания

1. Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в.: Лекции и материалы Зимней школы (Воронеж, 24 января — 4 февраля 2000 г.). Т. 1. — Воронеж: ЦЧКИ, 2000. С. 95—128.

Е. А. Попова

«АВОСЬ» В РУССКОМ СОЗНАНИИ

Характерная черта русской ментальности — концепт *авось*, являющийся важной составляющей «русского текста» [1].

Возникнув в XVII в. путем сращения союза *а* и указательной частицы *осе* (*вот*) с интервокальным *в*, он настолько прочно вошел в сознание носителей языка, что стал своеобразным мифом русского народа. Этот концепт неоднократно привлекал и до сих пор продолжает привлекать внимание философов, лингвистов, писателей. На него часто ссылаются, когда говорят о парадоксе России. *Авось* является жизненной позицией русского человека, который чаще беспечно полагается на удачное стечение обстоятельств, на судьбу, чем на собственные силы. Например, в повести Достоевского «Неточка Незванова» немец Б. говорит своему другу-неудачнику музыканту Ефимову, как тот должен жить. Вначале речь идет о терпении и мужестве, о необходимости бросить пить, о том, что художника образуют бедность и даже нищета и что не следует пренебрегать черной работой и т. п. Завершается же речь практичного немца чисто по-русски: ... *в тебе мало смелости. Смелей же, подожди, поучись, и если не надеешься на силы свои, так **иди на авось*** (здесь и далее выделено нами. — Е. П.); *в тебе есть жар, есть чувство. **Авось** дойдешь до цели, а если нет, все-таки **иди на авось**: не потеряешь ни в коем случае, потому что выиграешь слишком велик. Тут, брат, **наше авось** — дело великое!*

В «Железной воле» Лескова *русский авось*, противопоставленный немецкой расчетливости и железной воле, выходит победителем из этого столкновения (см. эпиграф: «Ржа железо точит»). В споре о том, как опасно русским тягаться с немцами, которые обладают железной волей, а нам, кроме авоськи с небоськой, надеяться не на что, рассказчик замечает:

— *Пускай и так, — только опять: зачем же так пренебрегать авоськой с небоськой? Нехорошо <.....> Во-первых, они очень добрые и теплые русские ребята, способные кинуться, когда надобно, и в огонь и в воду, а это чего-нибудь да стоит в наше практическое время*

— *Да, только не в деле с немцами.*

— *Нет-с: именно в деле с немцем, который без расчета шагу не ступит<...>; а во-вторых, не слишком ли вы много уже придаете значения воле и расчетам? Мне при этом всегда вспоминаются <...> слова одного русского генерала, который говорил про немцев: какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они рта разинуть не успеют, чтобы понять ее. И впрямь, господа: нельзя же совсем на это не понадеяться.*

— *Это на глупость-то?*

— *Да, зовите, пожалуй, глупостью, а пожалуй, и удалью молодого и свежего народа.*

— Ну, батюшка, это мы уже слышали: надоела уже нам эта сказка про свежесть и тысячелетнюю молодость.

— Что же? — и вы мне тоже ужасно надоели с этим немецким железом: и железный-то у них граф, и железная-то у них воля, и поедят-то они нас поедом. <.....> Ну, железные они <.....> а мы тесто простое, мягкое, сырое, непропеченное тесто, — ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потереешь.

Так чем же является русский *авось* — великим делом, как считали герои Достоевского и Лескова, или причиной русской неустроенности? Ответ на этот вопрос даст лингвистический анализ.

Употребляя частицу *авось*, говорящий выражает такое предположение, которое свидетельствует, с одной стороны, о желательности наступления для него какого-либо события, а с другой — о ясном осознании говорящим того, что, если соответствующее событие и наступит, то только из-за особого стечения обстоятельств, т. е. независимо от его воли, например: «И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башикирцев, и киргизцев: *авось* и от Пугачева отсидимся!» (Пушкин. Капитанская дочка); «Лучше здесь остановиться да переждать, *авось* буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам» (Там же); — И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, порошу много, пушку я вычистил. *Авось* дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест! (Там же); Город захватили. В городе бой. Катастрофа. Николка, все еще задыхаясь, обеими руками счищал снег. Кольт бросить? Най-Турсов кольт? Нет, ни за что. *Авось* удастся проскочить. Ведь не могут же они быть повсюду сразу? (Булгаков. Белая гвардия).

Авось входит в синонимическую парадигму с доминантой *может* быть: *может быть*, *возможно*, *может статься*, *может* (разг.), *авось* (разг.). Все члены этой парадигмы, за исключением *авось*, выражают предположения как относительно прошлого и настоящего, так и относительного будущего. *Авось* же всегда устремлено в будущее и связано с недостаточно обоснованной надеждой на благоприятный исход дела. При этом говорящий заранее знает, что никаких решительных действий, а иногда и вообще действий он не предпримет, а будет рассчитывать на судьбу.

Из перспективности частицы *авось* вытекает такая ее характерная грамматическая черта, как употребление в контексте с глаголом будущего времени и невозможность ее сочетания с глаголами прошедшего и настоящего времени: *Авось, аренды забывая, / Ханжа запрется в монастырь, / Авось по манью Николая / Семействам возвратит Сибирь... / Авось доро-*

ги нам **исправят**... (Пушкин. Евгений Онегин); *Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит* мою душу. (Из письма Пушкина П. А. Вяземскому); — ... *Вот я обмочу полотенце холодной водой и приложу к голове, и авось ты испаришься*. (Достоевский. Братья Карамазовы).

Иногда в разговорном дискурсе или его имитации, а также внутренней речи глагол в будущем времени опускается, но его легко восстановить из контекста: *[Дороднов]: Бодришь, Герасим Порфирьич! Авось с моей легкой руки ... Уж ты по знакомству, постарайся!* (А. Островский. Поздняя любовь); *Но вот звонок в передней. Авось доктор. Точно, это доктор...* (Толстой. Смерть Ивана Ильича). Ср.: *Авось с моей легкой руки дела пойдут; Авось доктор пришел*. Сочетание же *авось* с глаголом в условном наклонении свидетельствует, что у говорящего или у того, о ком он говорит, в прошлом была возможность изменить свое положение, как-то повлиять на ситуацию, но он этой возможностью легкомысленно не воспользовался: *Авось мог бы вчера прийти: ничего бы с тобой не случилось; — Матушка моя, благодетельница, ведь дурачком-то лучше на свете проживешь. Знал бы, так с раннего молоду в дураки бы записался, авось теперь был бы умный*. (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

В 10-й главе «Евгения Онегина» Пушкин охарактеризовал *авось* как национальный пароль: *Авось, о Шиболет народный, / Тебе б я оду посвятил, / Но стихоплет великородный / Меня уже предупредил*. Ю. М. Лотман считает первую строку этого отрывка реминисценцией из «Дон-Жуана» Байрона (X1 песнь, строфа 12, стих 2): *Juan, who did not understand a word of English, Save their shibboleth «god damn!»* (Жуан знал лишь одно английское слово — шибболет «god damn!»). «Междометие «god damn» (черт побери) как восклицание, характеризующее англичанина, Пушкин заменил на «авось»» [2. С. 403]

Понятие *шибболет*, на которое обращает внимание Пушкин, восходит к библейскому повествованию о междуусобице между древнеизраильскими племенами галаадитян и ефремлян (Ветхий Завет, Книга Судей, 12, 5—6). Жители Галаада рассеяли противника и захватили переправу через Иордан. Ефремляне подходили к переправе под видом членов других колен еврейского народа, и отличить их можно было только по языковому (диалектному) признаку. Галаадитяне требовали от каждого, желающего переправиться: «Скажи шибболет», что значит «колос» (по другому толкованию — «поток»). Все, за исключением ефремлян, повторяли слово. Ефремляне, в речи которых отсутствовали шипящие согласные, говорили «сибболет», и тотчас были умерщвляемы. Так за один день было перебито 42 тыс. ефремлян. От этого библейского сюжета берет начало употребление слова *шибболет* в качестве опознавательного пароля, содержащего

характерное слово или звук, по произношению которого можно опознать иностранца (чужеземца, неприятеля), так как он не способен правильно произнести эту речевую единицу [3. С. 410]. Показательно, что библеизм *шибболет* стал лингвистическим термином, который был введен в научный обиход Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым применительно к лингвострановедению [4. С. 63].

С точки зрения лингвистической аксиологии каждый из ключевых концептов является шибболетом русского народа, к *авось* же это относится в первую очередь, потому что эта частица не имеет даже адекватного перевода на другие языки (ср.: укр. *може, а може, ачей*; белорус. *ану ж, а може*; болг. *може би, дано*; с.-хорв. *можда*; фр. *peut-etre*, на авось — *au petit bonheur, au hasard*; нем. *Vielleicht*, на авось — *aufs Geratewohl, auf gut Gluck*; англ. *perhaps, mai be*, на авось — *on the off-chance*; вьет. *may ra, hoa may, co the, co le*, на авось — *trong vao may rui, [mot cach] may rui, ca may*) и для русских не без затруднений переводится в рационально-логический план.

Об употребительности *авось* свидетельствуют производные, характерные для разговорного дискурса и диалектов: *авоська* — 'будущий желанный случай, счастье, удача', 'кто делает все на авось', а также 'плетеная или вязаная сумочка (сетка) под продукты питания или иные нетяжелые предметы, которую берут с собой на всякий случай, на авось' (последнее значение у слова *авоська*, по всей вероятности, появилось в годы гражданской войны и продовольственных затруднений); *авоськать, авосьничать* — 'пускаться на авось, на удачу, на безрассудную отвагу, беззаботно надеяться'; *авосьник, авосьница* — 'человек, делающий что-либо необдуманно, на авось' и др.

Авось входит в состав многих пословиц и поговорок: Русский Бог — авось, небось да как-нибудь; Авось Бог поможет; Авось не Бог, а полбога есть; Авосевы города не горожены, авосевы дети не рожены; Авось да небось до добра не доведут; От авоса добра не жди; Авось кривая вывезет; Авось да небось — плохая помога, хоть брось и др. Несмотря на то, что *авось* и Бог сближены в паремии, это особый, русский Бог, который ближе к черту, чем к Богу (не случайно синонимом фраземы *на авось* является фразема *чем черт не шутит*). Выражение *русский Бог*, по одной версии, восходит к библейским формулам о всемогущем Саваофе, спасающем избранный народ; постепенно в сознании верующего эти формулы оказались перенесенными на русский народ как народ-богоносец [5, 64]. А по другой — приписывается Мамаю после поражения на Куликовом поле [2. С. 400]. Во времена Пушкина идиома *русский Бог*, вошедшая в официальный лексикон и ставшая штампом в 1812 г. (см. в 10-й главе «Евгения Онегина»: *Гроза двенадцатого года / Настала — кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский Бог?*), вызывает уже отрицатель-

ную оценку. Итоговым в этом отношении следует считать сатирическое стихотворение П. А. Вяземского «Русский Бог» (1828). Народный образ *авось*, связанный с русским Богом, объясняет закрепление за субстантивированной частицей мужского рода: *Щелк щелку ведь розь. / Да понадеялся он на русский авось* (Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде). Можно предположить, что *русский авось* — это и есть *русский Бог*.

В других паремиях со словом *авось* отражено также то, что «авось-установка» воспринимается носителями языка скорее отрицательно, чем положительно. *Авось*, составляющее специфику российской жизни, русского характера, русского языка, не только создано русским народом, но и в свою очередь формировало его. Поэтому так важно видеть разницу между национальным идеалом и национальной действительностью, не всегда совпадающей с идеалом. *Авось* имеет отношение к национальной действительности, но не к идеалу.

Словари антонимов русского языка не приводят слов, лексические значения которых были бы противоположны *авось*. Однако, по наблюдению Я. И. Гина, языковой альтернативой русскому *авось*, своеобразным антонимом к нему можно считать *Даешь!*, появившийся в XX в. и активно употребляющийся около десятилетия [6. С. 187]. Этот неологизм советской эпохи впервые лексикографирован в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: «**Даешь!**, межд., кого-что (нов. прост. из мат-росского арго). Восклицание в знач.: мы требуем кого-что-н., давай устроим что-н., добьемся чего-н. (часто употребляется в политических и др. лозунгах). *Д. культурный отдых!*». По наблюдению А. М. Селищева, флотский командный термин *даешь!* приобрел особую частотность в языке революционной эпохи. «Он стал употребляться по всей России в разных слоях населения. Изменилось и значение этого восклицания. *Даешь!* не только выражает настойчивое желание, но и результат в достижении: «хорошо»» [7. С. 93].

Даешь! стал самым настоящим шибболетом революционной эпохи. С этим словом красноармейцы шли в бой в годы гражданской войны: *Откатываясь назад, как волна от крутого берега, [кавалерийские дивизии] отходили и снова бросались вперед со страшным: «Даешь!»* (Н. Островский. Как закалялась сталь). В годы первых пятилеток этот «громовой, набатный лозунг» (Маяковский) был перенесен в строительство материальной базы социализма: *Даешь пятилетку! Даешь — пятилетку в четыре года! Этот лозунг расти и множь, со знамен его размаши. И в ответ на это «Даешь!» шелестит по совхозам рожь, и в ответ на это «Даешь!» отзывается гром машин. Смотри, любой малOVER и лун, пришипься, правая ложь! Уголь, хлеба, железо, чугуН даешь! Даешь! Даешь!* (Маяковский. Даешь!). Настроение 20-х гг. XX в. лучше всего

удалось выразить Маяковскому, им написано несколько стихотворений в названии которых встречается *даешь!*: «*Даешь!*», «*Даешь автомобиль!*», «*Даешь изящную жизнь!*», «*Даешь материальную базу!*», «*Даешь хлеб!*», и даже... «*Даешь тухлые яйца!*». Многие из этих стихотворений печатались в журнале под названием «*Даешь*». *Даешь!* был языковым паролем человека новой эпохи: *Тот не студент, кто говорит «дайте»*. *Пролетарский студент гремит: «Даешь!»* (М. Москвин. Хождение по вузам: воспоминания комсомольца); *На всех плакатах, щитах, заборах, где кричали слова «Даешь пятьсот тысяч кубометров», рабочие замазали слово «даешь», а вместо него поставили спокойное, гордое «есть»* (М. Кольцов. Только одна страница).

Даешь!, просуществовав примерно десятилетие, ушло из активного запаса, *авось* же оказалось непотопляемым и продолжает свою жизнь в сознании носителей языка. Обобщение сведений о лексических концептах типа *авось*, а также о грамматических индикаторах русской ментальности (о поле неопределенности, безличных конструкциях и др.) в «энциклопедии русской души» поможет осуществить завет А. С. Хомякова, писавшего в 1855 г. А. Ф. Гильфердингу: «Хоть бы мы свою грамматику поняли. Может быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни!». Когда мы ставим перед собой такую задачу, то думаем не только о лингвистике, но и о чем-то более глубоком и значительном: о русском народе, его национальном самосознании и месте в истории.

Примечания

1. Под «русским текстом», созданным по аналогии с термином «петербургский текст русской литературы», понимается самостоятельная знаковая система, образуемая на основе корпуса словесных текстов (литературных, фольклорных, разговорных и др.), содержащих ключевые для русского языка и культуры концепты. Соответственно можно говорить об английском, немецком и т. п. текстах.

2. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. — Л., 1980.

3. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. — М., 1999.

4. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Внешняя форма слова и его национально-культурная семантика // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV—XV / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1987. С. 61—78.

5. *Рейсер С. А.* «Русский бог» // Изв. АН СССР: ОЛЯ. 1961. Т. XX. Вып. 1. С. 64—70.

6. *Гин Я. И.* Проблемы поэтики грамматических категорий. — СПб., 1996.

7. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи // Русская речь. 1991. № 1. С. 86—102.

В. Б. Кашкин (Воронеж),

ТАК ЧТО ЖЕ В ИМЕНИ... (Асимметричный дуализм личного имени)

*«M u s t a name mean something?» Alice
asked doubtfully.*

L. Carroll. Alice in Wonderland.

1. Проблема личного имени в научной и бытовой лингвистике

Термин «имя» для лингвистики фундаментален. Собственно, человеческий язык имеет дело с именованием предметов и людей, а также действий с ними (имя действия). Именуя вещи, человек организует свою деятельность с ними, обобщает и прогнозирует свой опыт. Имя собственное в этом ряду стоит особняком. Его уникальность, точнее, единственность обозначаемого им объекта, создает миф о невозможности обобщения в случае с именем собственным, а в особенности, с личным именем — антропонимом. Собственное имя «служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [8. С. 473].

Реальность коммуникативного поведения выявляет другие стороны использования антропонимов. Антропоним имеет особую коммуникативную значимость. В отличие от любых других имен, называющих предмет разговора, антропоним может обозначать самих коммуникантов. Более того, в качестве имени коммуниканта не могут выступать иные имена, кроме имен собственных (за исключением случаев олицетворения и т. п., о которых нужен отдельный разговор). Таким образом, первейшая коммуникативная функция антропонима — самоосознание и самоопределение коммуниканта как участника дискурса. Имя говорящего — страж границы его личной и личностной территории, «граница личности есть граница семиотическая» [5. С. 186].

Соответственно, субъект дискурса каким-то образом определяет качества и характеристики мира по эту и по ту сторону границы. И следовательно, имя для него наделяется неким личностным значением, у него формируется определенное понятие о себе как личности. (Разумеется, есть разница в обобщающих способностях имен и фамилий, разница в традициях использования одного или более имен, отчеств, имени матери, официального и неофициального имени в различных коммуникативных культурах и т. п.).

Встреча с другими личностями (с подобными именами или с подобными или схожими чертами характера) приводит к неизбежному обобще-

нию. Для наивного пользователя, в отличие от «профессионального лингвиста» имя не является немотивированным знаком, коммуникативное поведение реального говорящего выявляет те или иные черты сформированного представления о носителе того или иного имени.

При этом вряд ли существенно то, формируются ли при этом понятия или нет, таковы ли эти понятия, как и те, что связаны с нарицательными именами, или нет. Мнение науки вряд ли существенно для реального коммуникативного поведения пользователя языка. В своем поведении он руководствуется не столько тем, что знает наука, сколько тем, во что он сам лично верит. То есть, языковая деятельность, коммуникативное поведение, в принципе, мифологизированы, они организуются и управляются не всегда полностью осознаваемыми мифологемами-стереотипами.

Научное рассмотрение коммуникативной деятельности вряд ли может не принимать во внимание «субъективные факторы», влияющие на отдельные моменты выбора говорящим того или иного способа выражения или интерпретации. Ведь собственно язык — не что иное как повторяющиеся схемы (телесного) субъективного поведения множества субъектов. Быть ближе к реальности (или «быть объективным» — следуя позитивистской мифологии) в изучении явлений гуманитарной сферы как раз и значит быть ближе к субъекту. Объективным материалом в науках о человеке являются его субъективные решения и действия.

«Официальная» лингвистика изучает типологию, этимологию, морфологию антропонимов, логику их использования в синтаксических структурных схемах и семиологию номинации. Реальный пользователь языка, давая имена, например, своим детям (выполняя функцию $\omicron\upsilon\omicron\mu\alpha\tau\omicron\theta\epsilon\tau\eta\zeta$ — ономатотета, установителя имен), или общаясь с другими именованными субъектами, вырабатывает положительное или отрицательное отношение к носителям тех или иных имен, думает об истинности имени, о его связи с качествами носителя, думает о том, как имя влияет на судьбу человека и т. п. Таким образом, и содержание, и результаты коммуникативного процесса подвержены влиянию имен участников, точнее, представлений об этих именах и их связи с их носителями. Имя — свернутый «мифологический сюжет» (В. Н. Топоров), деятельностный стереотип. Как пишет Мак-Люэн, *myth is the instant vision of a complex process* [11. Р. 163].

2. Прав ли Карл Маркс?

Вопрос об «истинности имен», о связи имени и именуемого постоянно возникает в истории человечества. Проблема мотивированности знака и

имени является предметом размышлений в «неофициальной» лингвистике. Вспомним Пушкина:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.*

Или Шекспира:

*What's in a name? That which we call a rose
By any other name would smell as sweet.*

Народная метаязыковая деятельность или «бытовая» лингвистика [2. С. 64—68; 1. С. 81—82] также не оставляет без внимания эту проблему:

Хоть горшком назови, только в печь не сажай.

Так должно ли личное имя что-либо означать, или его удел — иллюстрация принципа априорности знака в семиотике?

В этих случаях раньше было принято цитировать К. Маркса (пока не реализовалась иная мифологема, «полезная» в якобы демократическую эпоху, и его собственное имя не подпало под самоцензуру авторов): *Я решительно ничего не знаю о человеке, если знаю только, что его зовут Иаковом*. То есть, если продолжать мысль Шекспира и Пушкина, имя незначимо, оно — пустой звук, всего лишь сотрясение воздуха, «мертвый след» на бумаге:

*Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.*

Однако Дж. Кэрролл называет Шекспира «хорошим поэтом, но плохим философом»: имена не являются арбитражными [10. Р. 163]. Возможно, единственный способ убедиться в этом — обращение к повседневной философии языка, той философии, которая, по выражению Гуссерля, и есть жизнь и которая позволяет жить в языке и делать соответствующий выбор в том или ином случае его наивным пользователям и создателям.

3. Мнение наивного пользователя языка

Рассмотрим итоги анкетирования, направленных интервью, анализа сочинений на тему *Я и мое имя*, проведенных с финскими и российскими школьниками и студентами в 1998—2000 гг. Возраст опрашиваемых —

16—24 года. Текст сочинений финских студентов, приводимый в статье, практически не подвергался правке, за исключением неточностей в употреблении падежей и т. п.

Некоторые вопросы анкеты (повторявшиеся в сочинениях и «вплетенные» в ход интервью): *Знаете ли Вы, что означает Ваше имя? Нужно ли человеку знать значение своего имени? Нравится ли Вам Ваше имя? Есть ли люди, имена которых Вам не нравятся? Отражает ли имя характер человека? Влияет ли на жизнь человека его имя?* и т. п.

Хотя большинство опрошенных открыто считают, что имя не влияет на характер его носителя, размышления по поводу связи имени и человека свойственны всем (*имя походит, подходящее имя, похожее имя, правильное имя, истинное имя* и т. п.):

...я считаю, что мое имя мне подходит. Бывает, что когда я впервые вижу какого-нибудь человека и слышу его имя, мне кажется, что этого человека никак не могли бы звать по-другому. Его имя ему подходит. Например, у меня есть подруга, которую зовут Пяйви. Она так похожа на Пяйви (Päivi, от päivä — день), что других имен представить себе невозможно. Может быть это от ее веселого, живого характера.

Думаю, да (ответ на вопрос анкеты: Влияет ли на жизнь человека его имя?). Если имя нравится, то это отражается на самооценке и т. п. Есть стереотипы, которые повлияют на отношение окружающих к носителю данного имени (например, что все Толики — пьяницы, Олеги — бестолковые, Игоря — сами себе на уме и довольно жестокие люди, Татьяна — счастливые, Сергей — серьезные, Ксюши — скрытные, Никиты — спокойные, порядочные, сообразительные, честные).

Несмотря на «научную просвещенность» языкового сознания наивного пользователя, в отдельных фразах, оговорках и т. п. прослеживается «установка мифологического сознания на внутреннюю связь и тождество имени и его носителя» [7. С.509]. Весьма показателен ответ одного российского студента:

На жизнь — нет, возможно, на судьбу (тот же вопрос).

Мотивированность имени качествами человека-носителя и наоборот отмечается как в финских, так и в российских опросах:

Мне очень нравятся мои имена, особенно в таком порядке, как они есть. Я не могла бы представить себе, чтобы мое звательное имя было Вирпи или Катарийна, хотя они оба мне нравятся. Мне кажется, что я тогда бы была совсем другим человеком, и мне надо было бы вести себя как-то по-другому.

Собственные имена нравятся большинству опрошенных (в особенности, после 18-20 лет. До этого возраста обычно бывают конфликты, о чем далее). Чужие имена могут удивлять и даже раздражать в любом возрасте:

*... иногда меня удивляют некоторые имена детей моих знакомых. Как влияют на судьбу детей такие имена, как, например, Аида и Вариа? Оба имени связаны с музыкой. Аиду называли по имени оперы Верди, а Вариа происходит от слова «ария», но имя это произносят почти как финское слово *vaari* (дедушка).*

Иногда меня очень раздражает, когда у какого-то неприятного человека имя, которое я считаю красивым. Он как-то портит это имя. И тоже наоборот, если у кого-то встречаемого мною человека некрасивое имя, например, то же самое имя, как у какого-то действительно несимпатичного человека, я сразу же отношусь к нему отрицательно, хотя он на самом деле может быть очень симпатичный.

4. Как хочу, так и назову

Наивный пользователь выступает не только в роли интерпретатора и «оценщика» имени, но и в роли ономотета, по крайней мере, раз в жизни, при наречении собственного наследника. С древних времен до наших дней этот момент обрастает определенного рода легендами разной степени таинственности и правдивости.

«Наречение именем зависело от многих обстоятельств — особенностей младенца, условий его рождения, сопутствующих (смежных по времени) событий, указаний (сны, дивинации, предсказания и т. п.), а сам выбор имени, помимо традиции, мог определяться установкой на защитный вариант» [7. С. 509].

Эквивалентом древних сказаний являются современные семейные легенды о наделении именем, отражающие те или иные аспекты взаимодействия ономотета и среды, те или иные факторы выбора имени будущего носителя:

*Два первых имени (Улла Ийда Марьяана — *Ulla Iida Marijaana*) дали мне мои братья. Старший брат Олли, которому было семь лет, хотел назвать меня Уллой, а младший брат Веса — Ийдой. В то время по телевидению шла серия «Ваахтера» — это серия о мальчике, который проказничал. У него была милая младшая сестра по имени Ийда, в которую мой брат влюбился, и он хотел дать мне имя, как у нее.*

*Мои родители дали мне имя *Kati*, потому что они хотели дать мне хорошенькое, краткое и современное имя. (...) Одна из причин для того, что мое имя стало *Kati* была то, что мои родители знали тогда одного зубного врача. Она была очень симпатичная женщина и мои родители хотели назвать меня по имени ее.*

Мои родители придумали имя вместе. Сначала я должна была быть Юлей, но это имя нравилось моему дяде, чья жена тоже была беременна,

как и моя мама. Тогда дедушка предложил Марину, как два имени: Мария + Инна.

Семейная легенда отражает мотивировку выбора имени — от достаточно обширной (нарратив, как, например, в предыдущих примерах) до весьма простой:

Меня назвали так. Потому что моему папе понравилось имя, и он увидел фильм, в котором актриса носила мое имя.

В 1985 г. был фестиваль «Катюша», и меня назвали Катей.

Приобретая имя, личность приобретает и определенный статус в социальной среде. Имя, таким образом, продолжает выполнять пограничную, защитную функцию для носителя. Наличие во всех языках выражений типа *доброе имя, уважаемое имя, достойное имя* свидетельствует о том, что имя хранит в себе и долю «символического капитала», если воспользоваться терминологией П. Бурдьё [9. С. 72]. Имя, как и любой элемент речи производится в экономических целях для использования на лингвистическом рынке. Это достаточно очевидно для *brand name* товара или для фамилии. Общественное признание того или другого является не чем иным, как обобщением, генерализацией качеств товара или семьи, качеств, в которых они себя зарекомендовали в практике использования, сотрудничества или общения.

Ономатотетика же имеет дело с существом, только лишь вступающим в жизнь. Обобщение качеств здесь заменяется антиципацией и прогнозом, даже точнее — выражением собственных желаний ономатотета в отношении возможных будущих качеств нарекаемого. Наречение именем при этом становится не просто перформативом, а магическим перформативом, скрытой генерализацией надежд и чаяний ономатотета. Жизнь нарекаемого в дальнейшем должна показать, насколько предполагаемые качества проявили себя. Проявляемые качества оцениваются социальным окружением через сравнение и обобщение с другими носителями имен. Носитель имени несет в себе часть истории (ожидания ономатотета), но проявлять себя он должен в настоящем сам.

В знаменитой «Санта-Барбаре» Иден Кэпвелл-Кастильо во время одной из присущих ей эскапад с переменой имиджа и социального стратума своей коммуникативной деятельности берет себе имя *Нэнси*. Социальное окружение раскрывает обман, один из общающихся с нею говорит: *You don't look like a Nancy*. В этом неопределенном артикле сконцентрировался весь путь генерализации общения с различными носителями имени *Nancy*. Имя личности стало практически нарицательным. Аналогичный пример из русской социальной среды: сотрудники одной из воронежских фирм так отзываются о работниках налоговой инспекции: *Они там все Вася!* Личностные качества «хороших» и «плохих» Вася и Нэнси здесь стерты

обобщением, но, возможно, таков удел личности: от единичного к всеобщему?

Но разве артикль в *It's a Sony* не выполняет такую же генерализующую функцию, подчеркивая комплекс положительных качеств, приписываемых семье этих товаров? Как видим, номинация не так уж и произвольна ни до, ни после наделения именем. Именно поэтому современный маркетинг рассматривает имя фирмы или товара как существенную составляющую роста авторитета и роста продаж (конвертация символического капитала в экономический, по Бурдьё). Кто, например, с радостью станет покупать продукты питания у воронежской фирмы *Москал* (название фирмы дается по справочнику *Товары и цены*), или не станет размышлять о возможном существовании мыла *Взяв*, если есть уже мыло *Дав*? Приведем текст краткой заметки в женском журнале:

ЧТО В НАЗВАНИИ ТАИТСЯ ТВОЕМ...

Недавно во Франции увидело свет исследование: психология и история разных стран рассматривались... в свете названий выпускающихся конфет и их оформления. (...) Так, конфеты «Ну-ка отними» позволили ему (автору) рассуждать о жертвенности и мазохизме, свойственных русским. Но больше всего автора поразили названия конфет «Радий» и «Данко» — к тому же на фантике последних было изображено горящее сердце героя.

Лиза. 1997. № 4.

Магический перформатив номинации, как видим, связан с отношениями власти и авторитета, с экономикой лингвистических обменов (по Бурдьё). Ономототет свободен и волен называть другую (потенциальную) личность по собственному усмотрению и произволу:

Я довольна: я же могу назвать моих детей, как я хочу!

5. Авторитет и свобода выбора

Все человеческие культуры тем или иным образом мотивируют выбор имени авторитетом старшего родственника:

Мой брат получил свое имя по тем же самым основаниям, что и я. Он получил свое второе имя от папы, у них обоих второе имя — Валдемар (Valdemar). А они получили это имя от моего дедушки, отца моего папы, его звали Николай Валдемар. А брат моего папы получил свое второе имя Николай.

Сначала они (родители) хотели назвать меня Ханне (Hanne). Может быть, мои родители хотели таким образом уважать традиции, так как тетю моей мамы зовут Ханна. Однако не все были довольны. А именно,

две тети моего папы, которые были старые девы, считали имя Ханне мужским, потому что ласкательное имя их соседа было Ханне.

Третье имя, Марьяана (*Marjaana*), дали мне мои родители, которые хотели, чтобы одно из моих имен было похоже на второе имя мамы, Марятта (*Marjatta*).

Напирал на то, что мой дед был Яков, так что я вовсе не бунтую против родового начала, а, наоборот, восстанавливаю связь поколений. Я. Кротов. Только в печку не ставь // Итоги. 1998. №29.

Встречается и апелляция к общественному авторитету:

Меня крестили по английской принцессе Анне; о ней много говорили в журналах, когда я родилась (*Анне-Лийса — Anne-Liisa*).

У финнов обычно два или три имени. Обыкновенно, первое имя — модное, второе и третье имена — традиционные. Некоторые традиционные имена происходят из финского народного эпоса «Калевала», например, Илмари, Сампо и Сеппо.

Например, меня, нынешнего Якова, называли Максимом в честь человека, которого крестили Алексеем, — одним словом, Горького. Я был не один такой. Моя знакомая попросила, чтобы ее крестили Анной. Но она хотя бы стала Анной Андреевной (как Ахматова — прим. автора). Я. Кротов. Цит. статья.

В качестве обоснования выбора имени может выступать (в том числе, и параллельно с предыдущими, религиозная или календарная причина):

Крестили меня Ану (*Ani*), потому что второе имя моей мамы Аннели, и мою бабушку звали Анна, которые все, конечно, исходят из Святой Анны.

Мое второе имя — Вирпи (*Virpi*). Я родилась 12-го ноября, когда именины Вирпи, а день рождения моего отца — 25-го ноября, и тогда же именины Катаринны (*Katarijna* — первое имя).

Единственное дело, которое мне мешало, было то, что я не могла проводить день имени, как другие дети, так как моего имени не было в календаре (*Marjukka*).

По понятным причинам, эта мотивировка практически отсутствует в ответах российских информантов.

Авторитет старшего родственника, как этого и следовало ожидать, длится только до определенного периода в развитии носителя имени. Как пишет Ю. М. Лотман: «Ситуация возмущения и бунта возникает при столкновении двух способов кодирования: когда социально-семиотическая структура описывает данного индивида как часть, а он сам себя осознает автономной единицей, семиотическим субъектом, а не объектом» [5. С. 186]. Агрессивная экспансия собственной воли, самоутверждение или утверждение границ собственного Я распространяется на все

сферы поведения подростка в переходном возрасте. Имя как «страж границы» личности также подвергается ревизии в большинстве случаев (70—80% информантов сообщают о желании изменить имя в юном возрасте), наблюдается подростковый бунт и неприятие имени:

В детстве я хотела иметь какое-нибудь более интересное, оригинальное имя, чем Anne. Сейчас я довольна своим именем именно потому, что оно нейтральное.

Я помню, что когда я была младше, я стыдилась своего второго имени (Iida).

В детстве по глупости не нравилось (Михаил).

А мой случай был явно клинический: подросток, бунтующий против матери, отца, деда и вообще всего, что старше восемнадцати лет (Максим).

Собственное имя воспринимается носителем не само по себе, и, может быть, даже не по соответствию неким качествам, присущим носителям подобного имени (во всяком случае, не в первую очередь). Основным пафосом восприятия себя через имя является самоидентификация, ее две стороны: *быть таким, как все* и *быть не таким, как все*. Именно подростковый возраст дает наибольшее количество конфликтов в плане самоидентификации, вхождения в социальную среду и отграничения собственной личности от других личностей (среды). Знаком-мифологемой этого отграничения и служит личное имя индивида:

Когда я сама была моложе, я не соглашалась с моими родителями. Мое имя казалось мне некрасивым и страшным. Я не могла понять, почему родители меня так строго хотели наказать и дали мне такое ужасное имя. Я много раз старалась изменить свое имя; я хотела, чтобы меня звали бы Яана или Марьяана. Конечно, это не удалось, но я постепенно одобрила, что меня зовут Оути, и сейчас это мне даже нравится. Я очень горда своим именем. Я считаю, что тому, почему я раньше ненавидела свое имя, и том, почему я сейчас его люблю, та же самая причина: имя «Оути» довольно редко здесь появляется. Раньше это была проблема, потому что я не могла отождествиться, но сейчас это хорошо, это средство, чтобы отличаться от массы.

Последняя фраза отражает единство и борьбу противоположностей: отождествления со средой и выделения себя из среды. Как писал А. Ф. Лосев, «Без слова и имени человек — вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен, несоборен и следовательно, также и не индивидуален, не-сущий...» [4. С. 642].

Когда я была маленькая, я хотела, чтобы у меня было совсем другое имя. Больше всего мне нравились такие имена, как Кристина и Йоханна (Kristiina, Johanna). Но все же я решила носить мое верное имя.

Когда я была маленькой, мне совсем не нравилось мое имя. Во-первых, оно не имело ласкательной формы. Тогда я хотела изменить имя, но теперь оно — такая большая часть моей личности, что это больше невозможно.

Факторы выбора имени родителями, по мнению информантов, связаны с различной оценкой имени в социальной среде:

красивое/некрасивое:

Я не уверена, почему мои родители выбрали именно это имя (Оути — Outi), но мне кажется, это только потому, что для них оно звучало красиво.

Мне очень нравится мое имя (Кати — Kati). Я так же думаю, как мои родители, что это ясное, легкое и короткое имя, совсем удобное. По мнению моих родителей, Кати было совсем «удобное» и «приятное» имя девушке.

модное/немодное, популярное/непопулярное имя:

Имя Мийя (Miia) — это современный вариант Мариин, и оно было очень популярно, когда я родилась, в семидесятых годах. У меня много друзей, имя которых также Мийя или Миа.

Тогда, когда я родилась имя Кати (Kati) не было таким популярным и общераспространенным, как сейчас. А теперь имя Кати одно из самых популярных и распространенных имен в Финляндии.

Но есть здесь тоже вопрос о моде (Ани). Когда я родилась, 22 года назад, Ану было одно из самых популярных имен девушки.

Мое имя, Марьюкка (Marjukka), сейчас более общепринято, чем раньше, но в детстве я не знала никакого другого человека, у которого было бы одинаковое со мною имя, и поэтому я думала, что у меня что-нибудь особенное.

Выделяется также эмоциональный аспект звучания имени:

Тожe имя одной маленькой девочки вызывает ласковый отзвук, так как ее имя Хилья (Hilja — «тихий») вместе с фамилией Хююрюляйнен (Hüürüläinen) — как будто название сказочного существа.

Религиозный аспект наименования совместно с мистической боязнью связи имени с «нечистым» объектом прослеживается в следующем наблюдении:

Алло! Я не желаю, чтобы мне присваивали индивидуальный номер налогоплательщика — ИНН. Неужели нельзя было создать другую форму учета, чтобы не отнимать у людей имя?

Да никто его не отнимает! ИНН не заменяет имя человека (...) Мы сами себя запугали: мол, если будет номер, будешь грехами обвешан. А грехи не от номера — от дел. Если на душе у вас чисто — значит, в рай дорога обеспечена.

«Зарабатывайте деньги и не бойтесь!» Разговор по «Прямой линии» в редакции «Комсомольской правды» с министром по налогам и сборам России Г. Букаевым // КП. 27 октября 2000 г. № 200. С. 6—7.

6. Мифологема имени

На прямой вопрос, о том, отражает ли имя характер и определяет ли оно жизнь его носителя, информанты, как правило, дают отрицательные или уклончивые ответы. Те же информанты сообщают, что они, в целом, не верят в гороскопы, но любят их читать, или даже высказываются об этом с юмором: *Верю, если предсказывают хорошие события.* Поведение человека управляется мифологемами (стереотипами свернутых действий), при этом он либо открыто в этом не признается (отдавая ли себе отчет в этом, но «стыдясь» бессознательности своих поступков, или не отдавая себе отчета в этом вовсе), либо признается с долей метакоммуникативного юмора, говоря о том, что он добровольно «поддается» воздействию мифологем.

Если гороскопы существуют, значит они кому-то нужны. Видимо, нужны и публикации, подобные следующей:

У каждого человека, как утверждают философы и этимологи, имя означает его характер, его склонность, его способности и т. д. Давайте расшифруем слово казак. Итак, начнем с первой буквы и пойдем далее:

К — выносливость, происходящая от силы духа, умение хранить секреты, проницательность, жизненное кредо «всё или ничего»;

А — символ начала и желание что-то начать и осуществить, жажда физического и духовного комфорта;

З — круговая оборона «я» от внешнего мира, высокая интуиция, богатое воображение.

Далее в слове казак идут опять буквы «а» и «к», с тем же значением. Интересно, что слово начинается с выносливости от силы духа и заканчивается тем же, затем желание творить, потом в центре круговая оборона.

Глущенко В. В. Казак, что в имени твоём. Философия развития казачества. — Ростов н/Д: Молот, 1999. С. 3-4.

Аналогичная информация о результатах исследования безымянных «философов и этимологов» содержится и в женских журналах и литературе для домохозяек:

В науке о звездах каждое имя имеет свое число. Его энергия соответствует какой-либо планете, несущей информацию о значении имени. Родители, желая увидеть те или иные характеристики в новорожденном, дают ему определенное имя.

«Лиза». 1998. №6.

Люди, имеющие в своем имени звук «м», часто испытывают некую душевную маету, беспокойство в делах.

Хигир Б. Астрология имени. — М.: Яуза, 1998. С. 59.

... каждая буква имени является источником определенной вибрации, влияющей на характер человека. (...) Люди с высоким числом колебаний в секунду устойчивы к инфекциям. Это число возрастает при высоком уровне моральных установок.

Миронов В. А. Имени тайная власть. — М.: ФАИР, 1998. С. 3.

Исследователь коммуникативного поведения не может просто отбросить эти обширные пласты социального символизма как «антинаучные». Научный материал для лингвистики содержится не только и даже не столько в классических произведениях художественной литературы, он, как стихи, растет «из сора, не ведая стыда». Вопрос стоит не о том, правильны или неправильны выводы наивного пользователя и наблюдателя языка о связи имени и его носителя. Вопрос в том, зачем нужно носителю искать такую связь. То, что она обнаруживается, как в следующем примере, очевидно:

Психологический опрос-анкета, проведенный среди современных взрослых москвичей, выявил следующие ассоциации — «образы имени»: Сережа — среднего роста, сильный, спортивный, добрый, веселый, озорной, но не обязательно умный, вызывает симпатию; Саша — одно из самых популярных мужских имен, оно нравится большинству; у Саши темно-русые волосы (ассоциации имени с цветом волос отмечаются постоянно), светлые глаза, высокий рост, мужественный характер; он настолько симпатичен, что даже неважно, умный ли он; Игорь — темноволос, худощав, умен, красив, капризен и себялюбив, немужественный, плохой друг; но для старшего поколения Игорь другой: высокий, широкоплечий, светловолосый, добрый и мужественный.

Черепанова Е. Образ имени // Знание — сила. 1984. № 6. Цит. по: [6. С. 14].

Вопрос и в том, где обнаруживается эта связь: существует или возникает она между самим носителем и его именем, либо это связь двух представлений в массовом сознании? Ответ все же будет двойственным: связь между именем и его носителем поддерживается в массовом сознании (имя может иметь различную интерпретацию в различных исторических средах). В то же время, массовое сознание через дискурс, общение с носителем имени воздействует на индивидуальное сознание последнего (индивид должен оправдывать данное ему имя). Индивидуальные отступления от соответствия приводят к нарушению баланса и возможному сдвигу в значении имени для массового сознания. Мода на имена связана, во многом,

именно с этим. Мифологема имени, таким образом, исторически привязана.

Массовое или групповое сознание ждет от индивида поведения в соответствии с его именем. Например, если индивид является наследником материального или символического капитала (потомок крупного предпринимателя, наследник дворянского рода или известного ученого, писателя и т. п.), общество ждет оправдания его фамилии в его делах. Аналогично клановой воспринимается и наименование групповой принадлежности: *Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими*. «Слова и вещи» Мишеля Фуко, видимо, следует в аспекте рассматриваемой тематики переименовать в «Слова и дела».

Для личных имен, в отличие от фамилий, мотивировка возможного поведения именем не столь очевидна. И тем не менее, общение с человеком накапливает элементы опыта общающегося с ним и объединяет их под эгидой мифологемы его имени: *Пришел Х и все опомнил/исправил/объяснил* и т. п. Имя человека связывается с набором качеств и действий определенного рода, свойственных самому данному индивиду, а фактически, отражает восприятие этих качеств социумом. Мифологема имени соответствует набору действий с носителем имени или отношений к нему. Вот весьма характерный пример:

(два ответа — от двух разных информантов — на вопрос анкеты: *Есть ли люди, имена которых Вам не нравятся?*) *Да, Дима Петров, потому что он дурак*.

Слово *дурак* скрывает стереотип поведения одноклассников по отношению к несчастному Диме Петрову. Этот стереотип обобщает множество отдельных коммуникативных актов с его участием из прошлого опыта социальной группы. Вряд ли можно прогнозировать выработку отрицательной коннотации у имени Дима в будущем у всех носителей русского языка: слишком мал вклад данного индивида и данной социальной группы в совокупный коммуникативный опыт. Но для сказочного персонажа (например, *Иван-Дурак*), или для крупной политической фигуры коммуникативный отзыв гораздо шире:

Я их называю Иванушки-Дурачки (об Иванушках International)

Ср. также коннотации имени *Адольф* до и после 40-х гг., появление «марксистско-ленинской» антропонимики после 20-х гг. (*Владлен, Владилен, Сталина, Октябрина* и др.) и т. п.

7. Так что же в нем...

Подводя итог, скажем: имя человека и мотивировано, и немотивировано. Антропоним скорее является примером асимметричного дуализма

(по Карцевскому), нежели примером арбитrarности знака. Значение имени изменяется с историей его носителя.

Мотивированность имени носит динамический характер. Если до акта именования преобладает арбитrarность, то после наименования мотивированность возрастает по мере накопления опыта общения с носителем имени.

Имя индивида, разумеется, единично. Но это не лишает его возможности участвовать в обобщениях, апеллятивизироваться, становиться в некоторых случаях нарицательным именем, как имя вещи. Имена вещей, фактически, являются именами идей, мифологемами действий с этими вещами. Их значение — результат огромного исторического периода обобщений опыта общения с этими вещами многих индивидов.

В отличие от имен вещей, имя человека не успевает пройти такой путь. Мы сталкиваемся с именем вещи на ином этапе развития и обобщения знаний о ней, нежели с именем человека.

В отношении антропонима можно выделить и иной ракурс обобщения: под эгидой имени объединяются единичные элементы коммуникативного поведения, характеризующие конкретную личность.

В этих двух сторонах отражаются два континуума, в которых располагается единица (в нашем случае индивид): внутренний и внешний. Во внутреннем континууме единицы имя индивида исполняет объединяющую функцию для его качеств. Во внешнем — выделительную, пограничную функцию, отделяющую индивида от среды и других индивидов. Таким образом, единица и индивид противопоставлены, с одной стороны, бесконечности, с другой — другим единицам. Эту мысль о двусторонности единицы высказывал в свое время еще философ Ник. Кузанский [3. С. 51—58].

Еще раз обратимся к признаниям человека, изменившего свое имя:

Я своего добился. Я своего добился (в отличие от той Анны Андреевны, оставшейся для всех Мариной): все зовут меня Яковом. Умерли тесть и отец, умерла теща, а с тех пор, как полгода назад умерла мама, даже родственники перестали говорить «Максим». И теперь ужасно приятно, когда кто-нибудь из знакомых по старой памяти окликнет: «Макс!»

Я. Кротов. Только в печку не ставь // Итоги. 1998. № 29.

Где же находится мотивация имени, его «значение». Эпоха «абстрактного объективизма» (в терминологии Бахтина) могла рассматривать имя только как арбитrarный знак именно потому, что во главу угла ставилась абстрактная наиндивидуальная система или структура языка. В то же время, единственной реальностью языковой деятельности являются и могут являться отдельные индивиды, их единичные коммуникативные акты, вовлекаемые в процесс абстрагирования множественным потоком та-

ких актов. Индивид и единичный коммуникативный акт для языка первичны. Язык рождается из диалога отдельных личностей, и именно в этом диалоге следует искать значение имени:

*Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*

Примечания

1. Дуфва Х., Ляхтеенмяки М., Кашкин В. Б. Метаязыковой компонент языкового сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. С. 81-82.
2. Кашкин В. Б. Аспекты метаязыковой деятельности // Лексика и лексикография. Вып. 10. — М., 1998. С. 64-68.
3. Николай Кузанский. Сочинения. — М.: Мысль, 1979. Т. 1.
4. Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. — М.: Мысль, 1993.
5. Лотман Ю. М. Понятие границы // Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: ЯРК, 1996. С. 175—194.
6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М.: Наука, 1985.
7. Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира. — М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 508—510.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
10. Carroll J. M. What's in a Name? An Essay in the Psychology of Reference. — N. Y.: Freeman, 1982.
11. McLuhan M. Essential McLuhan. — N. Y.: Basic Books, 1996.

М. Ю. Дьякова

ФИННЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Для этнопсихологии финны как нация представляют большой интерес: самобытный и отчужденный, этот народ стоит особняком, даже по отношению к ближайшим соседям. «По типу лица, по языку и особенно по психологическому складу финны значительно отличаются от скандинавов. Финны не столь экспансивны, более сдержанны, методичны, чем их соседи» [5. С. 300].

Базовым фактором, влияющим на становление и развитие культуры на пути социализации и возникновения поведенческих моделей в социуме, является экология. Многие культурные особенности финнов, зачастую ка-

жущиеся парадоксальными, имеют под собой экологическое обоснование. «Вся нынешняя флора и фауна Финляндии — порождение послеледникового периода... Следы ледника видны и теперь» [19. С. 3]. Сейчас же климат и природные условия Финляндии характеризуются ее северным расположением и близостью океанов. Издавна живописная страна финнов носила название «земли тысячи озер», на самом деле, в Финляндии почти 2 сотни тысяч озер, а болота занимают четверть территории страны. Эта связь с водной стихией отражена и в самоназвании финнов: *Suomi* — Финляндия, *Suomalainen* — финн, от *suo* — болото, что, по мнению многих исследователей, проявляет самосознание народа, а именно, фиксирует основное отличие от других этносов. С. А. Арутюнов называет самоназвание «этническим маркером» [1. С. 9]. Интересно то, что во многом финская культура опирается на так называемую «финскость», как отмечают Л. Харченкова и Н. Турунен. Суть понятия «финскость» расшифровывается как внутреннее чувство природы. С. В. Лурье отмечает, что установки, относящиеся к области «человек-природа» — центральные в сознании финна.

Вся история Финляндии — суровый путь преодоления, борьбы и смирения. Древнейшая культура, существовавшая на территории современной Финляндии была охотничья культура. В 2500—2000 гг. до нашей эры в южной части Финляндии появилась совершенно новая культура — культура боевых топоров, пришедшая из Прибалтики. Многие исследователи считают, что исконное население в результате этого разделилось на два культурных круга: на коренных финнов, попавших под влияние новопоселенцев и ставших предками нынешних финнов, и на оставшихся вне сферы влияния культуры боевых топоров и ставших предками нынешнего народа саами на севере страны. Охотничье-ловецкая культура востока и севера Финляндии имела больше связей с Востоком, чем с Западом. Основное влияние на культуру Финляндии периода 1000 лет до нашей эры шло из Прибалтики. После периода викингов (800—1050 г. н. э.) в Финляндии начинает распространяться христианство. Финляндия относится к Балтийскому региону культуры. Близость Балтийского моря обусловила приход в каменном веке культуры боевых топоров из Прибалтики, а в бронзовом — скандинавского влияния из Швеции.

Кайса Хяккинен приводит результаты генных исследований, доказывающих, что население Финляндии гомогенно. Генетическое единообразие доказывает, что финны в течение долгого времени жили изолированно от других народов. Культурные контакты, конечно, имели место, но существенного влияния на формирование структуры населения не оказали.

За долгие годы своей истории, финны сформировали самобытный национальный характер, представленный в стереотипизированной форме

не только в сознании других этносов, но и в самосознании самих финнов. В 1875 г. Цакариас Топелиус опубликовал «Книгу о нашей земле» — произведение, в котором описал Финляндию и финнов, древние провинции и племена: в Хяме — центральной Финляндии — финны светлые, медлительные, малословные, в Похьянмаа — на севере — большие, красивые, гордые, в Карелии — темные, низкорослые, шустрые, в Саво — восточной части страны — спокойные, неторопливые, благодушные. По данным многих опросов, финны выдвигают следующие характеристики в описании своей нации: неразговорчивость, честность, робость, застенчивость, надежность, пунктуальность, спокойствие, искренность, чувство юмора. Этнопсихологи отмечают, что финнам не свойственна самокритика, это народ, обладающий повышенным чувством национальной гордости. Этнопсихология определяет такой положительный когнитивный уклон в пользу своей этнической группы как ингрупповой фаворитизм, который является естественным социально-психологическим механизмом, сохраняющим этническую культуру. Однако финны помимо ингруппового фаворитизма могут проявлять аутгрупповую враждебность, в частности, по отношению к представителям сверхдержав — американцам и русским, а также шведам вследствие исторического опыта. С. В. Лурье указывает на то, что финны любят себя так, как редко какие народы сами себя любят. На этом основывается и подчеркнутое уважение финнов к себе.

Нами делается попытка проанализировать финнов как нацию, используя «культурный синдром» Х. Триандиса — «...определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой» [8. С. 44]. Первым синдромом является **«простота-сложность»**: чем более сложна культура, тем более внимательно люди в ней относятся ко времени, и тем более специфичны в ней социальные роли. Финская культура, наряду с культурами индустриальных стран, таких, как США, Япония и других, является сложной. Финны чрезвычайно высоко ценят точность, аккуратность, последовательность, как в общении, так и в работе. В Финляндии от каждого индивида в определенной социальной роли, например: преподавателя, продавца или водителя, ожидается модель поведения, основанная именно на его социальной роли, а не на индивидуальных факторах: религиозной, партийной принадлежности, взглядах и т.п. Вторым синдромом является **«индивидуализм-коллективизм»**: измерение на основе приоритетности или неприоритетности групповых целей над индивидуальными. Индивидуалистические культуры Запада способствуют самореализации и самоактуализации их членов. В коллективистских же культурах групповая деятельность является доминирующей. Автором был проведен мини-опрос (на основе теста Куна и Макпартленда, [8. С. 47]) в русской и финской аудиториях с целью

определения идентичности. На вопрос «Кто я?» 50% финнов назвали свое имя или личностные характеристики, и лишь небольшой процент русских ответили так же, большинство указывало на свою социальную роль, например: «Я — мама, я — преподаватель» и т. д. — это свидетельствует о том, что в финской индивидуалистической культуре первична «я-идентичность», а в коллективистской русской «мы-идентичность». В сфере социальных отношений индивидуализм культуры проявляется в создании дружеских привязанностей на основе собственных пристрастий. Общительность не является сильной чертой финнов, однако если они формируют дружеские отношения, то лишь на основании личного выбора, а не при участии кого-либо извне. С. В. Лурье указывает на то, что финн почти целиком сконцентрирован на себе. Экономическое становление и рост Финляндии за последнее столетие закрепили социальную и психологическую независимость, являющуюся главной предпосылкой индивидуализма. Однако каждая культура имеет и индивидуалистические и коллективистские тенденции, это можно легко проследить на примере отсутствия у финнов универсальной шкалы ценностей при оценке членов аутгрупп, что является признаком скорее коллективистской культуры. Также в Финляндии влияние семьи как ингруппы на индивидуальном уровне велико, как и в большинстве коллективистских культур. Гармония и мир — важные ценности коллективизма, отсюда и желание скрыть несогласие в своей среде. И у финнов, и у русских существует народная мудрость, фиксирующая эти ценности этнической картины мира: «Не выносить сор из избы».

Многие исследователи кросс-культурной и этнической психологии отмечают, что оба типа культур имеют свои преимущества и недостатки: так на финской почве индивидуализм усилил отчуждение и одиночество.

Еще одним синдромом, выражающимся в соответствии или отклонении от групповых норм культуры является **«открытость—закрытость»**. В открытой культуре, к которой относится культура Финляндии, для достижения чего-либо необходимо руководствоваться свободным выбором и индивидуальным творчеством. Современная русская культура (для сравнения) носит закрытый характер из-за советского прошлого, в котором любое отклонение от норм, навязанных обществу, строго каралось.

Еще три измерения культур были предложены психологом Г. Хофстедом: избегание неопределенности, дистанция власти и маскулинность-феминность. Рассматривая первое измерение, необходимо заметить, что финская культура относится скорее к культурам с низким уровнем избегания неопределенности, так как финны не сильно подвержены общественно-политическим стрессам, принимают разногласия в своей среде и т. д., что также автор может объяснить крепкой сплоченностью финской нации и сильной социальной поддержкой. Г. Хофстед определяет

дистанцию власти как степень неравномерности распределения власти с точки зрения членов данного общества. Финская культура, являющаяся культурой с низкой дистанцией власти, предлагает путь к индивидуальному процветанию через знание, любовь и счастье — залог успешного развития финского общества. Финляндии как государству не свойственен жесткий стиль управления и принудительная власть. Уважение к личности и равенство — залог успешного развития государства. Маскулинность-феминность как измерение культуры еще раз рассматривает ценностные приоритеты, но под новым углом зрения. Культуры с высокой ценностью материального, власти и денег являются культурами маскулинного типа; феминные же культуры провозглашают своими основополагающими ценностями человека, смысл жизни и свободу. Автор относит Финляндию к странам феминного типа: глубинная связь финской культуры с природой породила упорство и работоспособность, свободолюбие и отсутствие амбициозности и карьеризма. Финская культура похожа на финскую природу, не столь яркую, но основательную и спокойную. Финляндия — одна из немногих стран, где социально-половые роли не фиксированны, что является основным признаком феминности. Достаточно такого примера: в 2000 г. президентом Финляндии стала Тарья Халонен.

Таким образом, данные культурные синдромы дают возможность выделить этнопсихологические факторы в структуре финской культуры.

Обратимся к сопоставлению этнопсихологических черт русских и финнов. Мы уже сравнивали отдельные черты русских и финнов. Остановимся же на этом подробнее. Если обратиться к культурным синдромам и измерениям, рассмотренным выше, то русская культура представляется практически противоположной финской. Русские — ярко выраженные коллективисты, для подтверждения этого достаточно упомянуть такие черты национального характера, как открытость, гостеприимство, упование на «авось», зависимость. Британский антрополог Д. Горер, долгое время изучавший русский национальный характер, выдвинул гипотезу «пеленочного комплекса». Д. Горер считал, что русским свойственна традиция туго пеленать младенцев с ранних месяцев их жизни, но на короткое время детей освобождают от пеленок, моют и активно играют. Исследователь связал этот путь физического развития с некоторыми чертами русского национального характера и политической жизни России. Многие русские, как считает Д. Горер, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии. Именно «пеленочный» комплекс привел к царизму, сталинизму и др. Безусловно, существует множество других теорий, пытающихся объяснить и разгадать феномен «славянской души». Русское этническое самосознание, по мнению многих исследователей, основывается на таких

концептах, как: смирение, страдание, путь. Русский человек склонен к эмоциональному бездействию, к ожиданию будущего благоденствия, тогда как финн добьется всего, что в его силах и не в будущем, а в настоящем. Представления финнов о русских неоднозначны. Однако современная этнопсихология рассматривает не только культурно-специфические черты этнических групп, но и универсальные, объединяющие. Такой гуманистический подход был провозглашен представителями школы «Культура и личность», также призывающими к изучению возможных путей интеграции культур. Так и русские, и финны связаны с природой и наделены крепкими внутриэтническими отношениями. Это говорит о том, что точки соприкосновения существуют, и межкультурное общение должно строиться на подчеркивании общих этнопсихологических черт и нивелировании этнопсихологических различий. Ведь именно на этом строится успешное межэтническое общение.

Примечания

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.
2. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. — М., 1986.
3. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1990.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993.
6. Канкаансюръя Р., Турунен Н. К вопросу о становлении компетенции межкультурного общения у финских студентов-русистов // Aspekti. Helsinki. 1996. № 2.
7. Каткансюръя Р., Турунен Н., Харченкова Л. Изучение коммуникативного поведения как средство повышения компетенции межкультурного общения // Лингводидактические приемы межкультурной коммуникации. — СПб.: Сударыня, 1996.
8. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М., 1999.
9. Лурье С.В. Историческая этнология. — М., 1998.
10. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур // Материалы 9 конгресса МАПРЯЛ. — М., 1999.
11. Россия и Запад: диалог культур. — М., 1998.
12. Саракуев Э. А. Крысько В. Г. Введение в этнопсихологию. — М., 1996.
13. Стернин И. А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Филологические записки. — Воронеж, 1991.
14. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М., 1999.
15. Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и нации. — Сталкер, 1997.
16. Турунен Н., Харченкова Л. Национальные особенности культуры педагогического общения в школах России и Финляндии // Perspektiiveja-kulturi, kieli ja koulutus. — Jyväskylä, 1999.
17. Харченкова Л.И. Диалог культур. — СПб., 1994.
18. Харченкова Л.И. Этнокультурные и социолингвистические факторы в обучении русского языка как иностранного. — СПб., 1997.
19. Финляндия вчера и сегодня. — Йошкар-Ола, 1997.

Э. Э. Алёшина

РУССКИЕ И ФИННЫ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА

«Одним из центральных понятий, выражающих специфику взаимоотношений человека с окружающим миром, является понятие картины мира» [3. С. 4]. Нередко ее сравнивают с призмой, сквозь которую преломляется мир. Картина мира каждого человека в отдельности содержит в себе элементы личного и народного. Естественно, построение индивидуальной картины мира находится в зависимости от множества различных факторов: возраста, пола, профессии и др. Но, несмотря на их многообразие, четко выделяются аспекты, более или менее типичные не только для определённой группы испытуемых, но и для языкового коллектива в целом.

«Отражение мира в языке происходит опосредованно, через отражение действительности в мышлении, а также в отдельных языковых явлениях не всего мира, а каких-то существенных черт, характеризующих данные явления» [2. С. 214]. Следовательно, объективное отражение лексической семантики происходит только в результате ее разноаспектного изучения, в том числе и с применением всевозможных сопоставительных психолингвистических методик и анализов на базе различных языков.

«Особое место среди сопоставительных исследований занимают попытки выявить универсальные типы или модели связей между исходными словами и ассоциативными реакциями» [2. С. 214].

«Ассоциативный эксперимент — метод, который позволяет с наибольшей объективностью вскрыть культурную специфику словарных единиц» [1. С. 14], а также даёт возможность определить особенности отношения различных групп испытуемых к существующим реалиям, дать представление об устойчивых стереотипах, которые имеются в их сознании.

Так, мы знаем, что практически каждый русский уже с детства считает, что англичане — скучные, верные традициям, склонные к снобизму люди, итальянцы — весёлые и легкомысленные, финны — честные и молчаливые и т. д. Так ли это? Естественно, нет, это лишь стереотипы нашего, русского сознания. Среди жителей всех стран есть люди совершенно различных характеров: скучные и весёлые, болтливые и молчаливые, серьёзные и легкомысленные. Хотя, конечно, нельзя отрицать то, что существуют определённые черты характера, которые более или менее распространены в той или иной стране.

Выявить важнейшие стереотипы, провести грань между правильным и ошибочным представлением о стране помогает ассоциативный эксперимент.

Непосредственной целью нашей работы было определить национальную специфику восприятия России и Финляндии, а также установить общее в понимании этих стран коренными жителями и иностранцами — ближайшими «соседями».

Так как же мы представляем себя и друг друга?

Для подобного исследования мы использовали визуальный ассоциативный эксперимент, преимуществами которого являются:

1) большая наглядность, чем при ассоциативном вербальном эксперименте;

2) возможность использования результатов при составлении лингвострановедческих пособий для учащихся-иностранцев. Визуальные ассоциации (т. е. картинки, нарисованные испытуемыми) привлекают внимание и способны повысить мотивацию студентов при изучении РКИ.

В процессе эксперимента было опрошено 60 человек: 30 русских и 30 финнов.

Предлагались 2 слова стимула: «Россия» и «Финляндия».

Испытуемые должны были нарисовать то, что у них ассоциируется с этими словами.

В результате эксперимента было определено следующее:

I. Тематическое распределение реакций

а) Русскоязычная аудитория. Стимул: «Россия». Группы реакций:

1. *Изображения природы:* лес (смешанный), береза, ромашки, река, дорога.

2. *Изображения, связанные с климатическими особенностями России:* лето, солнце, зеленые деревья.

3. *Изображения, символизирующие размер России и количество ее жителей:* «много, но глупые».

4. *Изображения достопримечательностей:* памятник, собор, Петропавловская крепость, Медный всадник.

5. *Изображения, связанные с религией:* храм, крест, икона.

6. *Изображения, связанные*

а) *с деревенской жизнью:* деревянный дом, колодец, дорога, распутье, тройка. Надо отметить, что последние три изображения (дорога, распутье и тройка) являются своеобразными символами России.

б) *с городской жизнью:* ...

7. *Изображения предметов быта русских:* подкова, бутылка водки.

8. *Изображения, связанные с русскими традициями:* берёза, перевязанная ленточкой.

9. *Изображения, связанные с историей России, с ее литературой и искусством:* Пётр I, Пушкин, Блок, Есенин.

10. *Изображения государственной символики России:* российский флаг.

11. *Изображения животных:* медведь.

12. *Изображения, связанные с внутренним миром русских:* «загадочная русская душа», «много, но глупые».

13. *Изображения, характеризующие жизнь в России:* «усталые».

б) Русскоязычная аудитория. Стимул: «Финляндия». Группы реакций:

1. *Изображения природы:* бескрайний простор, озеро, залив, лес (хвойный), ель, снег, сугробы, лужайка.

2. *Изображения, связанные с климатическими особенностями Финляндии:* зима, снег, сугробы.

3. *Изображения, символизирующие размер Финляндии и количество ее жителей:* «мало, но хитрые».

4. *Изображения достопримечательностей:* Аквапарк.

5. *Изображения, связанные с религией:* ...

6. *Изображения, связанные*

а) *с деревенской жизнью:* дом на берегу озера, рыбак.

б) *с городской жизнью:* машины, широкие улицы, туристы, магазины, супермаркет.

7. *Изображения предметов быта финнов:* сани, лыжи, столик на улице, кружка пива.

8. *Изображения, связанные с финскими традициями:* ...

9. *Изображения, связанные с историей Финляндии, с ее литературой и искусством:* линия Маннергейма.

10. *Изображения государственной символики Финляндии:* флаг Финляндии.

11. *Изображения животных:* доберман, черепаха, жираф. Но, если ассоциирующийся с Россией медведь связывается с реальным животным, то характеризующие Финляндию черепаха и жираф являются аллегориями определённых черт характера и внешности, которые мы приписываем финнам (черепаха = медлительный и замкнутый; жираф — высокий).

12. *Изображения, связанные с внутренним миром финнов:* «мало, но хитрые», спокойствие, бязметежность, радость.

13. *Изображения, характеризующие жизнь в Финляндии:* довольные и отдохнувшие.

в) Финскоязычная аудитория. Стимул: «Россия». Группы реакций:

1. *Изображения природы:* поле, колосья, дерево (лиственное), лес.
2. *Изображения, связанные с климатическими особенностями России:* зелёные деревья, лето, солнце.
3. *Изображения, символизирующие размер России и количество ее жителей:* люди, толпа, много народу, большой размер.
4. *Изображения достопримечательностей:* собор.
5. *Изображения, связанные с религией:* ...
6. *Изображения, связанные*
 - а) *с деревенской жизнью:* дача, колосья, деревянный дом.
 - б) *с городской жизнью:* городской дом, машина.
7. *Изображения предметов быта русских:* сапоги, хлеб, бутылка водки, икра.
8. *Изображения связанные с русскими традициями:* ...
9. *Изображения, связанные с историей России с ее литературой и искусством:* история, музыка, литература.
10. *Изображения государственной символики России:* флаг, герб, двуглавый орёл, матрёшка (матрёшка — своеобразный символ России, хотя она не относится к официальной государственной символике).
11. *Изображения животных:* ...
12. *Изображения, связанные с внутренним миром русских:* ...
13. *Изображения, характеризующие жизнь в России:* маленькие дети, которые плачут, землетрясение, «Скорая помощь».
14. *Другие изображения:* красное яблоко.

г) Финскоязычная аудитория. Стимул: «Финляндия». Группы реакций:

1. *Изображения природы:* ель, берёза, лес, озеро, холм, горы.
2. *Изображения, связанные с климатическими особенностями Финляндии:* лето.
3. *Изображения, символизирующие размер Финляндии и количество ее жителей:* мало людей.
4. *Изображения достопримечательностей:* музей, собор.
5. *Изображения, связанные с религией:* ...
6. *Изображения, связанные*
 - а) *с деревенской жизнью:* дом на берегу озера, сауна.
 - б) *с городской жизнью:* ...
7. *Изображения предметов быта финнов:* радиотелефон.
8. *Изображения связанные с финскими традициями:* ...

9. Изображения, связанные с историей Финляндии, с ее литературой и искусством: ...

10. Изображения государственной символики Финляндии: флаг Финляндии, лебедь.

11. Изображения животных: ...

12. Изображения, связанные с внутренним миром финнов: ...

13. Изображения, характеризующие жизнь в Финляндии: ...

II. Реакции, являющиеся общими у русских и финнов.

а) Ассоциат — «Россия»:

- сельский пейзаж;
- собор;
- памятники;
- водка;
- российский флаг;
- большой размер.

б) Ассоциат — «Финляндия»:

- север;
- зима;
- лес;
- ель;
- озеро;
- дом на берегу;
- флаг.

в) Общее в описании и России, и Финляндии:

- сельский пейзаж;
- преобладание изображений природы;
- множество реакций, изображающих водоёмы.

III. Реакции противопоставления.

По некоторым параметрам Россия и Финляндия наиболее ярко противопоставлены. Это:

1. **Цвет:** красный (Р.) — зеленый (Ф.); зеленый (Р.) — белый (Ф.).
2. **Время года:** лето (Р.) — зима (Ф.);
3. **Дерево:** береза (Р.) — ель (Ф.);
4. **Лес:** смешанный (Р.) — хвойный (Ф.);

5. **Водоем:** река (Р.) — озеро (Ф.);
6. **Животное:** медведь (Р.) — доберман (Ф.);
7. **Размер страны:** большой (Р.) — маленький (Ф.);
8. **Количество жителей:** много (Р.) — мало (Ф.);
9. **Типичные качества человека:** глупость (Р.) — хитрость (Ф.);
10. **Состояние:** опасность (Р.) — безмятежность (Ф.); усталость (Р.) — радость (Ф.).

Интересна реакция одного из финских испытуемых, который нарисовал сравнительные портреты русских и финских мужчины и женщины (рис. 1).

Рис. 1

Испытуемый написал комментарий к собственному рисунку. Русский мужчина представляется ему «в коричневой куртке чуть выше колен, в большой шапке, с черной сумкой через плечо, с сигаретой во рту; он стоит у метро с бутылкой пива «Балтика».

Про русскую женщину респондент пишет: «худенькая, на высоких каблуках, в короткой юбке, хорошо покрашена, длинные волосы завязаны в "хвост"».

Финский мужчина «только что вышел из магазина; он одет в спортивный костюм, на голове — «петушок», на ногах — кроссовки; в одной руке он держит мешок, в котором лежат продукты, в другой — мобильный телефон».

Комментарий завершает описание финской женщины, которая, по мнению респондента, «высокая, толще, чем русская женщина, со светлыми волосами, которых не так много, как у русской женщины; одета в джинсы, удобно; почти без косметики».

Совсем по иным параметрам противопоставлены жители России и Финляндии у русской испытуемой. Для нее отправной точкой является не внешнее, а внутреннее состояние человека. Респондентка связала это состояние с уровнем жизни в России и Финляндии (см. рис. 2 и 3).

Рис. 2

Рис. 3

Выводы

1. Русские имеют более адекватное представление о Финляндии, чем финны о России. Данное заключение мы сделали на основании того, что наиболее частотные реакции на стимул «Финляндия» в финской и русской аудиториях во многом совпадают.

2. Основными лингвострановедческими лакунами для финнов являются:

- русские традиции;
- православие;
- внутренний мир русского человека, «загадочная русская душа»;
- такие своеобразные символы России, как дорога, распутье и тройка.

3. Основными лингвострановедческими лакунами для русских являются:

- финские традиции;
- лютеранство;
- достопримечательности Финляндии.

4. Реакции как финских, так и русских респондентов, касающиеся страны-соседа, содержат указание на взгляд со стороны туриста. Так, характерна следующая визуальная ассоциация русского респондента (стимул — «Финляндия»): (рис. 4).

При этом ни у одного финна нет «городской» ассоциации.

5. Русские респонденты намного чаще дают ассоциации, характеризующие внутренний мир, душу человека (рис. 5), финны же склонны к описанию внешних особенностей (рис. 1).

6. Финны обычно реагируют на слово-стимул одиночными ассоциациями, изображающими какой-то один конкретный предмет. Иногда они рисуют несколько предметов, отделяя их друг от друга (рис. 6).

Это указывает на молчаливость, скрытность и сдержанность финнов, их склонность к ясности и лаконизму.

Русские же склонны к «картинным» изображениям (рис. 7), что свидетельствует об их разговорчивости, иногда даже болтливости, а также о творческом мышлении.

Рис. 4

7. Финны дают много одинаковых ассоциаций, что говорит об общности их взглядов в отношении своей страны и страны-соседа.

Реакции русских респондентов чрезвычайно разнообразны. Это объясняется их неоднозначным, противоречивым отношением как к России, так и к Финляндии.

8. Русские ассоциации, связанные с деревней, похожи на финские. Но в сознании русских, помимо сельского пейзажа (лес, река, изба), очень ярко отображается образ дороги (дорога, тройка, распутье (рис. 8).

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

9. Ассоциативные реакции финнов на слово-стимул «Россия» часто передают ощущение опасности, несут в себе отрицательную коннотацию (маленькие дети, которые плачут (рис. 9), землетрясение (рис. 10), «Скорая помощь» (рис. 11)).

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Заключение

Проведенное нами исследование представляет несомненный интерес для лингвострановедения.

Особенно значимым является выявление в финской аудитории лингвострановедческих лакун (русские традиции, христианство, внутренний мир русского человека и образ дороги). Данные аспекты — одни из ключевых в ознакомлении с Россией, следовательно, они должны быть более глубоко освещены в учебных пособиях.

Также безусловно необходимо снятие отрицательных коннотаций в восприятии России. Здесь очень важно не только рассмотрение положительных черт характера русских, но и указание на позитивные сдвиги в экономике и политике. Надо предлагать иностранцам, изучающим русский язык, как можно меньше материалов, создающих ощущение опасности жизни в России, и полностью отказаться от статей, передач и т. д., преувеличивающих эту опасность.

Кроме того, результаты данного исследования (картинки, нарисованные испытуемыми) могут быть использованы для оформления учебников и отбора учебных материалов для вводного курса по лингвострановедению для финнов.

Примечания

1. *Леонтьев А. А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. — М., 1977.
2. *Тарарук Н. В.* Сопоставительная характеристика семантики ассоциативных полей русского и белорусского языков // IV международный симпозиум по лингвострановедению. М., 31 января — 4 февраля 1994 г.: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1994.
3. *Харченкова Л. И.* Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному. — СПб., 1994.

О. Л. Кузнецова, Н. Турунен, Л. И. Харченкова

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РУССКИХ И ФИННОВ (По материалам опроса)

В 1999 г. авторами был произведен опрос респондентов с целью определить различия в аксиологических предпочтениях и этнических константах представителей разных лингвокультурных общностей. Под **этническими константами** понимаются «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно- социальной среде и выполняющие в этнической

культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде» (С. В. Лурье).

Опрос проводился среди студентов филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена и студентов университета г. Ювяскюля (по 15 чел. с каждой стороны). Студентам было предложено произвести анализ культуры по модели, разработанной скандинавскими исследователями, которая выглядела следующим образом:

1. **Хаос и беспорядок** (что Вы считаете нормальным/анормальным, границы нормального/анормального).

2. **Понятие о человеке** (отношение к телу, душе, болезням, здоровью, жизни, смерти).

3. **Индивид и общество** (отношение индивида к обществу и окружающему миру).

4. **Природа и культура** (что в культуре подразумевается под природой, каково отношение человека к природе).

5. **Структура общества** (на какие социальные группы разделяется общество и на каких основаниях происходит такое разделение).

6. **Власть и иерархия** (что является властью в данной культуре и как человек достигает ее).

7. **Положение мужчины и женщины** (представления о роли мужчины и женщины, в каких ситуациях пол является решающим фактором).

8. **Понятие о нравственности** (представление о добре и зле, о честности и безнравственности).

9. **Духовные ценности** (к каким ценностям стремятся представители данной культуры).

10. **Работа** (что включается в понятие работы, как она распределяется и каково отношение к ней).

11. **Время** (представление о времени, как в анализируемой культуре понимаются настоящее, прошедшее и будущее, какие выражения используются в суждениях о жизни, рождении, смерти).

12. **Пространство** (представление о далеком и близком расстоянии, как пользуются пространством).

13. **Мировоззрение** (представление о космосе, о высших силах, как разделяется сакральное и мирское).

Нами были получены следующие результаты:

1. Отношение к хаосу и беспорядку существенно отличается в рассматриваемых культурах. Финской культуре не свойственны беспорядок и хаос. Представление о порядке связаны прежде всего с обществом и домом:

«Финны привыкли к тому, что их общество очень упорядочено и стабильно.»

«Если квартира в беспорядке, то и хозяина квартиры считают беспорядочным и беззаботным человеком.»

«Финны любят планировать и организовывать все точно, если у финна что-нибудь в беспорядке, является хаос, и ничего не идет правильно.»

Для финских граждан ненормальные условия — это когда общество не обеспечивает их материально и не гарантирует защиты от опасности, насилия и преступлений.

Русские респонденты продемонстрировали диалектическое, более широкое и объемное понимание хаоса и беспорядка, нормального и анормального. Понятие нормы связывается с традициями, религиозными предписаниями, воспитанием, правом:

«Нормально то, что в границах культуры или традиции.»

Границы определяются в зависимости от общепринятых норм. Хаос — когда все переворачивается с ног на голову, отсутствие правил.»

«С ненормальным ассоциируется некое уродство, нечто нехо-рошее, враждебное, непонятное. Неизвестное тоже может рассматриваться как ненормальное (например, в фантастических книжках о пришельцах, мутантах). Человекоподобное (роботы, манекены и т. д.) тоже воспринимается как ненормальное. Нормальное — то, что узаконено повторениями, но и абсолютная норма вызывает иногда неприятие, так как не дает места фантазии, творчеству. То, что нормально, отражено в законах правового общества, религиозных предписаниях, стереотипах поведения.»

2. Понятие о человеке у финнов связано с присущими финскому менталитету представлениями об упорстве, старательности, физическом и психическом равновесии, во многом сформировавшимся по влиянию лютеранства:

«Финский человек здоровый, упорный и старательный.... Жизнь для того, чтобы жить, и лозунг «Живи и радуйся!» абсолютно в силе.»

В ряде случаев ответы отличались некоторым прагматизмом:

«Человек рождается, живет, работает, чтобы получать деньги; женится/выходит замуж, родит и растит детей, стареет, становится дедушкой/бабушкой, умирает.»

Финны ценят здоровье, боятся болезней, но их не замалчивают:

«Когда у человека крепкое здоровье (психическое и физическое), тогда он может жить в равновесии. Все-таки болезни — существенная часть жизни человека... На некоторые болезни можно самому действовать предупреждением. Если у кого-нибудь есть продолжительная болезнь, то ему надо привыкать жить с ней.»

С точки зрения финских респондентов, смерть также естественна, как и рождение, и обе категории характеризуют жизненный процесс:

«О смерти не думают слишком много, но относятся к ней очень серьезно. Христианское понятие вечной жизни имеет значение до сих пор.»

В ответах русских респондентов отмечается серьезное, философское отношение к человеку, его жизни и смерти, сформированное длительной православной традицией, при этом выделяется триада: тело — душа — дух:

«Человек — творенье Божье. Тело — «храм», следовательно, отношение к телу самое серьезное, но все же душа и духовное — основа этого «храма». Жизнь дана Богом, и он распоряжается ею. Смерть страшит, но и с этим — а что делать? — надо учиться совладать. Болезнь — это знак того, что Бог «участвует» в твоей жизни. Это испытание, которое позволяет человеку вспомнить о Боге.»

«Человек представляет собой гармонию тела и души, объединенных духом. Тело и душа — природная часть человека. Дух — его стремление к вечному совершенству. Тело — материя, душа — движение, а дух — совершенство. Болезни даны человеку для того, чтобы осознать свое тело, победив их, человек может победить (приручить) природное в себе. Жизнь — это праздник, дар человеку, а смерть — это главный вопрос для человека.»

Работы русских студентов отличает рефлексия, в них отражаются процессы самопознания, самоанализа, наблюдается переход неявного знания в явное, логически расчлененное. С точки зрения психологов, «потребность в рефлексии возникает вследствие сомнений относительно исходных позиций своей жизнедеятельности. Рефлексия — это не только интроспекция собственной психики, но и осмысление своей жизненной программы, соотношения целей, мотивов, ценностей, установок, стремлений, социальных и нравственных требований» (М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович).

3. Ответ на вопрос об отношении индивида к обществу вызвал затруднения в финской аудитории, некоторые студенты не дали ответа на данный вопрос. Другие студенты делали акцент на важности работы, семейных отношений и т. д. Индивидуальное начало оказалось решающим при оценке взаимоотношений индивида с обществом:

«Индивид не чужд обществу, но является его членом, во всяком случае в принципе. Общество ни в коем случае не ограничивает личностных свобод.»

В работах русских респондентов определились две тенденции:

признание необходимости гармоничного существования индивида в обществе, обусловленное соборностью русского менталитета:

«Человек должен уметь «вписываться» в общество, так как он несет ответственность за мир, в котором он живет.»

«В советское время человек — часть коллектива. Теперь отношение меняется. В принципе, не хочешь общаться с людьми — и не надо. Но таких людей мало, в основном, радость жизни — в общении с окружающим миром и людьми.»

2) индивидуалистические тенденции, свойственные европейскому сознанию:

«Человек до сих пор — винтик в государстве. Мы до сих пор живем общиной. Общество — высший судья, индивид в общем-то бесправен и должен играть «по правилам». Необходимо делать так, как считает нужным общество, не дай Бог, оспорить общественные взгляды. Человек ни в коем случае не независим от общества.»

4. Отношение к природе у финнов традиционно уважительное и бережное. Природа постоянно соседствует с человеком, люди неизменно контактируют с ней, при этом им зачастую даже не приходится делать выезды «на природу», она рядом:

«Природа имеет большое значение для многих финнов. Сельское хозяйство, охота и рыболовство были очень долгое время важными промыслами, и они сейчас для многих достаточно важны, во всяком случае как хобби. Природа близка к людям в совершенно конкретном смысле: города сравнительно маленькие и попасть «в природу» можно без всяких хлопот.»

«Природа важна, люди стараются защищать природу.»

«Природу ... уважают, в Финляндии, например, много заповедников и национальных парков.»

Интересно, что в финских анкетах акцентируется мысль о том, что культура — это нечто элитарное, для избранных, а не для всех:

«Понятие культуры для финна — нечто «большое», как опера или театр, и, в конечном счете, предназначено для маленькой группы людей.»

«Слово «культура» обозначает что-то большое, высокое, не для «обычного» человека.»

Российские студенты пишут о сопоставлении идеального и реального в отношении к природе, каким оно должно быть и каким оно зачастую является сегодня:

«Природа — это весь живой мир, включая человека. К сожалению, в последнее время человек все чаще оказывается в оппозиции к природе. Природа добра и заботлива. Если человек жесток, значит он отъединяется от природы.»

«Природа и культура — понятия противоположные. Цель человека — приручить природу, максимально стараясь ее не исказить. Но «мы

не можем ждать милостей у природы», только путем постоянного контроля над природой (своей) человек может достигнуть гармонии с ней, потому что природа — это хаос, а культура — некий космос, упорядочение. Природа — то, что дано, культура — то, что создано. Однако культура, в свою очередь может стать природой.»

«Человек, по точному определению Блеза Паскаля, — «мыслящий тростник», т. е., с одной стороны, человек — часть природы, но с другой — не совпадает с ней, выламывается из нее. Природа — это «открытая книга», данная человеку Богом. Надо учиться читать!»

5. Относительно структуры общества как финские, так и русские респонденты отмечают расслоение современного общества на богатых и бедных. Но при этом финны уверены в социальных гарантиях государства, а русских отличает крайняя недоверчивость к государству, русский человек надеется только на себя.

«...Финское общество ... все-таки достаточно заботится о каждом своем члене: безработные, нетрудоспособные, пенсионеры и студенты получают дотации от государства или средства к существованию гарантированы.»

«Все-таки представители разных общественных классов незаметно отличаются друг от друга, так как у нас хорошее социальное обеспечение, иначе чем в России.»

Российские студенты подчеркивают, что разница между богатыми и бедными является очень значительной:

«Основание для деления общества на классы в нынешних условиях России — уровень материального достатка. И исходя из этого общество делится на три группы: нищие, бедные и богатые.»

«Общество делится на самую многочисленную группу — людей, занимающихся наемным трудом — рабочие, крестьяне, техническая и гуманитарная интеллигенция (здесь разделение идет по принципу образования и роду деятельности) и самую малочисленную группу — люди, которые имеют в своей собственности средства производства и капитал. Между ними — прослойки торгующих и управляющих. Эти социальные группы находятся в антагонизме, а представление о том, что каждому даны равные возможности для достижения материального благополучия и перехода в класс капиталистов в условиях свободного рынка — чистойшей воды миф.»

6. Финны доверяют государственной власти, многопартийная система обеспечивает свободу волеизъявления, при этом женщины занимают достойное место в структуре власти:

«Государство разделено равноправно — многопартийная система гарантирует то, что голос каждого гражданина будет услышан.»

«При демократической власти женщины имеют очень много власти.»

В ответах русских респондентов обращается внимание на авторитарный и коррумпированный характер власти:

«Властью в данной культуре является авторитет. Раньше — духовный авторитет (духовенство, интеллигенция). В годы советской власти — идеологический авторитет (коммунисты). Сейчас — «авторитет» денег. Власть достигает сейчас тот, у кого — деньги.»

«Существует власть официальная, узаконенная (правительство, президент, Дума, администрация), которую индивид хоть и не любит, часто презирает, но признает ее необходимость. Существует также власть тайная, преступная, которая оказывает влияние на официальную путем коррупции. Также есть власть неявная — привычек, устоявшихся стереотипов, общественных предписаний, которые зачастую человек не понимает, но подчиняется.»

7. Судя по ответам финских респондентов, финская женщина чувствует себя более уверенно и защищенно, хотя в некоторых анкетах высказывается мысль, что до сих пор сохраняется неравно-правие:

«Положение женщины в Финляндии хорошее. Мужчина и женщина — равны и на работе, и дома. В Финляндии мужчина не является главой семьи, как обычно в русской культуре. В Финляндии у женщин есть власть, и это видно. Женщин ценят.»

«Равноправие в Финляндии существует давно, ... но большая часть домашних работ все-таки лежит на женщине. Оплата труда во многих отраслях все еще продолжает быть неравноценной.»

Российские студенты единодушны в том, что русская традиция ведущую роль в семье отводит мужчине, хотя нередко главой семьи фактически является женщина. Вместе с тем отмечается, что в современных условиях у женщин много возможностей для самореализации:

«Традиционно в нашей русской культуре главенствующую роль играл мужчина («да убоится жена мужа своего»). Основная тенденция остается, но процессы в русской жизни последнего времени позволяют женщине участвовать в политической, экономической, социальной жизни (И. Хакамада, Н. Дементьева и др.).»

«Мужчина и женщина — равные по значимости представители человечества. Любящие мужчина и женщина находят гармонию — тогда снимается вопрос о неравноправии женщин. Но традиционно за мужчиной и женщиной закрепляются определенные сферы деятельности, хотя сегодня наблюдается тенденция к смене ролей. Многие женщины реализуются в сфере бизнеса, торговли, политики, предпочитают активно продвигаться по службе, хорошо зарабатывать.»

8. Понятие о честности в финской культуре принадлежит к числу этнических констант, финны единодушны в представлениях о честности и морали:

«У финна относительно высокий уровень морали. На преступников и преступность не смотрят ни в коем случае положительно и осуждают тех, кто так может поступать. Честность — одна из «финских» черт, она отражается и на общественном уровне.»

«По-моему, честность — это финская основная добродетель, так как во все времена честность высоко оценивается. В нашей народной традиции много поговорок об этом, например, «Честность наследует земли.»

«Финны относятся к работе очень серьезно. Финны ценят то, что сделано хорошо. В финской культуре лень — порок.»

Ответы русских респондентов свидетельствуют о том, что в русской ментальности понятие нравственности связано прежде всего христианскими (православными) ценностями, многое также заложено классической русской литературой:

«Добро и зло — ключевые понятия. Они часто не определены, но в то же время очень фиксированы.... Человек должен быть добрым = щедрым, всепрощающим. Добрый и честный — не синонимы. Безнравственность — нарушение общественных законов, подлость, ложь. Нравственный человек — человек принципов, честный, но у каждого свои принципы, и поэтому все относительно, хотя добро и зло считаются понятиями абсолютными.»

«Нравственность закладывается в семье. Зло — это предательство, добро — это облегчение жизни окружающим. Любой поступок нравственен, если он совершен во имя спасения жизни человека, но помни! — счастье не может быть построено, если в основе лежит хотя бы одна детская слезинка.»

Однако в некоторых анкетах русских респондентов можно обнаружить двоякое толкование понятия «честность» — честность в отношениях с окружающими людьми и честность в отношениях с государством, что существенно отличает русский менталитет от финского:

«Честность — величайшая добродетель, но не в отношении государства. Быть честным с государством — величайшая глупость.»

9. Говоря о духовных ценностях, финские респонденты подчеркивают прагматизм, свойственный финской культурной традиции. В религии же привлекает прежде всего обрядовая сторона:

«Финская культура и финское общество скорее материалистические, чем духовные. Большая часть финнов принадлежит церкви, но

чаще всего это означает лишь участие в церковных обрядах, как например, свадьба и похороны.»

«В Финляндии — лютеранские ценности. Большинство финнов состоят в церкви, но многие не ходят в церковь регулярно. По-моему, религия не является главной в нашей культуре.»

В ответах российских студентов подчеркивался приоритет духовных ценностей, что, с нашей точки зрения, является этнической константой для русского этноса:

«Несмотря на тяжелейшие условия нынешней жизни в России, расслоение общества и кризис идеологии, «здоровая» часть общества понимает единственность выхода — в духовном возрождении страны.»

«Духовные ценности — это терпимость, доброта, справедливость, гармония с миром и с собой, бессмертие, развитие индивидуальности, любовь.»

10. Для финна работа — это и источник его благосостояния, и средство оценки его как члена общества, при этом нередко в анкетах проявляется недовольство по отношению к условиям труда:

«Работа — это очень важно и ее ценят. Понятие оценки человека и его рабочая занятость — вещи очень взаимосвязанные. «Кто не работает, тот не ест» — наверное, и этот принцип отражает представление финна о связи человека с миром.»

«Это очень важно иметь работу, хотя финны говорят, что «устали работать, плохая зарплата, нехороший начальник и т. п.»

Русские респонденты разделяют понятия «работа», «труд», «дело» и хотели бы, чтобы наряду с заработком работа приносила моральное удовлетворение и была творческой:

«Работа и дело (труд) — разные понятия. Работа как принуждение. Труд как творчество, «дело жизни», смысл жизни.»

«Нормально — это работа по душе. В идеале работа — дает человеку возможность реализовать себя, свой творческий потенциал. Только работая, можно чего-то достичь.»

11. Категория времени является достаточно значимой в финской культуре, финнов отличает бережное отношение к своему и чужому времени: все планируется заранее, опоздания не приняты:

«Финны относятся ко времени очень серьезно: согласованное время выдерживают как в бизнесе, так и в личной жизни. Одним днем не живут, но тщательно планируют будущее.»

«Прошлое всегда в некотором смысле с нами, особенно у пожилых людей. Люди живут сегодняшним днем, но многие планируют свое будущее и дальше.»

Цикличность природных событий и явлений определила идею магической фигуры — круга, увиденного древними славянами в мире, поэтому неслучайно в ответах наших студентов слышатся отголоски этих древних языческих представлений:

«Время — вечно. В России оно идет по кругу (а не по спирали, как в нормальных странах). Настоящее зависит от того, на какой срок имеется представление о будущем.»

«Бег по кругу, т. е. настоящее, будущее — возвращение прошлого. Время — веремя — веретено.»

12. Модели пространства в финской и русской культуре значительно отличаются. Финну в силу специфики менталитета (привычка жить обособленно, хуторская система хозяйствования) необходимо сохранение дистанции, не случайно стереотип «одинокий финн» существует в сознании не только русских, но и самих финнов, ср. слова из известной финской песни: «uksinainen suomalaisen» — «одинокий финн»:

«Финну необходимо пространство вокруг себя. Только близким разрешается приближаться близко, «приближение» остальных нежелательно. Прикосновения между чужими людьми также нежелательны.»

Пространство оказало решающее влияние на формирование национального русского характера, в частности, обусловило появление таких черт, как стремление к воле, свободе; максимализм, широта души, гостеприимство и др.

«Для России пространство — одно из главных ее достоинств и в то же время самая серьезная проблема. Русский человек «широк», потому что огромна Россия. Следовательно, тысяча километров для нашего человека — это не беда: взял да пошел.»

«Широка страна моя родная. Пространство — безграничное. Степь да степь кругом. Путь далек лежит... Пространство — в основном в горизонтали, огромные равнины, грандиозные масштабы.»

13. Финнов отличает исключительное уважение к себе. Особенность его сознания состоит в том, что он надеется только на себя, он сам себе защитник, поэтому он не ждет помощи от Бога:

«Финны думают, что есть какая-то высшая сила, но все-таки критически относятся к тому, что связано с Космосом.»

«По-моему, у каждого свое мировоззрение. Мне кажется, что в космосе существует какая-то сила, и мы можем только одобрять это. И вполне возможно, что и на других планетах существует жизнь, может быть, даже более развитая, чем у нас на Земле.»

«Благодаря средствам информации и географическим сведениям, финны ощущают себя малой частью огромного мира. Вселенная бесконечна, но многие верят в существование понятия «высший разум.»

При ответе на вопрос о мировоззрении российские респонденты связывают проблемы морально-этического порядка с ценностными ориентациями христианства, с верой в Бога:

«Бог есть.»

«Мировоззрение — это очень личное. У каждого — свое. Есть высший разум (возможно, космическая совесть). Если ты поступаешь в соответствии с ней, то все будет хорошо и ты будешь счастлив. Если ты знаешь, что переступил через свою совесть, то мира в душе не будет, что-то нарушится и исправить эти нарушения может быть очень трудно или даже невозможно.»

«Высшие силы управляют жизнью.»

В целом результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что аксиологические предпочтения, а также этнические константы финских и русских студентов существенно отличаются, что следует учитывать преподавателю РКИ при обучении финских студентов в условиях языковой среды.

О. Л. Кузнецова, Л. И. Харченкова

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ РУССКИХ И ФИННОВ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Этика (от греч. *ethos* — нрав, обычай) — это наука, изучающая закономерности возникновения, развития и функционирования морали, ее специфику и роль в обществе, систему нравственных ценностей и традиций. «Предметом исследования этики является мораль — специфический способ ценностного познания и духовно-практического освоения человеком окружающего мира через призму добра и зла, справедливости и несправедливости и т. д. (В. И. Писаренко, И. Я. Писаренко, 1986).

Отношение к труду — один из самых важных нравственно-этических критериев национального мировоззрения как русских, так и финнов. Оба народа издавна испытывали глубокое уважение к труду и потребность в нем, в первую очередь, как в источнике пропитания. Русские пословицы поощряют трудолюбие: *Без труда нет добра, Всякому молодцу ремесло к лицу, Не ленись с плужком — будешь с пирошком*; осуждают праздность: *Безделье — мать пороков, Делать — не я, работать — не я, а есть кисель — нет против меня*; воспитывают стремление добыть себе уважение в обществе: *Добрая слава — золотое ожерелье*.

Ср. с финскими пословицами: *Человек с работой — в одну масть, Лениность — мать бедности, Почет тому служит, кто его зарабатывает*.

При этом пословицы финнов говорят о том, что работать нужно с умом, предварительно все хорошо обдумав: *Лучше день обдумывать, чем неделю неправильно делать, Присядем и дадим спешке пройти мимо, Потихоньку далеко дойдешь, с пляской скоро устанешь*. Ср. рус.: *Семь раз отмерь, один раз отрежь, Тише едешь — дальше будешь*.

Пословица — один из важнейших источников, раскрывающих отношение к авторитету стариков. Русская пословица подчеркивает **жизненный опыт и мудрость** старого человека: *Старик — да лучше семерых молодых, Молодой работает, старый — ум дает*. Глубокое уважение к возрасту испытывают и финны: *Молодой красив, старый умен, Век прожить — всякое пережить, старый умен, хотя и не силен*.

В русской традиции большую роль играла преемственность — накопление опыта и передача его следующим поколениям. Русский крестьянин традиционно ссылался на опыт дедов и прадедов в обоснование и своих поступков, и своих прав. Старики были главными авторитетами в хранении нравственно-эстетических традиций, знатоками фольклора и хранителями исторического знания, поэтому нормой русской крестьянской этики было уважение к старику, стремление почтить его возраст и опыт.

Однако как у русских, так и у финнов встречается немало пословиц, содержащих и иную оценку и отношение к старости:

Рус.: *Мал — да умен, стар — да глуп, Не спрашивают отца, спрашивают молодца*.

Фин.: *Старость от дурасти не избавит, Юноша хоть и беден, да весел, старик хоть и богат, да хмур*. У последней пословицы есть русский вариант с противоположным значением: *И стар, да весел, и молод, да угрюм*.

Таким образом, оценка старости/ молодости и у нас, и у финнов неоднозначна.

Особенно много пословиц посвящено раскрытию **нравственно-эстетических начал в семейно-родственных отношениях**. Русская пословица подчеркивает обязательность вступления в брак, неременность создания семьи: *Не женат — не человек* (ср. фин.: *Мужчина без жены — что сарай без крыши*). Основа семейной жизни — терпимость: *Лихо терпеть, а стерпится — слюбится*. Скромность, сдержанность на людях в отношениях между любящими нашла выражение в пословице: *Любовь любит наедине*.

Как ни крепка любовь, и она бывает не вечна, сменяется ссорой: *И любовь в ссору переходит*. (фин.: *Драка в семье даже золу из печки выметает*).

Много внимания уделяет пословица невесте. Известно, как подробно разработана эта тема в русской народной песне и сказке, какие нежные

слова и сравнения нашло устное народное творчество для характеристики невесты. В пословице невеста тоже предмет особого уважения, восхищения и заботы. *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде*, — наставляет русская пословица. *Жену выбирай на работе, а работницу в риге*, — вторит ей финская, но при выборе невесты следует быть осторожным: *Коли в девушках ругается, замужем драться будет*.

Пословица осуждает насильственный брак: *Невольная женитьба не делает веселья, Крестом любовь не свяжешь*. (Фин.: *Силой под венец не тащат*).

Женитьба — важнейшее событие в жизни человека. Прежде чем жениться, необходимо обеспечить прожиточный минимум нарождающейся семьи: *Хорошо жениться, да было бы чем одеться, Жена не коза: есть хочет*. (Фин.: *Сперва поставь избу да сложи печь, а потом приводи жену*). Пословица подчеркивает: *Не тяжело детей добывать — тяжело их взрастить*. (Фин.: *Плоха дверь без косяков, плохо ребенку без родителей*).

Брак заключался на всю жизнь; по представлениям русского крестьянина жену нельзя было покинуть, как ненужную вещь: *Жена не сапог: не скинешь с ног, Не любя жена, да куда ж ее деть, Жена не гусли, поиграв, на стенку не повесишь*. Среди финских пословиц подобного соответствия не найдено.

Главенствующая роль как в русской, так и в финской семье отводится женщине. Рус.: *Мир в семье женой держится, Бог волен да жена, коли волю взяла, Жены не слушаешь — всухомятку покушаешь*. Фин.: *У бедняка одна опора — жена, Дом без хозяйки — что баня без пару*.

Образ матери — один из самых волнующих старину устного народного творчества. Пословицы на эту тему разнообразны и разноплановы.

Рус. *Другой матери не будет, Мать кормит детей как земля — людей*.

Фин. *«ужие материи есть краше, но своя милее всех, но Мать дорога, но отец еще дороже у финнов*.

Дети — залог семейного счастья.

Рус. *Будут дети — будет и все, Мед сладок, а ребенок еще слаще, У кого детки, у того и ягодки*. У финнов иное: *С детьми и печалей прибавит, Детский плач — не песня, Коль родился, так вырастет*. У русских же крепкая семья — это многодетная семья, когда *Двое да трое, да малых четверо, Четыре брата, да батько пятый, да я четвертый*.

Таким образом, мы видим некоторые несоответствия, разные оценки в семейно-родственных отношениях русских и финнов. Можно сделать вывод о большей привязанности детей к родителям в русской семье, тогда как в финской — *Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь*.

В отличие от других жанров фольклора, например сказки, в которой нет сколько-нибудь точно сформулированного кодекса этических и эстетических норм и теоретически осмысленных принципов, пословица содержит детально разработанную систему нравственно-этического характера на тему **добра и зла**. Она последовательно утверждает примат доброты: *Добро делать — доброму не вредит*. В пословице подчеркивается победа добра над злом: *Добродетель преодолевает злобу*. Целый комплекс пословиц является гимном добру: *Доброму добро и будет; Доброму везде добро; Доброму все добро*.

Добру противостоит худо: *Добро делаем — добро и снится, а худо делаем — худо и снится*. Понятие добра сопоставляется с понятием славы: *Доброму добрая и слава*.

Добро — общепринятое понятие, понимаемое всеми культурами одинаково и противопоставляемое злу. Ср.: фин.: *С добрым человеком поздоровайся за руку*. Категория зла получила гораздо меньшую разработку в финской пословице, которая у русских прежде всего требует не платить злом за содеянное зло: *Зла за зло не воздавай*. Она предупреждает об общении со злыми людьми: *Злого кто любит — себя губит*.

Антитеза добра и зла — характерная черта пословиц всех народов, которая на примере отвлеченных моральных понятий стремится выработать нормы общественного поведения, пригодные на все случаи жизни.

В заключение рассмотрим **речевой этикет**, представленный в пословицах. Правила, регулирующие речевые отношения, сформулированные в пословицах, распадаются на три основные группы:

1. Пословицы о вежливости, воспитанности, о предпочтении доброго слова. Рус.: *Спаси боятся, а вежливость чтут; За спасибо кума пеши в Москву пошла; Доброе слово железные ворота отонрет*. У финнов же: *Ругань не ранит; Хорошее слово в смазке не нуждается*.

2. Пословицы о порядке ведения беседы, утверждается преимущество слушания перед говорением. Рус.: *Где много слов, там мало правды; Держи язык на привязи; Доброе молчание лучше пустого бормотания*. Фин.: *Лучше одно слово, чем девять; Обдумывай хоть неделю, но скажи ясно; Больше слушай, меньше говори; Молчаливый всех переборет*.

3. Пословицы об ошибках в построении беседы: Рус.: *В огороде бузина, а в Киеве дядька; Говорят про Фому, а он про Ерему; Звону много, а толку мало*. Фин.: *Плохие речи портят хорошие обычаи; Громкий голос — признак пустоты; Слово в любое время ответа требует*.

О. Л. Кузнецова, Н. Турунен

КРИТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА (русско-финские параллели)

Для изучения коммуникативного поведения русских и финнов существенным представляется выявление так называемых «критических ситуаций», т. е. таких ситуаций, когда инофону, входящему в новую культуру, показалось что-то странным, необычным, непонятным, беспокоящим. После прохождения стажировки в Санкт-Петербурге финским студентам было предложено зафиксировать свои впечатления о пребывании в России, сделав акцент на критических ситуациях. Приведем примеры из работ финских студентов.

1. Русские люди всегда хотят ухаживать за гостями очень хорошо. Они думают, что так гостям удобно. Когда я была в гостях у моих хороших друзей, они ночью почистили мои ботинки. Когда мы завтракали, обедали, пили чай и т. д., мне надо было только сидеть и есть, как в ресторане. Они ухаживали за мной так хорошо, как в гостинице. Это было, конечно, удобно, но это меня также беспокоило. Странно сказать, но они были **слишком доброжелательны**.

Когда я находилась с визитом в школе, там я удивлялась отношениям между учителями и школьниками. Связи между ними были хорошие, но я не понимала, как учителя могли **так сильно оценивать** школьников: они хвалили талантливых и ругали плохих. В Финляндии это невозможно, или лучше сказать, что это ненормально. Учителям надо относиться к школьникам как к равным.

2. Я иду по улице со знакомым парнем, и мы встречаемся с его приятелями. Они здороваются за руку, но со мной так не здороваются. Если я поднимаю руку, то они как-то, видимо, удивляются. Мне это кажется **странным: разве с женщиной не здороваются так же, как с мужчиной?** Видимо, здесь так принято....

Некоторые русские, особенно женщины просто «укатывают» человека: **говорят очень много и быстро**, и ты не успеваешь сказать ни слова и невозможно не соглашаться. Такие ситуации очень неприятны, хочется убежать на все четыре стороны.

3. Самые критические ситуации в России со мной случались в магазинах. Когда я только что приехала, я совсем не понимала, как мне надо было себя вести в магазине и почему продавщицы такие невежливые. Однажды я зашла в маленький магазин, чтобы купить шоколад. Я стояла у прилавка, в руке у меня была банкнота. Других покупателей не было. Продавщица прошла мимо меня несколько раз, и я думала, что у нее какое-то срочное дело и когда она его закончит, подойдет ко мне. Но она начала

приводить в порядок какие-то банки и не хотела смотреть на меня, хотя я была совсем рядом. **Я не знала, что делать**, потому что было видно, что она не хочет мне ничего продать. К счастью, пришел и другой покупатель, он воскликнул «Девушка!». И после него продавщица обслужила и меня.

4. Однажды я и моя подруга гуляли с одним знакомым русским парнем, тоже студентом. Было поздно, часов 21—22 вечера. Когда мы шли по улице, он старался всегда идти между нами и машинами. Он оберегал нас, когда мимо проходила машина или дорога была в плохом состоянии. С другой стороны, мы чувствовали, что это было вежливо, но и **раздражающе слишком заботливо**, ведь мы могли смотреть перед собой. Наш знакомый проводил нас в общежитие, хотя сам жил в другом конце города. Мы уже хотели войти в общежитие, но **прощаниям нашего друга не было конца**. Он говорил, как хорошо и современно (!!!) мы говорим по-русски, как здорово, что он познакомился с нами и т. д. Такая же ситуация была у нас, когда мы говорили с ним по телефону. Его **беспредельные прощания длились и длились**, и моя подруга решила дело так, что она сказала «Пока» и положила трубку.

5. У меня не было таких трудных ситуаций в общении. Но могу сказать, что часто даже учителя так **быстро и интенсивно говорят, что невозможно ничего понять** и вдруг — вопрос. И если финская студентка говорит «Что ? Не поняла». тогда учитель начинает говорить еще больше и быстрее, интенсивнее. И после этого не знаешь, что делать. Только сидеть тихо. **Вот почему финны паникуют, когда надо неожиданно отвечать или когда ситуация — сюрприз**. Финны любят знать, что будет в следующий момент, любят медленно говорить и долго думать.

В приведенных работах финских студентов обнаруживается умение осознать и проанализировать критическую ситуацию, которая может быть одной из причин культурного шока при изучении русского языка в условиях языковой среды. Как следует из работ, больше всего финнов беспокоят следующие ситуации:

- когда они делают покупки и встречают невежливость и недоброжелательность продавцов;
- когда русские быстро и много говорят;
- если русские хозяева бывают слишком назойливы;
- если встречаются случаи невоспитанности, например, показывают на них пальцем на улице;
- проявления недостаточной демократичности по отношению к женщине;
- случаи излишней авторитарности в отношениях педагогов и учащихся.

В сочинениях российских школьников, изучающих финский язык, также описываются критические ситуации в Финляндии, которые вызвали удивление или психологический дискомфорт. Приведем фрагменты работ петербургских школьников.

1. Когда я была в Финляндии на стажировке, я очень **устаивала от их ритма жизни**, потому что редко можно было встретить финна, который куда-то спешит, нервничает или через каждые пять минут смотрит на часы. **Россия живет сутками, а Финляндия только днем**, ночью она «умирает». **У нас в транспорте** молодые люди **уступают свое место** старшим, даже старики уступают старикам. А в Финляндии это считают за дикость, **уступаешь место — значит оскорбляешь**, так как ты **подчеркиваешь свое превосходство** над тем человеком, которому уступаешь место.

2. В финской школе ребята **одеваются как попало**, у нас и девочки, и мальчики **стараются одеться так, чтобы было приятно смотреть**. Я как-то пришла в школу в Финляндии в белом пиджаке, мой вид произвел фурор — на меня показывали пальцем, у них так нарядно не принято одеваться.

3. По сравнению с финскими учителями, русские — гуманнейшие люди, так как могут войти в положение ученика. Финская учебная система — это строгий порядок посещаемости, образцовый порядок в расписании занятий, которые планируются на весь год. Если у ученика больше семи пропусков занятий, то считается, что он не прослушал курс, даже если он не присутствовал по уважительной причине.

В Финляндии **почти всегда знаешь, что произойдет завтра и нет никаких неожиданностей**, а в России все делается спонтанно — «умом Россию не понять...»

4. Если честно, то сначала все радует и поражает, но, видимо, мы не привыкли к той честной, чистой, аккуратной, веселой жизни и поэтому через какое-то время ты начинаешь думать, а чего это они все улыбаются, чему-то радуются, неужели у них нет проблем, забот?! И **становится приторно сладко** от этих улыбок и жизнерадостности, **жизнь начинает казаться слащавой**. Надоедает этот комфорт, удобства, эта легкая жизнь, когда за тобой ухаживают, тебя холят и лелеют. Хочется обратно в тесную квартирку, в ма-ленькие уютные комнаты, потому что от этих больших комфорта-бельных роскошных комнат начинает веять холодом. Хочется опять поесть настоящего черного хлеба и маминого борща, а не этих пицц, хот-догов, гамбургеров, от которых только полнеешь, а не наедаешься.

5. Финляндия — красивая, ухоженная и чистая страна. Но есть вещь которая меня ужаснула: во время праздника в городе был ужасный разброд. Половина населения ходила в пьяном виде, везде мусорили, кричали, у нас я никогда не видела такого.

6. Ситуация, в которой я чувствовала себя неловко, когда мне было неприятно, произошла на одной вечеринке. Было поздно, и мы решили по предложению наших финских друзей заночевать на пляже. Но прошел час, и один наш мальчик заныл и заявил, что он не хочет ночевать на пляже. И мы были вынуждены идти пешком, так как общественный транспорт, такси уже не ходили. Наше путешествие заняло примерно два часа, было ясно, что финны на нас сильно злятся, но они молчали, как партизаны. Спрашиваем: «Вы на нас злитесь?», они: «Нет». Мы-то привыкли, когда у нас все напрямую говорят. Ругаться, так ругаться, любить, так любить. Только на следующий день финны признались, что им «не понравилось» то, как все получилось. Не любят эти иностранцы, как мне кажется, говорить о том, что они чувствуют, или не умеют...

Работы петербургских учащихся позволяют выделить следующий круг критических ситуаций:

- размеренный ритм жизни, ее упорядоченность;
- отношения со старшими;
- манера одеваться;
- коммуникативная закрытость;
- назойливость хозяев;
- ситуации, которые не соответствуют стереотипным представлениям.

В работе с финскими учащимися необходим учет критических ситуаций, связанных с пребыванием в России; данные сведения преподаватель русского языка может использовать для предотвращения культурного шока обучаемых. Подобные сведения будут полезны и для преподавателей финского языка, работающих с российскими учащимися.

Н. Турунен, Л. Харченкова

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАКУН ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФИНСКОЙ АУДИТОРИИ

В процессе систематического сопоставления двух языков выделяются лакуны — «белые пятна», возникающие в результате отсутствия эквивалента слову в одном из языков (см. напр., [6]). Применительно к сопоставлению грамматических систем двух языков Ч. Хоккет выделяет случайные пропуски, пробелы в речевых моделях (random holes in patterns) [1]. К. Хейл, исследуя язык и культуру австралийского этноса уолбири и сравнивая ее с англоязычной культурой, пользуется термином «gap» (пробел, ла-

куна). Исследователь обнаружил, что в языке уолбири отсутствуют традиционные числительные, рассматривая данный факт как лакуну [2]. Говоря о национально-специфических элементах, препятствующих общению представителей разных культур, Г. Гачев характеризует их как «заусеницы», которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации [5].

Исследователи по-разному классифицируют лакуны. Ю. С. Степанов выделяет *абсолютные* и *относительные* лакуны. Согласно исследователю, абсолютные лакуны осознаются при составлении переводных словарей как слова, не имеющие эквивалента в виде слова в данном языке. К относительным лакунам относятся слова, употребляемые в языке редко и при особых обстоятельствах [7]. Так, примерами абсолютных лакун для французского языка являются русские слова *кипяток*, *ровесник*, *именинник*. Относительными лакунами для английского языка являются высокочастотные в русском языке слова *душа*, *тоска*, *судьба*. В.А. Муравьев выделяет помимо абсолютных и относительных лакун также лакуны *векторные*, *стилистические*, *этнографические* и *ассоциативные* [6].

В этнопсихолингвистике выделяются следующие типы лакун (Антипов и др. 1989):

1. Языковые лакуны (лексические стилистические и грамматические). Такие лакуны могут быть абсолютными и относительными.

2. Культурологические лакуны (этнографические, психологические, поведенческие и кинесические). Такие лакуны могут быть интерязыковыми и интеркультурными, интраязыковыми и интракультурными, конфронтативными и контрастивными, имплицитными и эксплицитными.

3. Текстовые лакуны.

На основе данной классификации рассмотрим типы языковых и культурологических лакун, возникающих при изучении темы «Человек, портрет, характер» в финской аудитории.

К абсолютным лексическим лакунам (не имеющим эквивалента в другом языке) для русского языка можно отнести такие финские слова данной тематики, как *hipiä* (рус. нежная, ухоженная кожа женщины), *niska* (рус. шея сзади). Вместе с тем в финском языке существуют синонимы, имеющие только один эквивалент в русском языке, например: рус. волосы — фин. *hiukset*, *tukka*.

Примером относительной лакуны (имеющей сходное значение, но отличную дистрибуцию в двух языках) для финского языка является русское слово *душа*. В финском языке существуют два синонима слову *душа* (*sielu*, *mieli*), причём значение второго не имеет эквивалента в русском языке. В финском языке *mieli* — *расположение духа, охота, желание* (*mielensä tukaan* — *по нраву, по душе*).

Стилистическими лакунами (выделяемыми на основании отсутствия слова со сходной стилистической окраской в одном из сопоставляемых языков) для финского языка являются следующие русские слова:

Рус. *глаза, очи* — фин. *silmät*

Рус. *рот, уста* — фин. *suu*

Рус. *щека, ланита* — фин. *poski*.

Стилистической лакуной для русского языка является финское слово *иита* — талия.

Абсолютной грамматической лакуной для финского языка является категория рода в русском языке. В качестве относительной грамматической лакуны можно выделить более частое по сравнению с финским языком употребление императива в русском языке.

Перейдём к рассмотрению культурологических лакун.

Абсолютными этнографическими лакунами для финского языка являются такие русские слова, как *кокошник, косоворотка, зипун, тулун, кафтан*.

Кинесические лакуны представляют собой несовпадение жестов у представителей разных культур. При расставании русские машут рукой, финны этого не делают. Отсутствуют в финской культуре также жесты обозначающие рост (высокий — низкий) и размер (большой — маленький), предполагающие поднятие — опускание рук, разведение рук в стороны. Русские сопровождают свою речь жестикуляцией: помогая речи, жестикулируют правой или левой рукой — для финнов это не типично. При общении финны соблюдают дистанцию примерно в 1,2—1,5 метра. Вероятно, если подойти ближе, то финн отступит назад. Никакие касания тела или одежды не допускаются, в то время как русские в неофициальной обстановке могут позволить себе похлопать приятеля по плечу, поцеловать подругу. Финныжимают руку собеседника только при первом знакомстве (в неофициальной обстановке), при повторной встрече этот жест не повторяется.

Национально-психологические лакуны связаны с несовпадением национально-психологических типов участников коммуникации.

У всех народов существуют мифы о присущих только им национальных чертах. У русских это миф о загадочной русской душе («*Умом Россию не понять*»). У финнов, наряду с мифами об исключительной чистоплотности и честности (т. е. душевной «чистоплотности»), есть миф о присущей финнам зависти. Любой финн на этот счет приведет поговорку: «*Тот кто счастлив, не должен это показывать*», а то другие будут завидовать. К саморефлексивным характерологическим лакунам относится и финское понятие *sisu*. Иностранцу, например, трудно уловить смысл этого финского понятия, определяющего основу финского национального характера.

«Со стороны» можно определить лишь место «сису» в финской системе ценностей как «третий компонент великого финского триумvirата: Сибе-лиус, сауна и сису». Понятие включает такие категории, как *запас жиз-ненных сил, выносливость, выдержка, терпение, сила воли, мужество, смелость, смекалка*. В жизни «сису» проявляется, по признанию самих финнов, как решимость перед лицом трудностей. Финн обращается к «си-су», когда все другие ресурсы уже исчерпаны. Иногда это может также означать *упрямство, нежелание уступить*.

Поведенческие лакуны связаны с несовпадением правил «повседнев-ного поведения» у различных народов. Выделяются лакуны этикета обще-ния и рутинные. Следует отметить, что хотя в финской культуре пожимать руку собеседника принято только при первом знакомстве, однако в офици-альном или деловом контексте рукопожатие обязательно, причем дамам в Финляндии также надо пожать руку, в противном случае ваше поведение будет расценено как оскорбительное и все последующие отношения ис-портятся. В деловом общении с финнами русским рекомендуется смотреть собеседнику в глаза — если отводится взгляд, то финн может заподозрить партнёра в неискренности или во лжи. К другим важным советам относят-ся следующие: нельзя прикасаться к собеседнику (похлопывать, класть ру-ку на плечо), нельзя перебивать собеседника и не стоит ожидать от финна мгновенной реакции.

При сравнении двух языков лакуны могут обнаруживать разную сте-пень глубины. Мощные, глубокие лакуны носят интеркультурный, кон-фронтативный характер, т.е. выделяются при сопоставлении. К таким ла-кунам относятся, в частности, лакуны культурной символики.

Несовпадение цветовой символики может служить источником непонимания и неприятия чужой культуры. А. П. Василевич [4] рассматривает особенности цветовой символики в русском и финском языках. Автор от-мечает, что в финском языке *sininen* — понятие синкретическое, включа-ющее в себя различные цвета и оттенки, относящиеся к голубой, синей, а также в некоторой степени зеленой и фиолетовой части спектра. «Синий» — это одна из важнейших цветовых этнодем в финской культуре. С этим цветом связываются различные эмоциональные состояния человека: надежды, грёзы, идеалистические представления, но это может быть также цвет возмущения, тоски, печали и грусти (*sininen suuttumuksesta, sininen kaipuu*). Белый цвет в обеих культурах символизирует невинность — на невесте белое подвенечное платье (*viattomuiden valkoinen asu*). Душевная чистота в финской культуре соотносится с белизной лилии. Если для рус-ских, с определенными оговорками, белый — цвет радости, то для финнов — это также цвет печали, смерти (вспомним национальную финскую тра-дицию, восходящую к древним рунам Калевалы).

Примечания

1. Hale K. Gaps in grammar and culture // Linguistics and anthropology in honor of C. F. Volgelin-Jisse. 1975.
2. Hockett CH. F. Chinese versus English // Language in culture. — Chicago. 1954.
3. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989.
4. Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихоллингвистика. — М., 1988.
5. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1964. № 1.
6. Муравьёв В. Л. О языковых лакунах (на материале русского и французского языков) // Иностранные языки в школе. Вып. 1. 1971.
7. Степанов Ю. С. Французская стилистика. — М., 1965.

*Марья Кюнкаянниemi
(Ювяскюля, Финляндия)*

СТЕРЕОТИПЫ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА УЧАЩЕГОСЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Введение

Предметом настоящей статьи является рассмотрение стереотипов, имеющих в представлениях наших учеников о России и русских. Изучение этих представлений связано с педагогическим экспериментом (action research), проведённым нами в весеннем семестре 1999 г. При помощи изучения представлений нам хотелось выяснить, какая *культурная картина* мира имеется у учеников и как она меняется в ходе эксперимента. В исследовании приняли участие учащиеся 9 класса основной школы и 1 и 2 класса лицея. Все учащиеся в возрасте от 15 до 17 лет, всего их было 15 учеников. Исследование составляет часть финско-русской исследовательской программы *Язык и образование в межкультурном взаимодействии* [4].

Культурная картина мира в обучении иностранному языку

Понятия «картина мира» и «культурная картина мира» играют важную роль в обучении иностранному языку на основе культурологического метода (как сказать по-русски intercultural learning?). Картина мира и культурная картина — близкие по значению понятия. Для человека свойственно сформировать представление (внутреннюю модель) — о той действительности, в которой он живет, и представление о себе как части этой действительности [20. Р. 94].

Картина мира — это не зеркальное отражение мира, а некоторая интерпретация мира, осуществляемая отдельными субъектами, которые отличаются друг от друга. Поэтому можно сказать, что картина мира — динамичное явление: она постоянно уточняется [9. С. 29].

Картина мира проявляется в представлениях и понятиях, поэтому язык является существенным элементом картины мира. Тер-Минасова [11. С. 41—48] говорит о культурной и языковой картинах мира, которые тесно взаимосвязаны и которые восходят к реальной картине мира, а вернее к реальному миру, окружающему человека. Тер-Минасова определяет *культурную картину мира* как «образ мира, преломленный в сознании человека, т. е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности». Культурная картина мира различается у разных народов, и на неё влияют разные факторы, например, география, климат, природные условия, история, социальное устройство, верования, традиции, образ жизни. *Языковая картина мира* со своей стороны, отражает реальность через культурную картину мира. Культурная картина мира полнее, глубже и богаче языковой картины мира. К тому же, культурная картина мира первична по отношению к языковой, но, однако, язык вербализует культурную картину мира, хранит и передает из поколения в поколение. Язык способен описать все, что есть в культурной картине мира, хотя он не всё фиксирует.

Финский исследователь Паули Кайкконен [14. Р. 17—18] тоже выдвигает понятие «культурная картина мира», вернее говоря, культурная картина. По Кайкконену, культурная картина (мира) состоит из родной культурной среды, родного языка и ценностей и норм, входящих в родную культуру. Чужая культурная среда, чужой язык и чужие ценности и нормы представляют собой вторую сторону культурной картины мира. Расширение культурной картины мира предполагается тогда, когда учащийся получая информацию о языке и культуре другого народа, изменяет свои прежние представления и начинает истолковывать какое-то явление по-новому, способом, отличающимся от предыдущего опыта. С расширением культурной картины мира связано и предположение о том, что когда учащийся приобретает знания о чужом языке, чужой культуре, ее ценностях и нормах, одновременно расширяется и представление об особенностях

родного языка и культуры. В конце концов в понятии «культурной картины мира» речь идет о встрече «своего» и «чужого», о понимании и одобрении «чужих» явлений.

В настоящей статье мы исходим из понятия «культурной картины мира», потому что для нас этот термин содержит более точное понятие, чем картина мира, и отвечает требованиям обучения иностранным языкам на основе культурологического подхода, целью которого является межкультурное взаимопонимание. Понятие межкультурное означает то, что учащийся как бы ставит себя между своей культурой и культурой изучаемого языка, чтобы научиться понимать и оценить себя и чужого [14. Р. 17].

Межкультурный аспект в обучении начинается с изучения представлений учащихся. Важно обратить внимание на этноцентрические искажения и обсудить их. Этноцентрические искажения означают, что чужая культура истолковывается через ценности своей культуры и что различия, отличающие культуру учащегося от чужой культуры, не воспринимаются достаточно четко. Учащийся формирует предварительные представления о культуре изучаемого языка, которые могут быть групповые мнения, предубеждения, социальные установки (attitudes) и стереотипы. Новая информация должна стать понятной учащимся, она должна приобрести черты знакомой формы. Учащийся формирует для себя так называемую «интеркультуру» [18. Р. 159]. В этом случае происходит культурная интерференция [14].

Стереотипы в обучении языку и культуре

Стереотипы в обучении иностранному языку можно рассматривать и как стереотипные представления учащегося о культуре и представителях изучаемого языка, и как стереотипы речевого общения, поведения и мышления, которые изучающий иностранный язык должен освоить.

Стереотипы часто определяются как обобщения определенных групп людей [16, 17, 21, 22]. В настоящей статье стереотипы понимаются шире: они являются односторонними и схематичными представлениями о группах людей и о разных социальных явлениях и объектах. Согласно Шапкиной [12. С. 84] в стереотипах всегда содержится и эмоциональная оценка, которая усвоена до ознакомления объекта стереотипа. К тому же, в стереотипах есть доля истины, потому что они могут основываться на четком восприятии.

Схематизация и упрощение составляют когнитивную функцию стереотипов, которая помогает категоризации информации и интерпретации новой информации на основе уже существующих знаний. Оценка в стереотипе свидетельствует о том, что стереотипы имеют и аффективную и

социальную функции, так как они являются представлениями о социальных явлениях индивида и группы. При помощи стереотипов человек способен предсказать и объяснить поведение другого человека и встретить новое, незнакомое явление [10].

Вторую сторону стереотипов в обучении языку и культуре составляют *национальные социокультурные стереотипы речевого общения*, овладение которыми обеспечивает целесообразную коммуникацию с представителями культуры изучаемого языка. Прохоров (1996, 72) считает дидактически важным, что в содержание обучения должно входить описание социальных стереотипов общности изучаемого языка, а, именно, описание стереотипов *мы-образа*, потому что в них учащийся как носитель своего собственного *я-образа*

Особенно в новой культурной среде *я-образ* учащегося находится в оторванности от поддержки своего *мы-образа*, поэтому учащийся должен освоить стереотипы нового *мы-образа*.

Стереотипы о русских и о России: предварительные представления учеников

Исследование предварительных представлений учеников о русских и России сделано в начале педагогического эксперимента с помощью анкетирования и тематических интервью. Сначала мы рассматриваем представления о характере, внешнем виде и поведении русских, а после этого представления о России.

Согласно предварительным представлениям учеников русские по характеру *дружелюбные, услужливые, открытые, вежливые, разговорчивые, веселые, гостеприимные, скромные, ценящие семью, ленивые*. Представления наших учеников сходятся в результатах, полученных во многих исследованиях. Например, Павловская [6] изучала представления американцев о русских. Ее исследовательским материалом были письменные источники конца XIX в., которые показывают, что уже тогда русских считали гостеприимными, дружелюбными, открытыми и «природно» ленивыми. Исследования об автостереотипах русских сегодняшнего дня дали сходные результаты [7, 3, 19].

Вопрос о национальном характере вызывает спорные мнения. Можно ли сказать, что этнические или этнокультурные стереотипы, (так мы можем характеризовать и стереотипы наших учеников), выражают национальный характер? Понятие национального характера создалось в Европе и в России в XIX в. В России оно служило целям славянофильства как часть национального мифа (Hellberg-Him 1998. С. 168). Кармин (1997. С. 266—267) утверждает, что национальный характер не существует, если

под ним понимается некая заданная «от природы» система личностных, психических и нравственных свойств человека, но национальный характер существует, если под ним понимается устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм [2].

Внешний вид русских ученики описывают как следующее: *русские темные, мужчины носят усы, у женщин красивая прическа и они красиво одеты, они носят свитер и юбку, редко брюки, мужчины носят ушанку. О поведении и ценностях русских ученики пишут, что мужчин уважают и почитают в семьях, к старшим обращаются на «вы», русские много пьют.* Представления о внешнем виде и стиле одевания основываются на восприятиях русских учеников, посетивших нашу школу. Стереотипные представления о роли мужчин в семье и обращении на «вы» к старшим людям, возможно, восходят к учебному материалу, использованному нами во время педагогического эксперимента. Учебный материал был составлен из аутентичных текстов, написанных русскими школьниками. Во многих текстах отец и дедушка были описаны как лица, принимающие решения в семье и поэтому их надо уважать. Стереотип о том, что русские любят водку, широко распространен на западе.

Стереотипы учеников о России связаны с социальной средой и с типичными для русской культуры вещами. Представления о русском обществе в большей степени негативные, и в них можно найти влияние средств массовой информации, которые, в основном, передают только отрицательную информацию из России. Ученики сказали, что именно СМИ являются помимо уроков русского языка самым значительным источником информации о России. В России, согласно представлениям учеников, *условия жизни плохие, там много насилия, наркоманов, проституток, алкоголиков, нищих, и воров. Пропасть между богатыми и бедными глубокая. С политической точки зрения, Россия гнилое государство, в котором постоянная нехватка жилья и питания. В России тяжело и примитивно. В городах опасно ходить по улицам, мафия стреляет на улицах. В городах грязно.* Разные, широко известные символы русской культуры являются стереотипными представлениями и наших учеников: *матрешка, самовар, церкви и красивые дворцы.*

Наблюдения о русских и о России: стереотипы в тесте

Под «атрибуцией» понимается интерпретация причины поведения другого человека в условиях недостаточности информации об этих причинах. Процесс атрибуции служит человеку для того, чтобы осмыслить окружающий мир.

Стереотипные предварительные представления и ожидания тесно связаны с атрибутивным процессом, поэтому в атрибуции могут быть и ошибки [1. С. 69, 83].

Наши данные основаны на восприятиях учеников русских и России, которые мы получили во время поездки в Петербург. Ученики записали свои ожидания перед поездкой, и потом в Петербурге вели дневник. Мы сравнили предварительные представления и наблюдения о русском характере, внешнем виде и поведении русских, сделанные в Петербурге. Предварительные представления, как и стереотипы о России, отрицательные: *в гостинице уборщицы украдут все и отнесут своим голодающим детям, везде бегают тараканы, Петербург грязный и тяжелый город.*

Ученики обратили внимание на такие факты, о которых у них уже были стереотипные представления. Например, у них был стереотип, что русские дружелюбные. На основе своего опыта многие заметили, что русские не более дружелюбные, чем финны. *Нельзя сказать, что в автобусе люди дружелюбные или там весело болтают, они так же молча смотрят в окно, как и в Финляндии.*

Дружелюбие связано и с поведением продавщиц в магазинах. Многие удивлялись тому, что продавщицы не улыбаются и они прямо грубо обращаются к клиентам.

Обслуживание почти во всех местах довольно грубое. Ни улыбки, ни благодарности. Кажется, что они не считают обслуживание клиентов важным делом. Это странно.

О внешнем виде и стиле одежды русских есть наблюдения, укрепляющие стереотипы учеников, и наблюдения, отличающиеся от их стереотипов. Некоторые пишут, что *русские женщины больше заботятся о своём внешнем виде, чем финские женщины, и что они носят мини-юбки, высокие каблуки и употребляют косметику.* Одна ученица пишет, что её стереотип изменился.

Я была совсем не права в том, как русские одеваются и употребляют косметику. Там были такие же простые люди, как и в Финляндии.

Необычным, по мнению учеников, было то, что многие русские ходят рука об руку. В Финляндии только влюбленные или люди очень близкие друг к другу ходят руку об руку.

Пары ходят рука об руку, как будто любовь в России живёт дольше, чем в Финляндии.

Продажа животных на улицах и большое количество бездомных собак и кошек вызвали сильные чувства у наших учеников. Защита животных является для многих финских молодых важным делом, поэтому продажа животных стала так называемым «выпуклым» явлением.

«Выпуклые» явления являются необычными, исключительными, как будто оторванными от своего контекста, фона явлениями, которые оцениваются спонтанно и субъективно [1. С. 110-112].

В конце педагогического эксперимента все опрошенные нами ученики считали, что их предварительные представления в большей степени не отвечали действительности.

Один ученик так описывает свои впечатления.

У меня было представление, что в Петербурге очень грязно и люди одеты плохо, но оказалось, что люди там одеты хорошо и город тоже чистый. Я предполагал, что в Петербурге ужасно, но все оказалось по-другому. В Финляндии жалуются по поводу каждого дела. В России все же дела обстоят хуже, чем в Финляндии, но уже не так плохо, как я думал.

Заключение

Стереотипы о русских и о России, имеющиеся в предварительных представлениях наших учеников, имеют распространение среди финнов. Канкаансюря и Турунен (1997) отметили сходные наблюдения у университетских студентов, изучающих русский язык. Нам кажется, что наше исследование показало не только устойчивость, но и динамичность стереотипов. При действительной встрече с русской культурой открытое отношение учеников к новым явлениям влияло на то, что отрицательные представления стали более положительными, а положительные представления более реалистичными.

В обучении межкультурной коммуникации описание культуры изучаемого языка является когнитивным алфавитом, но это только пик айсберга. Чтобы войти поглубже в изучение новой культуры и языка, хорошо было бы обсуждать те ценности и установки, которые содержатся в стереотипах. Представление о чужой культуре, основывающееся лишь на стереотипах, слишком узко, а часто такое представление передает искаженную картину о чужой культуре, хотя в стереотипах и имелась доля истины.

В изучении иностранного языка и культуры вопрос заключается в расширении культурной картины мира, или, в формировании бикультурной языковой личности [5. С. 360]. Цель изучения стереотипов двоякая: с одной стороны, надо осознать имеющиеся у студентов стереотипы о чужой культуре, чтобы узнать и освоить реальные стереотипы, типичные для чужой культуры и языка. В расширении культурной картины мира важную роль играет развитие представлений и о роли своей родной культуры, так как в процессе диалога своей и чужой культуры учащийся может пере-

смотреть свои представления о себе, о своём родном языке и своей культуре.

Примечания

1. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000.
2. *Бороноев А. О., Смирнов П. И.* Россия и русские: Характер народа и судьбы страны. — СПб.: Лениздат, 1992.
3. *Кармин А. С.* Основы культурологии. Морфология культуры. — СПб., 1997.
4. *Лайхила-Канкайнен С.* Язык и образование в межкультурном взаимодействии // *С. Лайхила-Канкайнен, С. А. Расчетина (ред.)* Языковые контакты. Научный центр прикладной лингвистики. Университет г. Ювяскюля, 1997. С. 7—23.
5. *Митрофанова О. Д.* Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века. / *Ю. Е. Прохоров (отв. ред.):* Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения российских учёных. — М., 1999. С. 345—363.
6. *Павловская А. В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850—1880-е гг. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
7. *Почебут Л. Г.* Введение в этническую психологию. — СПб., 1995.
8. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. — М.: Педагогика-Пресс, 1996.
9. *Серебренников и др. (ред.)* Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.
10. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. — М.: Ин-т психологии РАН «Академический проект», 1999.
11. *Тер-Минасова С. Т.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.
12. *Шапкина О.* О языковых стереотипах в межнациональном общении // *Россия и Запад: диалог культур: Материалы 2-й международной конференции, 28—30 ноября 1995 г.* Москва, 1995. С. 84—90.
13. *Hellberg-Hirn E.* Soil and soul: the symbolic world of Russianness. Aldershot: Ashgate, 1998.
14. *Kaikkonen P.* Kulttuurien välinen oppiminen ja kasvatusta. Teoksessa K. Matinheikki-Kokko (toim.) Monikulttuurinen koulutus. Perusteita ja kokemuksia. Helsinki: Opetushallitus, 1999. P. 17—29.
15. *Kankaansjira R., Turunen N.* Kulttuurierot opiskelijan kieli- ja kulttuuritietoisuuden kehittäjinä. Teoksessa S. Laihiala-Kankainen ja S. Raschetina (toim.) Kielikontakteja. Jyväskylän yliopisto: Soveltavan kielentutkimuksen keskus, 1997. P. 103—117.
16. *Lehtonen J.* National attitudes as a self-protection strategy. Teoksessa D. Marsh and L. Salo-Lee (toim.) Europe on the Move. Fusion or Fission? Proceedings 1994 Sietar Europa Symposium. Jyväskylä: University of Jyväskylä / Sietar Europa, 1994. P. 100—105.
17. *Lustig M., Koester J.* Intercultural competence. Interpersonal communications across cultures. New York: Longman, 1999.
18. *Murphy E.* The cultural dimension in foreign language teaching. Four models. Language, Culture and Curriculum 1 (2), 1988. P. 147-163.
19. *Piirainen T.* Towards a new social order in Russia. Transforming structures and everyday life. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1997.
20. *Rauste-von Wright M. von Wright J.* Oppiminen ja koulutus. Juva: WSOY, 1996.

21. *Tajfel H.* Human groups and social categories. Studies in social psychology. Cambridge: / Cambridge University Press, 1981.
22. *Virtanen L.* Arjen uskomuksia. Porvoo: WSOY, 1994.

Л. Сретенская, Н. Турунен

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ФИНСКИМИ СТУДЕНТАМИ

С середины 90-х гг. в Финляндии активно проводится сопоставительный анализ педагогической культуры преподавания в России и в Финляндии. Это связано с тем, что в Финляндии растет число иммигрантов школьного и студенческого возраста. В исследованиях рассматриваются вопросы адаптации к системе преподавания в финской средней и высшей школе. Одной из главных проблем иммигрантов при адаптации к учебе является недостаточный уровень владения финским языком. Другая важная проблема — это разница между педагогическими культурами преподавания [2].

В работах финских исследователей выделяются следующие черты, свойственные российской системе преподавания: несамостоятельность учащихся, их пассивность, жесткий контроль со стороны преподавателя, авторитарная система взаимоотношений ученик — учитель [3, 4]. В отличие от русской системы, согласно Пеккинен, для финской школы характерны, например, следующие принципы:

- ты приходишь в школу, чтобы получать знания;
- ты ищешь информацию самостоятельно;
- если тебе нужна помощь, тебе помогут;
- учиться — весело;
- нужна спокойная атмосфера для работы в классе;
- я учусь, потому что я хочу развивать себя.

В этих принципах в сжатой форме отражены важнейшие, по мнению автора, черты финской культуры преподавания: ученик является не пассивной, а активной фигурой в процессе обучения, он свободен и инициативен, а преподаватель — помощник в поиске новой информации. Главная мысль, которая проводится в работах финских авторов та, что учащиеся в Финляндии активно и самостоятельно овладевают знаниями.

В данной статье мы хотели бы поделиться некоторыми наблюдениями над учебной работой студентов-русистов в университете г. Ювяскюля. Первая черта, которую мы рассмотрим — активность студентов на занятиях и при подготовке домашних заданий. Русских преподавателей, работающих в финской аудитории, поражает пассивность финских студентов. Хорошо известна молчаливость финнов на разговорной практике и на других прак-

тических занятиях, когда каждый ответ приходится просто «вытягивать» из них. Активно работающий на занятии финский студент — это не типичное явление. Это можно объяснить данными исследований коммуникативного поведения финнов [2], которые указывают, что для финнов нехарактерно выделяться среди окружающих. Но что же значит в таком случае быть активным и инициативным в процессе овладения знаниями? Может быть активная самостоятельная работа во внеаудиторное время? Однако наш опыт показывает, что финские студенты не являются слишком прилежными учениками. Домашние задания не выполняются достаточно часто, при этом причины невыполнения не всегда объективны.

Свободное посещение занятий в финском университете приводит к тому, что студенты пропускают достаточно много занятий, но пропущенный материал не прорабатывают самостоятельно. Главный аргумент тот, что у них не хватает времени (либо студент много подрабатывает, либо во время занятий посещает другие курсы). Неподготовленность студентов замедляет процесс обучения, требует от преподавателя постоянной корректировки плана занятия, снижает интенсивность обучения. Нам кажется, что тезис об активности финских студентов в процессе обучения не находит своего подтверждения.

Примером самостоятельной работы студентов может быть работа в просеминаре. Большой редкостью является то, что студент приходит в просеминар уже со своей темой исследования, чаще всего студент вообще не представляет, чем он хотел бы заниматься. Поэтому функция преподавателя заключается не только в оказании помощи при затруднении, как утверждают финские исследователи, а в активном сотрудничестве и в активном поиске темы, цели, методов исследования и даже в составлении библиографии. Более того, многие испытывают затруднения при пользовании библиотекой.

На наш взгляд, даже поверхностные наблюдения без глубоких исследований показывают, что вопрос об особенностях учебного дискурса не так прост, как это может показаться на основании исследований финских авторов. Мы ни в коем случае не опровергаем данные проведенных исследований, но мы хотели бы обратить внимание на то, что поведение в учебном процессе финских студентов не столь однозначно, как утверждают финские исследователи. Какие факторы влияют на это поведение, этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения.

Примечания

1. *Laihiala-Kankainen S.* Opetuskulttuurien kohtaaminen: venäjänkieliset maahanmuuttajaoppilaat suomalaisessa koulussa // *Laihiala-Kankainen S., Lysakova I. P. & Rascetina S. A.* Perspektiivejä-kulttuuri, kieli ja koulutus. Jyväskylän yliopisto, 1999.

2. *Lehtonen J.* Vaikeneva suomalainen — myytti ja todellisuus. — *Tempus* 5, 1994. S. 5—7.

3. *Pekkinen N.* Oman kulttuurin kuva — venäjän kielen opetus Vantaalla. Rekola N.(toim.) Vieraskielisten oppilaiden äidinkieli. Opetussuunnitelman laatimisesta ja opettamisesta —Helsinki: Opetushallitus, 1995. S 81—89.

4. *Soininen T.* Venäjänkielinen luokka suomalaisessa koulussa: tapaustutkimus. Kasvatustieteen syventävien opintojen tutkielma. Luokanopettajan koulutusohjelma. Joensuun yliopisto, 1997.

О. Л. Кузнецова

МИМИКА И ЖЕСТЫ **(русско-финские соответствия)**

В последнее время психологи, лингвисты и методисты обратили особое внимание на межкультурные различия в невербальном поведении представителей разных лингвокультурных общностей.

Жест является важнейшим средством невербальной коммуникации, которое, сопровождая речь, обычно является показателем раскованности говорящего. Он подчеркивает ту непринужденность, которую мы считаем необходимым условием реализации разговорной речи. Жест сокращает вербальный текст, заменяя слова и включая в диалог те или иные дополнительные смыслы.

Жест, конечно же, национален, существует даже этикет жеста. Например, у русских очень невежливо показывать на что-либо, а особенно на человека пальцем. Если нужно показать, указывают всей рукой. В русском языке огромна также индивидуальность рукопожатий, например, подать два пальца — высокомерное приветствие, подать руку лодочкой — приветствие смущенного человека, долго пожимать руку, не отпуская — проявление дружеского или фамильярного интереса к человеку и т. д. для народов, мало жестикулирующих, русское общение кажется сильно насыщенным жестами.

Сравнивая русский жест с жестом чисто европейским, надо заметить, что русские практически не используют синхронные движения обеих рук, жестикуляция осуществляется одной рукой, чаще правой. Вторая рука или совсем не жестикулирует, или жестикулирует в меньшей степени и не повторяет движения правой. Когда жестикулируют руками, их не выносят далеко от тела. Часто движения руки заменяют движениями головы, плеч. Например, вместо слов «не знаю» пожимают плечами. Наблюдая русских в жестикуляции, представители других наций не всегда правильно определяют стилистику жеста, т. е. когда и с кем можно употреблять, а когда

нужно себя в этом ограничивать. Русская жестикуляция, мимика, поза определяются ситуацией, отношениями говорящих и их социальной принадлежностью. Чем человек воспитаннее, вежливее, тем более сдержан его жест.

Становится очевидным, что большинство жестов культурно-специфичны, и не только не способствуют межкультурной коммуникации, а затрудняют ее. Одинаковые по технике исполнения жесты могут по-разному интерпретироваться даже в разных культурах одной страны.

Финляндия — страна, близкая нам не только территориально. Нас объединяют культурные, исторические и экономические связи, поэтому соотношение невербальных средств коммуникации русских и финнов представляет собой интерес как с теоретической, так и с практической стороны.

В процессе проведенного нами опроса финские студенты определили значение большинства «намекающих» жестов, используемых русскими, но и отметили, что подобные жесты представлены в их собственной культуре.

Финны считают, что жестикулируют довольно часто. Если русские жесты обладают сильной частотой повторяемости, то финские жесты повторяются чаще, чем русские. Как у русских, так и у финнов одним из способов установления контакта является прикосновение. Финны, в особенности молодежь, чаще, чем русские, используют объятия. Особенных, специфических жестов для обозначения тех или иных реалий, традиций, верований у финнов нет. Коммуникативные и оценочные жесты в целом у русских и финнов очень похожи и различаются незначительно.

1. Коммуникативные жесты, мимика и телодвижения:

а) жесты приветствия и прощания.

Обычно фаза приветствия включает шесть визуально воспринимаемых элементов: улыбка, подъем бровей, откидывание назад головы, приветственный подъем руки, взмах рукой, движение с намерением обняться. Когда встречающиеся приближаются к друг другу, наступает ключевой момент встречи. т. е. физический контакт тел: пожатие рук, объятия, поцелуи.

На первой стадии приветствия (приветствие на расстоянии) русские чаще всего используют легкий кивок головой вперед, который может сопровождаться легким наклоном корпуса. Финны также достаточно часто используют этот жест при приветствии. Кроме того, среди финской молодежи встречается такой вариант приветствия, как «вскидывание головы» (голова часто откидывается назад и более плавно возвращается в нейтральное положение. Этот жест похож на перевернутый кивок). Размахивание поднятой на уровне головы или над головой правой (левой) рукой из стороны в сторону ладонью вперед или движение в вертикальном

направлении согнутой в ладони рукой используется русскими как для приветствия, так и для прощания. Финны же используют эти жесты только при прощании. Воздушный поцелуй у русских чаще используется при прощании, чем при приветствии. Финны вообще используют этот крайне редко. На второй стадии приветствия (физический контакт тел) русские и финны часто используют рукопожатия, однако у русских этим жестом чаще пользуются мужчины, у финнов подобного различия нет. Объятия как форма приветствия и прощания в финском общении встречаются чаще, чем в русском. Такая традиционная форма русского приветствия и прощания, как тоекратный поцелуй, сохраняется в основном среди старшего поколения, молодежь этот жест использует довольно редко.

б) жесты привлечения внимания.

В наиболее распространенной форме подзывание осуществляется движением прижатых друг к другу четырех пальцев, последовательно открывающих и закрывающих ладонь. Жест подзывания на больших расстояниях осуществляется путем поднятия руки и размахивания из стороны в сторону. Этот жест привлечения внимания одинаково часто используется как финнами, так и русскими. Кроме того, у финнов существует такой жест привлечения внимания, как поднятие указательного пальца. В русском общении такой жест отсутствует. Часто встречается в русском и финском общении привлечение внимания при помощи движения головы и взгляда, направленного на человека, чье внимание хотят привлечь. Этот жест может использоваться в самых разных ситуациях общения, например, в ресторане или на улице.

в) жесты «да» и «нет».

Жесты, означающие согласие или несогласие, у русских и финнов одинаковы. Кивок — голова поднимается и опускается один или более раз, при этом движение вниз совершается более энергично. По сути дела, это начальная стадия поклона. Поскольку поклон является частью распространенного во всем мире способа выражения покорности наклоном тела, то неудивительно повсеместное использование для передачи сигнала утверждения и никогда — для отрицания. Качание головой — голова поворачивается горизонтально из стороны в сторону с одинаковым наклоном влево и вправо. Это наиболее общая форма передачи смысла отрицания. Она может означать также неодобрение и недоумение. Существует предположение, что в качестве своей основы этот жест имеет движение головы ребенка при отказе от материнской груди.

2. Жесты-символы и жесты-рудименты.

Символическим жестом обозначается абстрактное свойство, не имеющее простого эквивалента в мире предметов и движений, например, глупость. В русском общении глупость обозначается такими жестами, как

ввинчивание указательного пальца в висок и стук по лбу или по чему-либо твердому рукой, сжатой в кулак. Финны для обозначения глупого человека или поступка не стучат по лбу, винчивание указательного пальца в висок также не употребляется. Вместо этого они либо вращают указательным пальцем около головы, либо вращают глазами, поднимая брови. В русском общении такие жесты отсутствуют. К жестам-рудиментам, т. е. жестам, обусловленным историческим либо культурным факторами, относится большинство дразнящих жестов, в частности, высунутый вперед язык. В русском и финском общении этим жестом обычно пользуются дети. Финны используют его реже. Жест дергания за уши (встречается в том случае, когда маленького ребенка поздравляют с днем рождения. Дергают столько раз, сколько ребенку должно исполниться лет) в русском общении чаще встречается среди старшего поколения, молодежь использует его реже. В финском общении жест отсутствует.

3. Жесты, выражающие оценку окружающих предметов или явлений:

а) положительная или отрицательная оценка.

Одобрение в русском и финском общении обозначается одинаково. В зависимости от ситуации могут использоваться улыбка, кивок головы или аплодисменты. Отрицательная оценка у русских может предаваться при помощи размахивания рукой из стороны в сторону, а также поворотом головы из стороны в сторону. Эти движения могут сопровождаться движениями бровей, сморщиванием лба или носа либо выпячиванием губ. Финны не используют активно подобную мимику и вообще довольно редко используют жесты, выражающие отрицательную оценку.

б) удивление.

Удивление у русских и финнов выражается одинаково — поднятием бровей, иногда легким вскрикиванием. Кроме того, используется закрывание глаз рукой и зажмуривание глаз.

в) отчаяние, смятение.

Жесты, выражающие отчаяние, во многом совпадают с жестами удивления. И русские, и финны в момент отчаяния закрывают глаза рукой, зажмуривают их, хватаются за голову или вскрикивают. Для русских также характерно в моменты отчаяния опускать голову. Среди финнов этот жест не наблюдается.

г) симпатия, проявление дружеских чувств.

Финны при проявлении симпатии довольно часто не используют жестов вообще. Однако из используемых ими жестов при проявлении симпатии наибольшей частотностью отличаются объятия. Довольно часто встречается касание волос (при общении с ребенком или любимым человеком). Поцелуй в щеку и поглаживание по руке при проявлении симпатии

у финнов встречается очень редко. Русские же наоборот чаще всего при проявлении ласки и дружеских чувств целуют в щеку, реже касаются волос и гладят по руке. В целом русские в большей степени, чем финны, склонны при проявлении симпатии использовать жесты.

д) запрещающие жесты.

В качестве запрещающего жеста русские и финны одинаково часто используют ритмическое размахивание указательным пальцем из стороны в сторону либо размахивание указательным пальцем от себя к себе.

Русские жесты обладают высокой частотой повторяемости, частота повторяемости финских жестов еще выше. Финская жестикуляция менее выразительна и разнообразна, однако говорить о том, что финны не жестикулируют вообще, не приходится. Сопоставительная характеристика невербального общения русских и финнов показывает, что у русских и финских жестов много общего.

Л. И. Харченкова

ИЗУЧЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ И ФИННОВ

Изучение невербального коммуникативного поведения русских и финнов направлено на формирование компетенции межкультурного общения, что предполагает наличие умений «воспринимать инокультурные факты с терпимостью, с желанием понять чужую культуру, увидеть поведение ее носителей их глазами» (В. Г. Костомаров, 1999).

При разработке типологии упражнений мы опирались на исследование В. П. Фурмановой, в котором методика формирования межкультурной компетенции предполагает поэтапное изучение сопоставляемого материала и охватывает четыре фазы: информационную, 2) сравнительную, 3) адаптационную, 4) аппликационную (В. П. Фурманова, 1994).

Информационная фаза связана с введением дополнительной культуроведческой информации, необходимой для выполнения заданий. На **сравнительной фазе** изучаются элементы общего и специфического, представленные в культурном модусе поведения субъекта в родной и иноязычной среде. На **адаптационной фазе** происходит проекция элементов иноязычной культуры на себя, т. е. на субъекта, изучающего иностранный язык. При этом В. П. Фурманова предлагает использовать следующие методические приемы:

- 1) интервью с носителями собственной и иноязычной культуры;
- 2) выделение ситуаций, в которых поведение другого кажется необычным и трудно объяснимым;

- 3) представление ситуаций с объяснением поведения;
- 4) сравнение объяснений;
- 5) определение и селекция ситуативных культурных признаков, правил поведения, действительных для той или иной сферы общения.

Аппликационная фаза — это «погружение» в культуру, которое осуществляется через репродукцию иноязычной среды за счет использования слайдов, видеокассет и других аутентичных материалов и тем самым практикуется выход в межкультурное общение. С нашей точки зрения, данную классификацию следует дополнить еще одной фазой: **креативной** (творческой).

На данной фазе будущие преподаватели-русисты предлагают сами ситуации общения, в которых они могут показать творческое владение как жестовым поведением, свойственным представителям русской лингвокультурной общности, так и вербальными эквивалентами, соответствующими тем или иным жестам, т. е. данная фаза связана с профессиональной компетенцией финских студентов-филологов.

Представим типы упражнений, характерных для вышеперечисленных фаз.

Упражнения информационной фазы

1. Прочитайте словарную статью из словаря А. Акишиной, Т. Кано, Т. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь».

2. Проанализируйте жесты действующих лиц просмотренного видеофильма.

3. Разложите описание жеста, представленное в словарной статье, на более мелкие элементы

4. Найдите в тексте описание жеста. Покажите, как вы себе его представляете.

Образцы текстов:

а) «Сергей Вадимович внезапно прекратил движение по комнате, остановившись в противоположном от Булгакова углу, драматически скрестил руки на груди. — Чем еще могу быть полезным высокому гостю?» (В. Липатов. Повесть без названия, сюжета и конца).

б) «В эту минуту статный молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить. Где Андрюшка земский, — закричал я ему. — Кликнуть его ко мне. — Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, — отвечал он мне, гордо подбочась. — Чего надобно?» (А. Пушкин. Капитанская дочка).

в) «Иван сказал: — Ничего-с, никакого прыщика: нос чистый! «Хорошо, черт побери!» — сказал сам себе майор и щелкнул пальцами» (Н. Гоголь. Нос).

Упражнения сравнительной фазы.

1. Сопоставьте русские и финские жесты, используемые в аналогичных ситуациях.
2. Сравните элементы жестов, употребляемых людьми различных профессий а) в Финляндии, б) в России.
3. Сравните жесты, используемые при приветствии и прощании у русских и финнов. Что в них общего и чем они различаются?
4. Приведите примеры типично русских жестов, которые отсутствуют в финской культуре. С чем связано их наличие в русской лингвокультурной общности?
5. Приведите примеры типично финских жестов, которых не существует в русской культуре. Как вы можете объяснить их существование?
6. Просмотрите видеофрагмент, опишите жестовое поведение коммуникантов и скажите, как бы Вы вели себя в данной ситуации.

Упражнения адаптационной фазы.

1. Обсудите в группе серию рисунков, изображающих русские жесты. Выделите те из них, которые вам непонятны или использование которых вам трудно объяснить.
2. Просмотрите видеосюжет, выделите фрагменты, в которых жестовое поведение русских вам кажется необычным. Подберите к жестам, отсутствующим в вашей культуре, вербальные эквиваленты.
3. Подберите жесты к следующим вербальным эквивалентам:
«Я умываю руки», «Тьфу, тьфу, тьфу, не сглазь!», «Я умоляю Вас!».
4. Отберите ситуативно значимые жесты, характерные для деловой сферы общения при условии, что деловыми партнерами будут русские и финны.
5. Из серии рисунков выберите жесты, характерные для общения детей/ студентов.
6. Разыграйте ситуации, позволяющие объяснить элементы жестового поведения русских.
7. Инсценируйте диалог, ориентируясь при этом на жестовое поведение русских.

Упражнения аппликационной фазы.

1. Вспомните и изобразите жесты, которые использовали герои просмотренного кинофильма в тех или иных ситуациях.
2. Воспроизведите русские жесты по их вербальным эквивалентам.
3. Подберите материал, характеризующий использование жестов в соответствии с ситуацией, на основе текстов русских писателей.
4. Просмотрите фрагмент видеофильма без звукового сопровождения, проследите за мимикой и жестами действующих лиц и догадайтесь, о чем они говорят.

5. Проанализируйте эмоциональное состояние героев просмотренного видеофильма, как жесты помогают понять происходящее.

6. Составьте диалог, предусмотрев его жестовое сопровождение, характерное: а) для русских; б) для финнов.

Упражнения креативной фазы.

1. Придумайте ситуацию, в которой вы могли бы использовать русские жесты привлечения внимания.

2. Придумайте рассказ по пантомиме.

3. Предложите Вашим будущим ученикам ситуации, в которых можно было бы использовать эмоциональные жесты.

4. Сделайте видеозапись небольшого фрагмента, проанализируйте мимику и жесты говорящих.

5. Составьте комментарий к жестам разного типа: изобразительным, эмоциональным и др.

6. Данные виды упражнений помогут преподавателю эксплицировать различия в жестовом поведении русских и финнов и поработать над данным материалом с опорой на принцип контрастивности.

*Санна Исканиус
(Ювяскюля, Финляндия)*

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ-ИММИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ

Исследование языковой идентификации и языковых контактов иммигрантов является исходным пунктом для выяснения коммуникативного поведения [5] русскоязычного населения в Финляндии, так как иммигрант выступает как представитель своей иммигрантской культуры, отличающейся от культуры русских в России. Иммигранты образуют свою особую культуру вне финской культурной среды, усваивая также элементы финской культуры и финского коммуникативного поведения.

В данном исследовании используется термин «языковая идентификация», понимаемый как процесс сопоставления родного языка с языком этнического большинства и с носителями языка коренной национальности.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение вопросов языковой идентификации и языковых контактов русскоязычных студентов-иммигрантов, учащихся в гимназиях или в профессиональных учебных заведениях в Финляндии на основе анкетирования, проведенного в 2000 г. Количество опрошенных во время опроса составило 280 человек (130

женщин и 150 мужчин), в возрасте 16—50 лет (в среднем 21 год). Респонденты переехали в Финляндию в основном из России (72,2%), из Эстонии (16,2%), некоторые также из других бывших республик Советского Союза (11,6%).

Анкета была составлена на русском и на финском языках, и она включала всего 260 вопросов и высказываний закрытого типа по следующим темам: 1) отношение к русскому и финскому языкам, 2) выбор языка в разных ситуациях и частота его использования, 3) мнение о важности владения русским и финским языками, 4) языковая идентификация, 5) этническая идентификация, 6) контакты с членами этнических групп, 7) отношение к русским и финнам и 8) самооценка знания русского и финского языков. В данной статье излагаются результаты анализа данных, полученных по четвертой и шестой темам: языковая идентификация и языковые контакты опрошенных нами русскоязычных студентов-иммигрантов. Мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Какова степень русской и финской языковой идентификации респондентов?

2. Какое влияние оказывает пол, возраст, домашний язык общения, страна исхода, место жительства в Финляндии и длительность пребывания в Финляндии на языковую идентификацию?

3. Какой язык и как часто используется респондентами в коммуникации с членами семьи, с друзьями и знакомыми?

Рассмотрим вопросы языковой идентификации. Мы полагаем, что отношение к языку и его предпочтение влияют на контакты в среде этнической группы и в группе большинства. Исследование началось в 1999 г., и является основой докторской диссертации по прикладной лингвистике, составляя часть финско-российской исследовательской программы *Язык и образование в межкультурном взаимодействии*. Целью данной программы является обогащение знаний в сфере языковых и культурных различий и соответствий, а также углубление знаний о процессе освоения языка [2].

Русскоязычные иммигранты в Финляндии

В течение последних десяти лет количество иностранцев в Финляндии значительно выросло. В конце 1999 г. в Финляндии было зарегистрировано около 85000 иностранцев (1,65% из населения). Самое многочисленное сообщество составляют русские (16900), затем следуют эстонцы (10300), шведы (7800), иммигранты из Сомали (5 400), из бывших республик Советского Союза (3600) и др.

В результате постоянно растущего потока иммигрантов в Финляндии также увеличивается количество учащихся-иммигрантов в финских шко-

лах. Переехавшие из России в Финляндию дети и молодёжь образуют самую большую группу учащихся-иммигрантов, количество которых постоянно растёт. Вопрос их идентичности и интеграции в финское общество исследован пока недостаточно. По мнению преподавателей, адаптация русских учащихся в среду финской школы происходит не всегда легко, например, из-за различий в образовательных и педагогических культурах и из-за слабого знания финского языка [3, 11] Русские учащиеся, приехавшие в финскую школу на этапе ее окончания, находятся в худшем положении по сравнению с теми детьми, которые приехали в более раннем возрасте, поскольку их недостаточное знание финского языка часто является препятствием для возможности продолжения учёбы после окончания основной школы и для достижения успехов в ней [10].

Вопрос об идентичности иммигрантов также является сложным. Идентичность изменяется, когда человек переезжает в чужую страну, в нашем случае, в Финляндию. В Финляндии иммигрант живёт в обществе, где он со своими согражданами представляет этническое меньшинство. Его родной язык и культура отличаются от языка и культуры большинства, т. е. финнов. В этих условиях человек формирует свою идентичность снова, чтобы найти баланс между старой и новой жизнью. Прежде всего, идентичность меняется в ситуации общения. Таким образом, идентичность по своей сути является изменчивой и структурно неоднородной категорией [6, 8].

Языковая идентификация

Языковая идентификация рассматривается при помощи совокупности высказываний, касающихся значения и близости индивиду русского и финского языков на персональном уровне. Оценочная шкала русской и финской идентификации состоит из 11 одинаковых высказываний по языку, например: *Для меня русский язык самый близкий, По-моему, я русскоязычный, Мне нравится финский язык, Я охотнее говорю по-фински, чем по-русски*. Крайними точками 5-балльной шкалы были полное согласие и полное несогласие с высказыванием. Для анализа суммарные баллы составили по двум группам ответов: русскоязычная идентификация (α -коэффициент достоверности 0,88) и финноязычная идентификация (α -коэффициент достоверности 0,85). Максимальная сумма баллов была 55 и минимальная — 11 баллов.

Следующие результаты носят предварительный характер и, таким образом, не дают права на широкие обобщения, а только указывают на тен-

денцию. Результаты говорят о том, что респонденты связывают себя чаще с русским, чем с финским языком. Средний суммарный балл русскоязычной идентификации составляет 47, (самый высокий — 55 и самый маленький — 11). Средний суммарный балл финноязычной идентификации — 34, (самый высокий — 55 и самый маленький — 15). Судя по этим данным, респонденты относятся довольно положительно к русскому языку и воспринимают его себе близким. Примерно половина респондентов как близкий воспринимает исключительно русский язык, но половина связывают себя также с финским языком, т. е. у них, видимо, обозначилась стратегия языковой интеграции (о стратегиях аккультурации см. напр. [4, 7]). Но среди респондентов есть также студенты, которые очень слабо идентифицируют себя с русским языком, и, наоборот, сильно с финским языком. У них наблюдается желание изучать и использовать финский язык и готовность к языковой ассимиляции в среду финнов. Как видно на рис. 1, доля отрицательно относящихся к русскому языку минимальная. Большинство ответов свидетельствуют, что для наших респондентов остается важным как знание русского языка, так и возможность языкового общения.

Идентификация с финским языком дает более нейтральные результаты (рис. 2): большинство участников набирает от 25 до 40 баллов.

Рис. 1. Русская языковая идентификация
(на горизонтальной шкале отложены суммы баллов,
а на вертикальной — количество ответивших)

Рис. 2. Финская языковая идентификация
(на горизонтальной шкале отложены суммы баллов,
а на вертикальной — количество опрошенных)

На рис. 3. мы объединили результаты 1 и 2 рисунка. По горизонтальной шкале дана сумма баллов русской идентификации, по вертикальной — сумма баллов финской идентификации. График наглядно представляет в нижнем правом углу стратегию языковой сепарации от финнов, а в верхнем правом углу представлена стратегия на языковую интеграцию с финнами. В верхнем левом углу представлена стратегия на языковую ассимиляции с финнами, и в нижнем левом — стратегия языковой маргинализации.

Рис. 3. Языковые стратегии русскоязычных студентов-иммигрантов
(по горизонтальной шкале дана сумма баллов русской идентификации,
по вертикальной — сумма баллов финской идентификации)

Как видно на рис. 3, почти половина респондентов соотносят себя с обоими языками. Представляется, что у этих студентов может существовать двуязычная идентичность и позитивное отношение к жизни в Финляндии, т. е. они приспосабливаются к новой ситуации, не забывая свое происхождение, а формируя действующую биязыковую и биэтническую идентичность. Аналогичные результаты были получены также при исследовании психологической аккультурации и адаптации русскоязычной молодежи в городе Хельсинки [9, 1], согласно которому русскоязычные школьники-иммигранты показали готовность к интеграции с финнами, но в отдельных случаях наблюдалась также стратегия ассимиляции и сепарации.

Языковая идентификация и влияющие на нее факторы

При рассмотрении языковой идентификации и влияющих на неё факторов, можно заметить, что *пол* не влияет на выбор того или иного языка (женщины и мужчины идентифицируют себя одинаково с финским и русским языком, среди их ответов нет статистически значительного различия). Оказалось также, что *страна исхода* и выбор *места жительства* в Финляндии тоже не влияют на языковую идентификацию. Но интересно, что идентификация с родным русским языком более стабильная: на неё не влияют *возраст* и *длительность пребывания* в Финляндии, а на финноязычную идентификацию они оказывают влияние. Было отмечено, что студенты с 16 до 20 лет соотносят себя немного сильнее с финским языком, чем студенты старше их. Со временем отношение к финскому языку становится более положительным: те, кто живет в Финляндии больше *трех лет*, связывают себя немного сильнее с финским языком. Язык, на котором респонденты *говорят дома*, в свою очередь, оказывает влияние и на русско- и финноязычную идентификацию. Говорящие дома на русском языке респонденты относятся более положительно к русскому языку, и наоборот, более отрицательно к финскому языку, чем говорящие дома на финском языке. Использование финского языка дома влияет отрицательно на восприятие русского языка. Кроме того, респонденты, которые говорят дома только на финском или на финском и русском языках, относятся бо-

лее положительно к финскому языку, чем те, которые говорят только на русском языке. Возможно, что дома говорят на финском из-за того, что ингерманландская семья сохраняет финский язык в семейном общении, или у кого-то в семье финский язык является родным языком.

Языковые контакты

Предварительный анализ языковых контактов позволяет сделать вывод о том, что информанты чаще всего используют русский язык в ситуациях неформального общения: с членами семьи, с друзьями и знакомыми, читают газеты, журналы, художественную литературу, думают. Немного больше половины (54%) респондентов предпочитают русский язык финскому языку, 44% используют оба языка и только один ответивший предпочитает финский язык в общении, если учитываются все упомянутые ситуации. В семейном общении предпочитается русский язык, так как у большинства опрошенных (89%) русский язык является родным. На русском языке говорят дома 68% из респондентов, а на финском — 4% и на обоих языках говорят 23% из опрошенных.

Судя по результатам, большинство респондентов (72%) имеют только или в основном русских друзей, у 16% нет в данном случае выраженных предпочтений, и только у 8% опрошенных нами иммигрантов круг дружеского общения составляют преимущественно финны. В то же время, респонденты хотели бы, чтобы у них было больше финских друзей. 70% из опрошенных отметили, что они хотели бы иметь как финских, так и русских друзей. Кажется, что им трудно вступать в контакты с финнами, но это не из-за того, что респонденты сами не хотят контактов. Наверное, этот вопрос связан с культурным и языковым барьером с обеих сторон.

В коммуникации с друзьями респонденты используют чаще всего русский язык, как и можно ожидать, судя по предыдущим данным. В свободное время исключительно на русском языке говорят 44% из опрошенных, на обоих языках говорят 47% и только на финском языке — 7% из респондентов. В учебных заведениях доля говорящих на обоих языках немного больше, чем в свободное время — 63%, только на русском языке общаются 22% и на финском — 14% из опрошенных. Это указывает на то, что школа создает основу для общения с финскими сверстниками.

Мы попросили студентов ответить на вопросы, касающиеся частоты использования русского и финского языков в свободное время (чтение, слушание музыки, просмотр программ по телевидению и контакты с русско- и финноязычными людьми). По каждому респонденту был рассчитан

суммарный балл частоты использования русского и финского языков. По полученным результатам респонденты были разделены на три группы согласно частоте использования языка. Первая группа состояла из студентов с минимальным использованием языка (никогда или несколько раз в году), вторая — со средним использованием языка (несколько раз в месяц), и третья — из респондентов с частым использованием языка (несколько раз в неделю или каждый день). Как видно из таблицы 1, почти половина респондентов использует русский и финский язык или общается на них в среднем несколько раз в месяц.

Таблица 1

Частота использования русского и финского языков (%)

Язык	Минимальное использование языка	Среднее использование языка	Частое использование языка	Всего
Русский	27,2	45,6	27,2	100
Финский	40,9	47,1	12	100

Самая большая разница между показателями использования русского и финского языков наблюдается в группе с минимальным использованием языка. Хотя доля минимально использующих русский язык, можно сказать, неожиданно высокая (27,2%), но соответствующая доля использующих финский язык оказывается намного выше (40,9%). Только 12% из респондентов используют финский язык часто, т. е. читают, слушают музыку или радио, смотрят программы и фильмы, общаются с финноязычными людьми несколько раз в неделю или каждый день. Соответствующая доля часто использующих русский язык — 27,2%. Можно заметить, что почти половина респондентов входит в группу со средним использованием русского и финского языков (несколько раз в месяц).

Заключение

На данном этапе исследования можно сделать вывод, что большинство опрошенных нами студентов-иммигрантов идентифицируют себя в сфере неофициального общения в основном с русским языком и воспринимают его себе близким и важным. Но оказывается, что у многих есть также желание интегрироваться в финское общество и вступать в контакты также с финнами. С другой стороны, полученные нами результаты показывают, что контакты с финнами еще малочисленны и у многих респондентов наблюдается довольно ограниченное использование финского

языка и общения на нем. Так как приведенные в данной статье результаты носят предварительный характер, еще невозможно сказать точно, какие факторы языковой и этнической идентичности иммигранта влияют на коммуникативное поведение и наоборот, но, судя по полученным данным, вопрос интересен и многосторонен. Анализ материала анкетирования только начался. Нами будет также собран дополнительный материал, чтобы с помощью интервью глубже исследовать вопросы коммуникативного поведения и адаптации русскоязычных студентов иммигрантов в Финляндии.

Примечания

1. *Исканиус С.* Языковая идентичность русскоязычных школьников в Финляндии // С. Лайхиала-Канкайнен, И. П. Лысакова, С. А. Расчетина (ред.). Перспективы — культура, язык, образование. Научный центр прикладной лингвистики. Университет г. Ювяскюля, 1999. С. 124—139.
2. *Лайхиала-Канкайнен С.* Язык и образование в межкультурном взаимодействии // С. Лайхиала Канкайнен, С. А. Расчетина (ред.). Языковые контакты. Научный центр прикладной лингвистики. Университет г. Ювяскюля, 1997. С. 7—23.
3. *Лайхиала-Канкайнен С.* На грани двух культур: русскоязычные учащиеся-иммигранты в финской школе / С. Лайхиала-Канкайнен, И. П. Лысакова, С. А. Расчетина (ред.). Перспективы — культура, язык, образование. Научный центр прикладной лингвистики. Университет г. Ювяскюля, 1999. С. 196—224.
4. *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М.: «Ключ-С», 1999.
5. *Стернин И. А.* Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. — Воронеж, 2000. С. 4—20.
6. *Bauman Z.* Sosiologinen ajattelu. Juva: Vastapaino, 1997.
7. *Berry J. W.* Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: an International Review. 1997. 46 (1). P. 5—34.
8. *Hall S.* Identiteetti. Tampere: Vastapaino, 1999.
9. *Jasinskaja-Lahti I.* Psychological Acculturation and Adaptation among Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland. Social psychological studies 2. Department of Social Psychology. University of Helsinki. — Helsinki: Edita Oy, 2000.
10. *Romakkaniemi H.* Maahanmuuttajanuoret toisen asteen koulutuksessa. Helsingin kaupungin opetusviraston julkaisusarja B12, 1999.
11. *Suni M.* Maahanmuuttajaoppilaiden suomen kielen taito peruskoulun pödttyvaiheessa. Moniste 11. Helsinki: Opetushallitus, 1996.

Е. С. Rogover

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ФИНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Проблема национального характера и поведения)

Литературные и общекультурные **взаимосвязи** между Россией и Финляндией имеют уже длительную и достаточно богатую историю. В ней можно выделить несколько основных аспектов.

Прежде всего отметим глубокий интерес, проявленный с обеих сторон к **фольклору**, уходящему своими корнями в глубокую древность. В русской и финской фольклористике издавна наблюдалось пристальное внимание к связям в области сказочного эпоса. Здесь следует выделить такие имена, как Я. Грот, А. Беккер, З. Топелиус, Ф. Буслаев и др., которые предприняли свои изыскания еще в первой половине XIX в. И в наше время эти взаимосвязи устанавливаются путем изучения карельского фольклора, оказывающегося связующим звеном между русским и финским народным творчеством. Укажем на исследования, осуществленные А. М. Астаховой, В. П. Аникиным, В. Карнауховой, М. Хаавио, У. С. Конкка («О собирании и некоторых особенностях карельских сказок», 1963), Н. Ф. Онегиной («Русско-карельские литературно-фольклорные связи», 1974). Последняя сравнивала, например, русские и карельские сказки с финскими вариантами из местности Сатакунда. Отметим труд «Карельский фольклор в историческом освещении» (1968), содержащий богатый фактический материал по интересующей нас проблеме.

Особое место в истории русско-финских взаимосвязей в сфере культуры принадлежит «**Калевале**». С того момента, когда финский врач Элиас Леннрот стал собирать в глухих карельских деревнях руны, составившие позже великий эпический свод, обостренный интерес к его деятельности был проявлен как с финской, так и с русской стороны. Стало ясно, что для человечества был открыт бессмертный памятник народного творчества, которому надлежит войти в сокровищницу мировой литературы. Вскоре после первой публикации «Калевалы», куда вошли пока 32 руны с двенадцатью тысячами стихов, русский исследователь Я. К. Грот перевёл несколько частей этого шедевра и в 1840 г. напечатал их в «Современнике». Несколько позже «Калевалу» на русском языке издал в сокращении Гранстрем, к ее изучению приступил Ф. И. Буслаев, а его ученик филолог Л. П. Бельский перевёл полный текст памятника издания 1849 г. Творческий подвиг ученого был по достоинству оценен русской общественностью: Л. П. Бельскому была присуждена Пушкинская премия.

В «Калевале» перед изумленным читателем предстал древний носитель *финского национального характера*. Вяйнямейнен нарисован в певучих рунах как замечательный умелец, сын мужественного и работающего народа, смастеривший кантеле и дивную лодку. Это серьёзный, сосредото-

точенный на своих думах, мудрый творец, помыслами своими обращенный к грядущим поколениям, заботящийся об их благе и процветании. Талант его ярко проявляется в музыке и поэзии. Песни о великом труженике кузнеце Илмаринене и о чудесной, мастерски сработанной умелыми руками мельнице-самоходке по имени Сампо выражают мечту финского народа о мирном труде, довольстве и счастье. В своей статье, посвященной памяти собирателя рун Элиаса Леннрома, академик В. А. Гордлевский писал: «Что такое «Калевала»? Представляет ли она народную поэму, созданную пером Леннрота, в духе народных певцов, или это искусственная амальгама, слепленная самим Леннротом из разных обрывков? <.....>. «Калевала» — народное произведение, запечатленное демократическим духом <.....>. «Калевала» — народная поэма, собранная, главным образом, в русской Карелии <.....>. От него (Леннрота. — Е. Р.) идет современный финский язык, достигающий под пером Юхани Ахо художественной виртуозности» [1]. Позже глубокие исследования об этом эпосе создали как финские ученые (К. Круны, Э. Сетеле, В. Кауконен, М. Кууси), так и русские (В. Евсеев). Выразительные иллюстрации к «Калевале» выполнили художники Финляндии (А. Галлен-Каллела) и России (Н. Кочергин).

Любопытные труды в области **древней письменной литературы**, где также нашли своё отражение культурные взаимосвязи двух соседних народов, осуществили отечественные исследователи (Ю. К. Бегунов) и финские (М. Виднэс). Так, славист Хельсинского университета Мария Виднэс выпустила книгу «Славяно-русские синаксари «Финляндских отрывков», в которой дала описание и реконструкцию пергаментных фрагментов XIII-XV вв., содержащих тексты Синакрия, или славяно-русского Пролога, сложными путями попавшие в Финляндию и Швецию. То, что в своё время начал академик И. И. Срезневский (1876), продолжила и завершила финская исследовательница [2] проделав скрупулезный и точный палеографический и лингвистический анализ текста. Это тот самый знаменитый Пролог, откуда черпали материал для своих творений И. С. Тургенев и Н. С. Лесков.

Русско-финские связи ярко проявились и в сфере художественной литературы нового времени. Здесь необходимо назвать русских поэтов первой трети XIX в. К. Батюшкова, Д. Давыдова, Ф. Глинку, не раз обращавшихся к воссозданию образов финской и карельской жизни. Важнейшую роль в раскрытии финской темы в русской поэзии сыграл Е. А. Баратынский, волею судеб оказавшийся в 1820 г. на земле Суоми. В пору пребывания в Финляндии он создал поэму «Эда», посвященную этой стране. В отличие от Пушкина и его последователей, раскрывших роман-

тический мир юга России, Е. Баратынский сознательно ориентируется на северную природу и финский быт, подчеркивая свой полемический запал подзаголовком «Финляндская повесть». Обращение к этой теме вызывалось и ее актуальностью (в эпилоге поэт говорит о сложных взаимоотношениях России и Финляндии), и художественными задачами (желанием создать на северном материале антиромантическое произведение), и автобиографическими мотивами (отсюда — ранний намёк поэта в эпиграфе поэмы на его ссылку: «Где привязан — там и пасёшься»). Е. Баратынский еще не достигает реалистической конкретности в воссоздании местности, ландшафта, среды, однако в скупых пейзажных описаниях нельзя не узнать природы Финляндии: «суровый край», «на горы каменные там / Поверглись каменные горы», «на них шумит сосновый лес; С них бурно льются водопады», «по дряхлым скалам бродит взгляд». Впрочем, поэт особо подчеркивает, что дело происходит в «горах Финна», под «финскими небесами».

Изображая одного из двух центральных персонажей — гусара, бывшего с полком в Финляндию, автор отказывается делать его романтическим героем. Баратынский лишает его исключительности, избранничества, биографии, возвышенной любви, романтического разочарования, избегает мотива изгнания, жертвенности, бегства в мир природы и естественных отношений. Более того, автор не желает этого гусара делать героем в этическом плане и наделяет его чертами порочного обольстителя, обманщика, коварного искуителя. Как отмечает Ю. В. Манн, о своей «романтической» любви молодой «хитрец» говорит, чтобы произвести на девушку впечатление: «и романтическое переживание страсти, и бегство, и отчуждение поданы на уровне субъективной и, увы, притворной, даже притворно-корыстной иммитации» [3]. Во всем этом сказался полемический отказ Е. Баратынского рисовать традиционного поэтического героя.

Напротив, изображая «финляндку» Эду, автор поэмы явно отдает ей первенство и не только передает ей отдельные признаки центрального персонажа (чего в русской поэме ещё не бывало), но и наделяет ее этической красотой, вызывающей читательское восхищение. И здесь Е. Баратынский делает попытку воссоздать национальный характер финской девушки. Он наделяет «отца простого дочь простую» физическим и душевным здоровьем, добротой и застенчивостью, естественностью и безыскусственностью, целомудренностью и неиспорченностью, привязанностью к миру природы и соотнесенностью с ним. Последняя подчеркивается такой деталью: у нее

.....очи бледно-голубые

С «камнями розовыми» гармонируют «власы златые». Правда, автор так выстраивает сюжет своей поэмы, что Эда проявляет мягкость, покорность, податливость. Он пытается психологически мотивировать эти черты и *уступчивое поведение* героини той бурной и напряженной страстью, которая воспламенила героиню. И это во многом ему удалось, на что обратил внимание А. С. Пушкин, который писал: «Перечтите сию простую восхитительную повесть: вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь» [4]. Но та же Эда проявляет смелость и решительность, нарушая отцовский запрет, установившийся «обычай», местные нравы и идя навстречу своей роковой любви. Со всей прямоотой, смело и мужественно говорит она первая о своем чувстве («Ты мной давно уже любим»), приносит возлюбленному по утрам цветы, щедро дарит ему кольцо, благодарит «веселым книксом», преодолевает боязнь злобы и вероломства, стену национального отчуждения и безоглядно готова идти за своим возлюбленным. Она же, испытав горечь разочарования и разлуки, очевидно, сознавая всю меру греховности своего поступка, кончает жизнь самоубийством.

Но все в национальном финском характере у Баратынского угадано верно, многие присущие ему черты он подметил со всей художественной проницательностью. А в эпилоге поэмы ее автор отметил такие характерные черты финнов, как упорство в отстаивании свободы «утрюмых скал своих», мужество и бесстрашие в борьбе за независимость своей земли. И Баратынский, вопреки своим интересам государственника и певца «мочи» России, поет «славу падшему народу».

А в другом своем произведении — «Финляндия» (1820) — Баратынский противопоставил своему изнеженному поколению суровую мужественность и отвагу былых героев этого края скал, валунов и озер:

Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
<.....> Что ж наши подвиги, что слава наших дней
Что наше ветреное племя? [5]

Нельзя не увидеть в этих стихах предвестия тех скорбных дум, которые выразит позже Лермонтов в «Бородино» и «Думе», противопоставляя богатырям прошлого бездеятельное и негероическое поколение поры безвременья. Совершенно не случайно норвежский ученый Гейр Хетсю в своем докладе на V съезде славистов в Хельсинки «Финляндия в жизни и творчестве Баратынского» подчеркнул исключительно важное значение

этой страны для поэта, — он ведь недаром назвал ее «пестуном» своей поэзии [6].

Примечательно, что другой русский поэт — Н. М. Коншин, рисуя в своём стихотворении «Финляндия» (1823) облик этой страны с ее «гранитным челом», вводит в свои строки парафразу стихов Баратынского об этой северной земле:

Невольно сердце каменеет
В безлюдье каменной глуши. [7]

А. С. Пушкин, как мы помним, в поэме «Руслан и Людмила» дал свои зарисовки земли Суоми, ее озер и «финских берегов» и передал облик мудрого «природного Финна». В «Медном всаднике» поэт изобразил «финского рыболова, печального пасынка природы», а в «Памятнике» упомянул «финна» среди тех, кто назовет в грядущем его имя. И, как бы подтверждая прозорливость русского поэта, в Финляндии начали переводить Пушкина ещё при его жизни. Ф. Платен, переводчик «Кавказского пленника», охарактеризовал автора этой поэмы как величайшего национального поэта и назвал его «самой яркой звездой» в русской поэзии. Э. Леннрот в одном из своих писем к Я. Гроту просил знакомить финских читателей с поэзией великого Пушкина. Георг Фрасер в финском издании 1880 г. поместит большую статью о нашем поэте, где высоко оценит «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» и отметит, что русский гений здесь «пересмотрел Байрона» и приблизился к творческому методу Шекспира [8]. А в наше время финский ученый Эркки Пеуранен напишет исследование «Лирика А. С. Пушкина 1830-х годов» (1978), где он рассмотрит четыре темы поэта: историческую, пейзажную, любовную и творческую, показав в пределах каждой из них смену настроений, переживаний, деформацию жанров и сдвиги в поэтике [9].

В послепушкинскую эпоху литературные взаимосвязи двух соседних народов углубляются. В прославленном романе Алексиса Киви «Семеро братьев» явственно сказался гоголевский элемент; критическая и публицистическая деятельность видного финского литературного деятеля И. Снельмана во многом протекала параллельно творчеству В. Г. Белинского и имела с ним много точек соприкосновений (обоюдный интерес к славянским культурам и финской литературе). Отметим пристальное внимание Ф. И. Тютчева к судьбе Финляндии и глубокие работы финского ученого И. С. Вахроса, посвященные этому русскому поэту («Поэзия Тютчева. Природа в лирике Тютчева» [10]. Хельсинки, 1966; его же доклад «Тютчев и немецкий романтизм» на съезде скандинавских славистов в 1968 г.). Укажем на углубление социального анализа в финской литературе как результат ее сближения с русскими идейными и художе-

ственными течениями 2-й половины XIX в. [11]. Теуво Паккала, проявляя внимание к городским окраинам и «маленьким людям», носителям моральных ценностей в обществе, к «униженным и оскорбленным» людям, испытывал определенное воздействие со стороны Ф. М. Достоевского, о чем сам он писал так: «Я с жадностью читал русскую литературу — всё, что только имелось в шведских и финских переводах. И по-прежнему восхищаюсь ею. Именно с той стороны (Достоевский, Гоголь) испытал я влияние, заметные и стороннему глазу» [12]. Творчество Л. Толстого оказало глубокое воздействие на произведения и духовные искания Арвида Ярнефельта. В своих романах он отразил идеи патриархального крестьянства и «толстовства», став с 90-х гг. последователем русского художника слова, с которым вступил в переписку и которого дважды посетил в Ясной Поляне. Психологизм Л. Толстого неизменно интересовал Ахани Ахо, оставившего свое свидетельство на этот счет. Мария Виднэс проследила рецепцию творчества А. П. Чехова в Финляндии.

Со своей стороны русские писатели проявляли глубокий интерес к финской культуре. Так, А. М. Горький, неоднократно бывавший в Финляндии, следил за литературным процессом в ней; в 1916 г. под его редакцией вышла антология финской литературы, им же были привлечены А. Блок и В. Брюсов для переводов произведений финских поэтов. Горький чрезвычайно высоко ценил «Калевалу», часто высказывался о ней в своих статьях. Так, в 1909 г. он писал о том, что «индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале», в 1932 г. назвал последнюю «монументом словесного творчества» [13] заставил своего Клима Самгина размышлять об этой книге финского и карельского народа. Русский писатель видел в поэте Эйно Лейно проявление того прогресса, которого способны достигать малочисленные народы в своей культуре. Сам Э. Лейно в своем неоромантизме очень тяготел к певцу «Детей солнца» и одно из своих стихотворений назвал в унисон ему — «Сын Солнца». Традиции Горького убедительно продолжила в своих произведениях и Эльви Синерво, о чем будет сказано ниже.

В 1908 г. в стране Суоми побывал А. И. Куприн, написавший об этой поездке замечательный этнографический очерк «Немножко Финляндии». Писатель зорко вглядывался в нравы, обычаи этой страны, особенности облика и поведения ее людей. К числу отличительных черт финского национального характера он отнес исключительную любовь к детям (в этом, по его словам, «настоящая душа народа»), глубокое и действенное уважение к женщине («В Финляндии женщина всегда может быть уверена, что ей уступят место в вагоне, в трамвае, в дилижансе <.....> в государственном сейме») [14]. Автор «Олеси» отметил чистоплотность финнов, их любовь к цветам, поголовное увлечение спортом, в чём сказывается тяго-

тение к природе и забота о физическом здоровье; он выделил деликатность и вежливость людей этой страны, («незнакомые дети, встречаясь с вами, приветствуют вас: мальчики кланяются, девочки делают на ходу наивный книксен») [15]. Писатель подчеркнул поголовную грамотность финнов, практичность, хозяйственность, в чем усмотрел залог их будущего экономического процветания. А. Куприн восторженно написал о демократизме жизни в Финляндии, о простонародности, о радушии и предупредительном внимании, доверчивости и любезности. «Никакого надзора, никакого недоверия. Наши русские сердца <.....> были совершенно подавлены этой широкой взаимной верой» [16]. И писатель делал обобщающий вывод: «...всё, что я видел, укрепляет во мне мысль, что финны — мирный, большой, серьезный, стойкий народ, к тому же народ, отличающийся крепким здоровьем, любовью к свободе и нежной привязанностью к своей суровой родине» [17].

Завершая краткий экскурс в историю русско-финских литературных отношений, можно упомянуть также следование поэта А. Эйкия традициям В. Маяковского, о влиянии русских авторов на финско-шведскую поэтессу Эдит Сёдергран (об этом говорил в своём докладе на V съезде славистов в Хельсинки норвежский ученый М. Нага). С другой стороны, творческий облик этой рано ушедшей из жизни поэтессы оказал сильное воздействие на русского поэта М. Дудина, который был заморожен ее стихами, перевёл целый цикл ее миниатюр под названием «Возвращение домой» [18], посвятил ей статью и стихотворение «Перед памятником Эдит Сёдергран в посёлке Роцино» [19]. Ему же, Дудину, принадлежат и стихи о Финляндии.

Мы видели, что во многих названных художественных произведениях авторами ставился вопрос о неповторимом финском национальном характере. На эту тему в свое время были опубликованы и специальные работы. К их числу относится выступление И. Э. Эмана, редактора газеты в Борго, который ещё в 1842 г. поместил на страницах «Альманаха в память двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета» статью под названием «О национальном характере финнов». По словам этого автора, для жителей Финляндии характерна полная отрешенность от национальных интересов, неувлеченность «политическими стремлениями», равнодушие к «мирской суете». «Тогда как финикияне, греки и римляне, англичане, французы и русские только в целой вселенной находят для своих мирных и воинских подвигов достойное поприще, финну для удовлетворения его честолюбия достаточно тесного мира, в собственной груди его скрытого» [20]. И далее автор статьи пишет о созерцательном характере финна (*contemplativ*), о его консерватизме (в этом он видит идеал поведения), пассивности как основе национального характера.

Нельзя не увидеть, что статья финского автора пытается возвести в абсолют и представить идеальными далеко не самые лучшие национальные черты. Она отстраняется от других свойств финнов, не рассматривает явления в динамике и не желает видеть перспективы, изменения, которые неизбежны в ходе социального прогресса. Так же не следует считать вечными и неизменными такие черты финской женщины, как покорность, смирение, уступчивость, раскрытые и опозитизированные Баратынским. Наконец, не являются типичными и постоянными такие свойства людей Финляндии, отмеченные Куприным, как некрасивость и нескладность женщин, суровость и медлительность мужчин, молчаливость тех и других.

Уже А. И. Герцен в своем «Колоколе» от 15 ноября 1863 г. в статье «Голос из Финляндии», подписанной словом «Финляндец», полемически заметил, что финнам отнюдь не свойственно смирение, покорность и долготерпение. Напротив, для них характерна *«независимость... собственного поведения»*, проявление недовольства, брожения [21]. И финский писатель Ю. Вексель пронизал свою историческую драму «Даниэль Юрт» бунтарским духом и обратился к согражданам с так называемым «Кличем времени».

Последующие художники слова показали существенную эволюцию национального характера при сохранении его основного, доминирующего ядра. Так, Эльмар Грин в романе «Другой путь» прослеживает судьбу бедного финского крестьянина на протяжении нескольких десятилетий, в ходе которых Аксель Турханен постепенно утрачивает свою былую патриархальность, темноту, отсталость, забитость. Долгое время над героем романа тяготеет власть темных, враждебных ему, демонических сил, олицетворяющихся в образах кулака Арви Сайтури и деспота Муставаари. Они цепляются за Акселя, преследуют его, словно злые сказочные духи, мешая ему выйти на верную жизненную дорогу. Тем не менее Турханену удаётся освободиться от их наваждения и чар, преодолеть свою заскорузлую инертность, приобщиться к правде таких замечательных передовых людей, как Илмари Мурто и других борцов за социальную и духовную свободу своей родины, и в конце концов обрести «другой путь». На этой трудной дороге раскрываются такие качества Акселя Турханена, как поэтичность, привязанность к земле, любовь к родной природе. Освобождается герой романа и от длительной замкнутости, и в сознание его входит идея близости, равенства и солидарности разных народов земли. Оказывается, финны не лучше русских, «те и другие одинаково достойны уважения», оказывается, «не может быть вреда народам от их дружбы» [22]. Напротив того, человеческая солидарность несёт людям добро и радость. Эта идея овладевает сознанием финна и определяет его поступки, его гражданское поведение. И вот уже он, сражаясь на фронте, повёртывает

свое оружие против гитлеровских союзников, хорошо разбираясь, кто враг и кто друг.

В романе «Вильями Подмененный» финская писательница Эльви Синерво также прослеживает эволюцию своего юного героя, совершающуюся на протяжении двух довоенных десятилетий [23]. Глубоко исследуя психологию Вильями, сначала ребенка, потом подростка и юноши, автор романа показывает, как под влиянием обстоятельств трансформируется свойственная мальчику мечтательность, как медленно, но неуклонно освобождается герой от своей замкнутости. Вильями проходит через ряд испытаний, сближается с бедняками, изгоями общества, бродягами, рабочими, передовыми интеллигентами своей страны, чтобы в конце концов слиться с лучшими из людей и включиться в борьбу с фашизмом. Так фантазер и романтик, живущий в мире своих оторванных от жизни мечтаний, становится человеком решительных деяний, поступков, подвигов. На этом пути путеводной звездой у Вильями становится образ прекрасного Данко, о котором поведал ему однажды старый лудильщик. Юноша видит в этом горьковском образе яркий пример для подражания, эталон поведения. И подобно этому легендарному Данко, Вильями Подмененный преисполнен желанием дать людям свободу, вывести их из мрака к простору. Рядом с ним идут Ханнес, Симо и Хилма, такие же люди дела, отваги и самопожертвования, как и Вильями. «Он был одно целое с теми, кто готов воевать против зверя — против фашизма», — пишет автор. И герой романа участвует в митингах, распространении правды о стране русских, во имя которой поднялись он и его друзья, в столкновении с предателем Алланом и, попав в лапы фашистов, погибает девятнадцатилетним. Погибает, оставаясь «навсегда девятнадцатилетним», как говорится в одном из наших романов. Так решительно видоизменяется национальный финский характер, что замечательно показала писательница Эльви Синерво. Она широко использует в своем романе специфическую национальную образность, символы своего фольклора, вводит мотивы из северных, финских сказок. Но она же щедро оперирует и образами раннего Горького-романтика: образами Матери и сына, горящего сердца, вырванного из груди, смелой и гордой птицы. Так проявляется заметная художественная преемственность русского писателя и финского автора, прекрасная дружба двух литератур, утверждающая — на разном жизненном материале — бытие как деяние.

И для финского писателя наших дней характерна активность жизненной позиции, включенность в широкое движение солидарности с людьми планеты, будь то борьба с поборниками войны, с разрушителями экологического равновесия в природе или вновь возникшим фашизмом, выползающим из разных щелей на земле. Поэтому художники слова Финляндии давно покинули «башню из слоновой кости» [24]. Так, писатель Пааво

Ринтала говорит о своей верности антивоенной теме. Он записал на магнитофонную пленку, как это сделали Д. Гранин и А. Адамович, героические и трагические рассказы ленинградцев, испытавших блокаду. Книга получила название «Ленинградская симфония судьбы». В статье «Долг писателя» Пааво Ринтала говорит, что сама общественная ситуация наших дней вынуждает художника слова отойти от решения только формальных задач, что социальная, граждански значимая тема врывается в труд и размышления поэтов и прозаиков. «Именно потому для меня нет никакого противоречия в том, что я и пишу, и активно работаю в организации «Сторонники мира Финляндии». Наоборот, обе сферы деятельности удачно дополняют друг друга» [25]. Во всем этом тоже проявляется присущая национальному характеру финнов наших дней действенность, открытость и активность.

Есть и ещё одно изменение в характерологическом облике финна. некогда, как мы помним, Куприн говорил о хмурости, суровости и отсутствии чувства юмора у жителей северной страны. Вступая с ним в полемику «через горы времени», финский писатель Мартти Ларни в своем фельетоне «Откровенное раздумье» говорит о понимании его сегодняшними соотечественниками юмора и шутки. «Я знаю много финнов, которые веселы без вина и не боятся посмеяться сами над собой» [26]. Хотя финны делятся на разные племена, хотя есть среди них скованные похьялайцы и хмяляйцы, у которых «не принято очень часто проветривать свои челюсти», зато есть среди них карелы, способные легко развеселиться и рассмеяться, и саволаксы — «врожденные юмористы, каждая фраза в их разговоре заключает в себе какую-нибудь шутку или каламбур». Подтверждением этих наблюдений М. Ларни являются его собственные веселые и остроумные романы — «Четвертый позвонок» и «Прекрасная свинарка». «...В одном вопросе финны едины, — заключает свои размышления М. Ларни, — они любят мир и хотят в мире продолжать свою жизнь. В этом отношении их жизнь напоминает брак, в котором ссорятся и любят. Этого незачем скрывать, ибо подглядывающим в замочную скважину разумнее всего открыть дверь» [27].

Целью предлагаемой статьи как раз и является желание помочь читателю «открыть дверь» в мир финской культуры, в историю русско-финских литературных отношений, в своеобразие национального характера и поведения нашего северного соседа.

Примечания

1. Гордлевский В. А. Памяти Элиаса Леннрота. — М., 1903. С. 22—23.
2. Виднэс М. Славяно-русские синаксари «Финляндских отрывков». — Хельсинки, 1966.
3. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. — М., 1976. С. 176.

4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. — М., 1949. Т. XI. С. 186—187.
5. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. — Л., 1957. С. 63.
6. См.: Вопросы литературы. 1968. №6. С. 245.
7. Коншин Н. М. Финляндия // Поэты 1820—1830-х годов. — Л., 1972. Т. 1. С. 361.
8. См.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII. Пушкин и мировая литература. — Л., 1974. С. 255.
9. Пеуранен Эрkki. Лирика А. С. Пушкина 1830-х годов. Поэтика: темы, мотивы и жанры поздней лирики. — Ювяскюль, 1978.
10. См.: Берковский Н. Я. Книга о Тютчеве, изданная в Финляндии // Русская литература. 1967. №2. С. 191—193.
11. Тиандер К. Литература Финляндии // Отечество. — Петроград, 1916. Т. 1. Отдел II. С. 23.
12. Цит. по ст.: Карху Э. Г. Финская литература // История всемирной литературы: В 9 т. — М., 1991. Т. 7. С. 451.
13. «Наступление», 1932. №2. — С. 1.
14. Куприн А. И. Немножко Финляндии // Куприн А. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1972. Т. 5. С. 59.
15. Там же. С. 61—62.
16. Там же. С. 65.
17. Там же. С. 64.
18. Сёдергран Эдит. Возвращение домой: Стихотворения / Пер. М. Дудина. — Л., 1980. С. 5—6.
19. Дудин Михаил. Окно: Стихотворения. Поэмы. Переводы. Рассказы. — Л., 1981. С. 436.
20. См.: Карху Э. К истории русско-финляндских литературных отношений первой половины XIX века // Русская литература. 1958. №2. С. 172.
21. Там же. С. 178—179.
22. Грин Эльмар. Другой путь: Роман. Книга первая. — Л., 1957. — С. 110.
23. Sinervo E. Viljami Vaihdokas. — Helsinki, 1946.
24. См.: Озеров В. Финские диалоги // Вопросы литературы. 1969. №7.
25. Ринтала Пааво. Долг писателя // Вопросы литературы. 1978. №3. С. 109.
26. Ларни Мартти. Памфлеты. Фельетоны. Рассказы. — М., 1973. — С. 5.
27. Там же. С. 6.

ЗАМЕТКИ О ФИНСКОМ ОБЩЕНИИ

РУССКИЕ О ФИННАХ

Я провела семестр в университете г. Ювяскюля и вот, что меня поразило в поведении и обычаях финнов.

Английский язык.

— Очень многие финны говорят по-английски. Можно подойти с вопросом к прохожему на улице, продавцу в магазине, и они ответят вам на английском языке.

Честность.

— Характерная для финнов черта — честность. Так, на лекции преподавательница спросила студента, почему он пропустил два последних занятия по ее предмету. Он ответил, что ходил на вечеринки, поэтому не мог встать рано, чтобы придти на занятия.

— Финны очень строго соблюдают правила дорожного движения. Автомобилисты всегда пропускают пешеходов, пересекающих улицу, даже если они переходят дорогу не по пешеходному переходу. Финны в состоянии даже слабого алкогольного опьянения никогда не садятся за руль автомобиля.

Увлечения.

— Не только зимой, но и летом на улице можно встретить людей в спортивных костюмах, которые идут при помощи лыжных палок. Сами финны говорят, что это сравнительно новое увлечение очень полезно для здоровья, так как при ходьбе с лыжными палками работают мышцы не только ног, но и рук.

В гостях.

— Финская студентка пригласила нас к себе на день рождения. В гостях у нее было около десяти ее финских друзей. Гости не сидели все вместе за столом, как в России, а расположились по двое-трое и разговаривали друг с другом. Никакого общего разговора, в котором участвовали бы все приглашенные, не было. Мы привыкли к тому, что в день рождения русские уделяют особое внимание имениннику. Финны же общались между собой, не выделяя особо хозяйку-именинницу.

— Оказавшись на финской молодежной вечеринке, мы были удивлены тем, что каждый приходил со своей бутылкой алкоголя, из которой сам пил на протяжении всей вечеринки. Сначала мы были удивлены, потому что в России, когда гость приносит спиртное, то оно все ставится на общий стол и его могут пить все присутствующие. Позже мы поняли, что такое поведение финской молодежи может быть обусловлено высокими це-

нами на алкоголь в Финляндии. Гости приходят со своим спиртным, потому что хозяин просто не может обеспечить им приглашенных по финансовым причинам.

— По-моему, финны не придают большого значения угощению для гостей. В молодежной компании угощением чаще всего являются чипсы, сырая морковь. Однажды финны угощали меня мясом. На гарнир был подан картофель «в мундире». Я удивилась, потому что в России гостям обычно не подают такое блюдо. Хозяева мне объяснили, что картофель в таком виде очень полезен для здоровья.

Отношение к России.

— Отношение к русским зачастую негативное. Многие финны, несмотря на то, что живут на границе с Россией, никогда там не были. Они считают, что ничего интересного в России нельзя увидеть.

— Очень часто меня опрашивали: «Твой отец мафиози?» Финны считают, что в России живут только нищие и мафиози, поэтому, если я не похожа на нищую, значит я дочь главаря мафии. Думаю, что подобное суждение о России основывается на сообщениях средств массовой информации, которые пишут только об отрицательных сторонах российской действительности.

Внешний вид.

* Многие студенты покупают одежду в комиссионных магазинах. Они экономят таким образом деньги, и, по-моему, внешний вид для них не самое главное.

Сауна.

* Финны очень любят сауну. Сауны у них везде — в бассейне, в общежитии и т. д. Даже в небольших однокомнатных квартирах имеется большая ванная комната с сауной.

Этикет

* Еще до своей поездки в Финляндию я имела о финнах некоторое представление, поэтому была готова к тому, что мужчины не будут выполнять те правила этикета, к которым я привыкла в России. Однако финские молодые люди, открывая дверь, пропускали меня вперед, если приглашали меня в кафе, то оплачивали угощение за свой счет и т. д., хотя финские девушки утверждают, что это нетипично. По-моему, финны в общении с русской девушкой пытались реализовать свое желание быть джентльменом по отношению к даме.

В магазине.

* Приятно удивило то, что в финских супермаркетах установлены термос с кофе и сливки, чтобы покупатель мог бесплатно выпить кофе, пока выбирает товары. Один финн налил себе кофе, но обнаружил, что

сливки закончились. Он подошел к продавщице и возмутился. Она сразу принесла новый пакет сливок.

Подарки своими руками.

* У финнов очень высоко ценятся вещи, сделанные собственными руками. На особенно важные праздники принято дарить самодельные открытки, чтобы показать, что тебе не безразлично это событие. Открытка, сделанная своими руками, — это двойное внимание к тому, кому ее подавали.

Велосипеды.

* Самое распространенное средство передвижения в Финляндии — велосипед. На велосипедах ездят дети, взрослые и даже пенсионеры. Многие финны, даже если у них есть автомобиль, предпочитают ездить на велосипеде, так как это дешевле и полезнее для здоровья.

Финны о Финляндии.

* Большинство финнов очень гордятся своей страной и своими национальными героями, но многие молодые люди говорят о том, что не хотели бы жить в Финляндии. Они предпочли бы работать в других странах, больших городах.

Техника

* Практически у каждого финна есть мобильный телефон, финские учебные заведения в высокой степени оснащены различным оборудованием, компьютерами, оргтехникой. Необычным кажется сочетание этих островков техники с окружающими их лесами и озерами.

Отношение к животным.

* Финны очень бережно относятся к животным. Сначала я была удивлена тем, что на улице часто видела людей, выгуливающих двух собак, а не одну. В России обычно двух собак имеют собаководы, занимающиеся разведением щенков. Финские хозяева собак объясняют, что они заводят сразу двух животных, потому что собаки очень скучают в одиночестве.

Поведение.

* При общении финны практически не рассказывают о своей личной жизни, родителях, друзьях. Редко выражают свои эмоции. Создается впечатление, что им сложно выразить свои чувства словами. Может быть, поэтому русским финны кажутся замкнутыми и скрытными. Я думаю, что существует ощутимая разница в поведении финнов старшего и младшего поколений. Старшие гораздо более сдержанны, замкнуты. Молодежь же гораздо более открыта в общении.

* Финны гораздо реже русских ходят друг к другу в гости. Они предпочитают встречаться с друзьями в барах, кафе, вместе ходить в клубы.

Образ жизни.

* У финнов странное отношение к здоровью. Они ездят на велосипедах, занимаются спортом. Однако в выходные дни они идут в бар и выпивают очень много спиртного, что наносит большой вред здоровью.

Дом.

* Финны очень любят украшать свой дом свечами. В каждом доме обязательно есть декоративные свечи, которые хозяева зажигают вечером не только по праздникам, но и в обычные дни. Иногда финны зажигают большие свечи на улице, около входа в дом. Это выглядит очень красиво, ощущается забота владельца дома не только о себе, но и о прохожих.

Отношения между родителями и детьми.

* Меня очень удивило, когда одна студентка рассказала, что она ездит к своим родителям убирать дом и мыть посуду. За это они ей платят определенную сумму денег.

С. Гаврилович

ФИНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Это всего лишь некоторые наблюдения, впечатления, те специфические черточки, которые мне бросились в глаза после нескольких месяцев более или менее близкого общения с финнами в университете г. Ювяскюля.

1. Честность.

Первое и основное, что очень характерно для финнов и чем они в немалой степени гордятся, это их **честность**. Как сказал мне с гордостью один молодой человек, «We mean what we say and we say what we mean». Фраза, на мой взгляд, довольно точно характеризующая финнов. Они действительно говорят и думают одно и то же. Различного рода подтексты, скрытые смыслы и скрывающие реальные мысли и чувства высказывания, как правило, для финнов не характерны. Их слова прямые и однозначны.

2. Молчание — золото.

С этим связана и еще одна особенность коммуникации: отношение к **паузам** во время разговора. В русской традиции общения (мы все знаем это по собственному опыту) пауза в разговоре недопустима, это показатель нарушения коммуникации. Возникает неловкость, ощущение прерванности разговора, стремление как-то ее заполнить. Для финна же пауза является нормальным коммуникативным средством. Более того, они предпочи-

тают молчать, чем вести пустые, с их точки зрения, разговоры. Должна признать, для меня в первое время это было проблемой. Когда собеседник во время разговора вдруг замолкал, я начинала чувствовать определенный дискомфорт, мне постоянно казалось, что я сказала что-то не то, чем-то обидела его, или что тема разговора ему не интересна.

3. Реакция во время беседы.

Это малоприятное ощущение усугублялось еще и «слабой», с точки зрения русского человека, **реакцией** на мои слова. Если русские во время беседы постоянно используют различные вербальные и невербальные средства, показывающие «я тебя внимательно слушаю», то финны ведут себя гораздо более сдержанно. Их мимика и жестикация казалась мне маловыразительной, а отсутствие привычных комментирующих мои высказывания междометий и фраз (типа всем знакомых «Да что ты!») заставляло сомневаться в адекватности понимания. С другой стороны, я довольно часто ощущала и со стороны моих финских собеседников некое недоумение по поводу моей «слишком эмоциональной» реакции на их реплики. Несколько раз меня даже вежливо попросили не перебивать. Кроме того, моя русская **привычка смотреть во время беседы в глаза говорящему**, также зачастую приводила к смущению и заминкам.

4. Отношение к этикету.

С прямотой финнов связано и их **пренебрежение условностями** в обыденной жизни. Иногда это можно было принять за невоспитанность. Я, конечно, не могу назвать наших соотечественников образцом хорошего тона, но, тем не менее, такие мелочи, как необходимость пропустить женщину вперед, придержать дверь, подать пальто, помочь выйти из машины или автобуса для нас являются элементарными. Финны же этого, как правило, не делают, причем не потому, что не знают об этих нормах вежливости, а, скорее, считают их чем-то необязательным, возможно, даже затрудняющим процесс общения. Это не грубость, а все то же стремление к прямым и однозначным отношениям.

5. Одежда.

Это же пренебрежение мелочами сказывается и в их отношении к внешнему виду, к одежде. Естественно, это прежде всего относится к женщинам. Создается впечатление, что финки (и, наверное, они в какой-то мере правы) безоговорочно отдают предпочтение комфортности и удобству перед женственностью. Абсолютное большинство одевается в спортивном стиле, причем как на улице, так и в университете и даже в клубах. Иногда (опять-таки с русской точки зрения) это становится несколько странным. Так, одна моя довольно близкая знакомая как-то пришла на занятия (был урок русского языка) в старом свитере с зацепками и рваных джинсах, причем чувствовала себя вполне комфортно. Более того, при-

вычный для русских девушек стиль одежды является для финна своеобразным сигналом доступности.

6. Чистота и порядок.

Зато, в отличие от нас, финны **весьма требовательны к чистоте и порядку** на улице. Привычные для нас бумажки и банки, валяющиеся на мостовой, в Финляндии зрелище почти немыслимое. А моя попытка перейти дорогу на красный свет привела моих финских друзей в ужас: как же так, ведь это очень опасно! Хотя, кстати, финские водители очень вежливы и всегда пропускают пешеходов.

7. Финский патриотизм.

Еще одна понравившаяся мне черта финнов — их отношение к своей стране, к традициям, культурным ценностям. Финны не просто патриоты, они **глубоко и нежно любят** свою маленькую страну. Каждый финн абсолютно уверен: Финляндия — лучшая страна на свете, в ней самый чистый воздух, самая красивая природа, самый высокий уровень жизни, развитая промышленность и так далее. Любой успех вызывает у них прилив гордости. С восторгом встретили они появление на канале MTV финской группы Bonfunk MC и ее популярность в Европе. (Между прочим, успехи в сфере музыки — одна из причин, по которой финны так завидуют шведам). А известный гонщик Мика Хаккинен считается своего рода национальным героем, и его победы над Шумахером отмечаются как народный праздник.

Очень нравится финнам, когда иностранцы проявляют интерес к их языку и культуре. Мои несколько неуклюжие попытки говорить по-фински встречались с радостью и готовностью понять и помочь. А когда я говорила, что читала их знаменитый эпос «Калевала» и что мне очень понравилось, на лицах появлялась теплая улыбка. Мои финские знакомые с величайшей готовностью рассказывали о своих традициях, которых в Финляндии довольно много и которые соблюдаются почти всеми.

РУССКИЕ АНЕКДОТЫ О ФИННАХ

Идут утром два финна рубить лес. Один говорит другому:

* Смотри, заяц! Тот молчит.

Целый день молча рубили лес. Идут обратно. Проходят мимо того места и второй финн говорит первому:

* И правда — заяц!

Приехали к финну в деревню два его взрослых сына из города. Завтракают. Один сын говорит:

* Молоко слишком холодное.

Второй отвечает:

* Нет, нормальное.

Вмешивается отец:

* Не ссорьтесь, горячие финские парни!

**ПУБЛИКАЦИИ
КАФЕДРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
РГПУ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА**

**(Проблемы коммуникативного поведения,
этнической ментальности и национально
ориентированной методики обучения РКИ)**

Кафедра межкультурной коммуникации (с 1992 г. по август 2000 г. кафедра методики обучения русскому языку как иностранному), разрабатывая социопсихолингвистическое направление в методике преподавания РКИ, за 8 лет своего существования провела 10 международных конференций, опубликовала несколько десятков научных сборников и учебных пособий. Ниже представлены те публикации, которые близки по тематике данного сборника.

Статьи

Каанкасюрья Р., Турунен Н., Харченкова Л. Изучение коммуникативного поведения как средство повышения компетенции межкультурного общения // Лингводидактические приемы межкультурной коммуникации. — СПб.: Сударыня, 1996. С. 37—43.

Кузнецова О. Л. Финляндия глазами русских школьников // Русистика и современность: Материалы второй международной научно-практической конференции 29—30 июня 1999 г. — СПб.: Сударыня, 1999. С. 78—80.

Кузнецова О. Л. Особенности коммуникативного поведения в русской и финской семье // Аспект (Хельсинки). 2000. С. 42—48.

Кузнецова О. Л. Уровневый подход к понятию «межкультурная коммуникация» // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. IV. — СПб., 2000. С. 23—29.

Кузнецова О. Л. Межкультурная коммуникация в практике преподавания русского языка финским учащимся: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2000.

Кузнецова О. Л., Харченкова Л. И. Цветовая символика в русской и финской культурах // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. III. — СПб., 2000. С. 137—142.

Лысакова И. П. Что такое современный русский язык и как учить ему иностранцев? // Культура. Язык. Образование. — Ювяскюля, 1999. С. 55—59.

Лысакова И. П., Турунен Н. Опыт дидактического подхода к составлению финско-русского разговорника // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. IV. — СПб., 2000. С. 399—406.

Турунен Н. (Финляндия). О роли сопоставительного изучения коммуникативного поведения при овладении компетенцией межкультурного общения // Языковое и литературное образование в школе и вузе: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции 15—16 мая 1997 г. — СПб., 1997. С. 218—220.

Турунен Н. (Финляндия). О языковой и культурной идентификации в семьях переселенцев // Тенденция развития языкового и литературного образования в школе и в вузе: Материалы международной научно-практической конференции 22—23 апреля 1998 г. — СПб., 1998. С. 343.

Турунен Н., Харченкова Л. И. Национальные особенности культуры педагогического общения в школах России и Финляндии // Перспективы — культура, язык, образование. — Ювяскюля, 1999. С. 225—239.

Турунен Н., Харченкова Л. И. Совершенствование компетенции межкультурного общения при обучении финских студентов-филологов // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: Тезисы докл. и сообщ. IX междунар. конгр. МАПРЯЛ, 1999. С. 183—184.

Турунен Н., Харченкова Л. И. Дидактическая адаптация иностранных студентов к обучению в языковой среде // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. II. — СПб., 1999. С. 48-52.

Турунен Н., Харченкова Л. И. Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. I. — Воронеж, 2000. С. 74-78.

Харченкова Л. И. Национальный характер и факторы, его определяющие // Аспект (Хельсинки). 1996. № 1(54). С. 40—44.

Харченкова Л. И. Диалог культур как лингводидактическая категория // Перспективы. — Культура. Язык. Образование. — Ювяскюля, 1999. С. 225—239.

Харченкова Л. И. Этнокультурные и социолингвистические факторы в обучении русскому языку как иностранному // Vi world congress for central and east european studies. Divergencies, Convergencies, Uncertainties. Abstracts. 29 July — 3 August 2000. Tampere, Finland. С. 204.

Шатилов А. С. Русские глазами иностранцев (опыт социокультурного сравнения) // Тенденция развития языкового и литературного образования в школе и в вузе: Материалы международной научно-практической конференции 22—23 апреля 1998 г. — СПб., 1998. С. 322—323.

Учебные пособия

Васильева Г. М. Умом Россию не понять. — СПб., 2000.

Зиентала Гж. Деловой русский. — СПб., 1994.

Лысакова И. П. Пресса перестройки: Учебное пособие для изучающих русский язык с комментарием и русско-англо-немецким словарем. — СПб., 1993.

Лысакова И. П., Матвеева Т. Н., Орлова М. М. Русский язык в ситуациях (для начинающих). — СПб., 1995.

Методика обучения русскому языку как иностранному: Курс лекций. Изд. 2-е. испр. и доп. // Ред И. П. Лысакова. — СПб., 2000.

Практическая стилистика русского языка (для студентов-иностранцев) / Ред. И. П. Лысакова, Г. А. Мартинович. — СПб., 1998.

Филимонова Т. А. Как написать, рассказать по-русски..... (для студентов-иностранцев): Учебные задания и материалы. — СПб., 1994.

Филимонова Т. А., Харченкова Л. И. Прогулки по Санкт-Петербургу (учебный видеофильм). — СПб., 1995.

Харченкова Л. И. По одежке встречают... ...Секреты русского костюма: Лингвострановедческий словарь. — СПб., 1994.

РУССКОЕ И ФИНСКОЕ
КОММУНИКАТИВНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ

Выпуск 2

Редактор *Л. Г. Савельева*
Верстка *Л. А. Овчинниковой*

Лицензия № 021216 от 29.04.97 г.

Подписано в печать 19.02.2001. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага газетная. Печать офсетная. Объем 10,25 уч.-изд. л.;
10,25 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ №
Издательство РГПУ им. А.И.Герцена